

Аластер Рейнольдс Дождь Забвения

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11055656
Рейнольдс А. Дождь Забвения : роман: Азбука, Азбука-Амтикус; СПб; 2015
ISBN 978-5-389-10373-3

Аннотация

Археолог Верити Ожье ведет раскопки на Земле, обезлюдевшей триста лет назад в результате катастрофы под названием Нанокост. Когда экспедиция терпит крах, Верити, чтобы избежать судебного преследования и реабилитироваться, соглашается выполнить тайную миссию. По созданной инопланетянами «червоточине» в пространстве-времени она отправляется в середину двадцатого века – забрать документы исключительной важности, которые другой агент из будущего перед своей гибелью подготовил для передачи именно ей.

Впервые на русском языке!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	27
Глава 5	37
Глава 6	49
Глава 7	59
Глава 8	69
Глава 9	81
Глава 10	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Аластер Рейнольдс

Дождь Забвения

Посвящается Жозет

Alastair Reynolds

CENTURY RAIN

Copyright © 2004 by Alastair Reynolds

All rights reserved

First published by Gollancz, London.

© Д. Могилевцев, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

Глава 1

Гладь медленной реки под мостом Пон-де-ла-Конкорд походила на стоптанный, вытертый серый линолеум. Был октябрь, и власти в очередной раз устроили облаву на контрабандистов – внезапно установили контрольный пункт на дальнем конце моста, блокировав все движение до Правого берега.

– Я до сих пор не понял одного, – заявил Кюстин. – Мы музыканты, временами подрабатывающие сыском, или детективы, подрабатывающие музыкой?

– А ты как предпочитаешь? – отозвался Флойд, глядя в зеркало заднего обзора.

– Я предпочитаю занятие, не требующее сторонней подработки.

– До недавнего времени мы неплохо справлялись.

– До недавнего времени у нас было трио. А еще раньше – квартет. Может, дело в моей мнительности, но я замечаю тенденцию.

Флойд включил передачу, и «матис» продвинулся вместе с вереницей машин.

– Нам всего лишь нужно продержаться до ее возвращения.

– Она не вернется, – возразил Кюстин. – Она села в поезд и уехала навсегда. Ты еще держишь для нее сиденье впереди, но от этого ничего не изменится.

– Это ее сиденье.

– Она ушла. – Кюстин вздохнул. – В том-то и беда с поиском талантов. Найдешь, разглядишь – и рано или поздно его разглядит кто-нибудь еще.

Верзила-француз покопался в кармане пиджака:

– Ага, нашел. На, покажи доброму человеку.

Флойд взял пожелтевшие бумаги и положил рядом со своими на приборную панель. На контрольном пункте жандарм едва глянул на документы Флойда и вернул без единого слова. А взяв документы Кюстина, наклонился, чтобы рассмотреть как следует заднее сиденье «матиса» и сидевшего на нем.

– Месье, едете по делам?

– Хотелось бы, – ответил Кюстин спокойно.

– И что ваши слова должны значить?

– Что мы ищем работу, – ответил Флойд дружелюбно. – К сожалению, пока не нашли.

– Что за работа?

– Музыка. – Флойд указал назад. – Поэтому с нами музыкальные инструменты.

Жандарм ткнул стволом дешевого штампованного автомата в мягкий футляр контрабаса:

– В этом можно провезти кучу сигарет. Отгоните машину в зону досмотра.

Флойд, скрежетнув кулисой, включил передачу и повел старый «матис» туда, где жандармы обыскивали машины. Рядом с зоной досмотра стояла полосатая деревянная будка, в ней жандармы развлекались картами и дешевой порнографией. За парашютом, далеко внизу у реки, была небольшая пристань и участок набережной, усыпанный щебнем. У стены пустовало кресло, рядом – большой стол, дощатая панель на козлах, прикрытая тканью.

– Говори как можно меньше, – предупредил Флойд.

Жандарм с автоматом вернулся на свой пост, другой, из досматривающих, постучал по крыше:

– Доставайте. Кладите на стол.

Флойд с Кюстином вытащили через заднюю дверцу «матиса» футляр – не тяжелый, но громоздкий и неудобный. На нем накопилось столько царапин и вмятин, что пара лишних не меняла практически ничего.

– Хотите, чтобы я открыл? – осведомился Кюстин.

– Конечно, – сказал второй жандарм. – И выньте инструмент.

Кюстин выполнил распоряжение. Контрабас едва уместился рядом с футляром.

– Вот. Если думаете, что мы ухитрились поместить в футляр что-нибудь, кроме инструмента, – пожалуйста, смотрите.

– Я не про футляр думаю, – возразил жандарм, подзывая жестом коллегу, сидевшего на складном стуле рядом с будкой.

Тот – наверное, инспектор – отложил газету и взял деревянный ящик с инструментами.

– Я этих двоих подметил, – сказал жандарм. – Снуют через реку туда-сюда, будто мода такая. Тут уж задумаешься.

Инспектор глянул на Кюстина, прищурившись:

– А этого я знаю. Ты ж полицейским был, правда? Большой шишкой в штаб-квартире.

– Решил сменить карьеру. Иногда это полезно.

Флойд вынул свежую зубочистку из кармана рубашки, сунул в рот и надкусил. Острый конец впился в десну, брызнула кровь.

– Изрядное падение – от полицейского высшего разряда до лабуха, – упорствовал инспектор, поставив свой ящик наземь.

– Вам виднее, – согласился Кюстин.

Инспектор взял контрабас, потряс, изобразив глубокую сосредоточенность, затем положил на стол.

– Вроде ничего не дребезжит, – заметил он глубокомысленно, потянувшись за инструментами. – Однако контрабанду можно приклеить накрепко. Придется разобрать.

Кюстин со свистом втянул воздух и положил руки на контрабас:

– Нельзя разбирать! Это же музыкальный инструмент. Он не разбирается!

– Как подсказывает мой опыт, все разбирается, – хмыкнул инспектор.

– Полегче! – предупредил Флойд напарника. – В конце концов, это всего лишь кусок дерева.

– Ты друга послушай, – посоветовал жандарм. – Он дело говорит, хоть и американец.

– Пожалуйста, уберите руки с инструмента, – попросил инспектор.

Кюстин руки убирать не хотел, и Флойд его за это не винил. Контрабас был самой большой ценностью из всего, чем владел Флойд, включая «матис-эмикятр». Если не подвернется заказ на частный сыск, то контрабас – единственное, что отделяет нынешнее прозябание от банкротства.

– Отпусти! – одними губами сказал Флойд. – Оно того не стоит.

Инспектор с Кюстином потянули инструмент в разные стороны. Привлеченный их возней, остановивший машину автоматчик покинул пост и направился к вцепившимся в контрабас. А тот уже дергали изо всех сил, тянули и трясли.

Жандарм сдвинул предохранитель. Борьба за контрабас ужесточилась. Флойд подумал с ужасом, что инструмент сейчас не выдержит и лопнет. Но инспектор победил. Он вырвал из рук Кюстина инструмент и плавным движением перебросил через стол и низкую каменную стенку. Время будто замерзло. Флойд показалось, прошла вечность до того, как раздался тошнотворный хруст – контрабас ударился о брусчатку. Кюстин бессильно рухнул в кресло.

Флойд выплюнул зубочистку и раздавил каблуком, точно окуроч. Затем подошел к парапету и глянул вниз, оценивая повреждения. До причала пара десятков метров. Гриф контрабаса раскололся надвое, корпус расщепился на тысячи зазубренных кусков, торчащих во все стороны.

Справа тяжело затопали. Флойд обернулся – второй жандарм торопился вниз, к причалу, по вделанной в стену лестнице. Слева застонали – это Кюстин посмотрел за парапет. Выглядел парень совершенно ошарашенным и раздавленным.

– Нет! Господи, нет!..

– Что случилось, то случилось, – сказал ему Флойд. – И чем скорее мы уберемся отсюда, тем лучше.

– Да ты же историю уничтожил! – заорал Кюстин на инспектора. – Это контрабас самого Содье! К этой деке прикасался Джанго Рейнхардт!

Флойд закрыл ладонью рот друга.

– Он просто переволновался. Вы уж простите моего друга. У него личные проблемы, трудно ему нынче. Он просит прощения у вас. Искренне. За свое поведение. Андре, ты ведь просишь прощения?

Кюстин молчал. Глядел, вздрагивая, на обломки контрабаса. Флойд подумал: он уже всей душой желает обратить время вспять. Стереть то, что случилось в последние минуты его жизни, а потом прожить их заново. Он успокоится, смирится, вежливо ответит на все вопросы жандарма. Возможно, повреждения, которые неизбежно причинили бы контрабасу, не окажутся настолько страшными.

– Говори! – шепнул Флойд.

– Я извиняюсь, – промямлил Кюстин.

– Искренне.

– Я искренне извиняюсь.

Инспектор скептически посмотрел на него, затем пожал плечами.

– Что случилось, то случилось, – сказал он. – Впредь слушайся друга: он-то соображает лучше.

– Так и сделаю, – растерянно пообещал Кюстин.

Внизу жандарм спихнул ногой обломки в реку. Они вскоре затерялись среди мусора, прибитого течением к берегам.

Когда Флойд наконец зашел в свой офис на третьем этаже старого дома по улице Драгон, на столе звонил телефон. Флойд бросил стопку конвертов и газет, только что вынутую из почтового ящика, и схватил трубку.

– «Расследования Флойда» слушают! – бодро объявил он, стараясь заглушить грохочущий снаружи трамвай, и выдернул зубочистку изо рта. – Чем могу быть...

– Месье Флойд? Где вы пропадали? – В голосе, явно старческом, слышалось скорее любопытство, нежели упрек. – Я называю с обеда! И уже хотел прекратить!

– Извините, пожалуйста. Расследую дело.

– Могли бы потратиться на секретаря. Или хотя бы на автоответчик. Я слышал, они весьма популярны у ортодоксальных евреев.

– Да, мы живем в удивительном мире, полном научных чудес! – воскликнул Флойд, выдвигая стул из-за стола и садясь. – Могу ли я узнать...

– Извините, мне следовало представиться. Бланшар. Живу в Тринадцатом округе. Возможно, у меня есть дело для вас.

– Продолжайте, – попросил Флойд, еще не уверенный, что происходящее – не сон.

Уход Греты, безработица, инцидент с полицейскими за мостом – в такой ситуации о просьбе насчет детективных услуг можно было лишь мечтать.

– Должен предупредить вас, случай серьезный, – сказал старик. – Сомневаюсь, что расследование пройдет быстро и легко.

– Месье, думаю, для нас это не проблема. – Флойд налил бренди в давно пустовавший стаканчик. – О каком деле идет речь?

Он перебрал в уме возможности. Слежка за неверной супругой – всегда крайне выгодная работа. Этим можно заниматься неделями. То же самое с поисками пропавшей кошки.

– Убийство, – сказал Бланшар.

Флойд позволил себе отхлебнуть бренди. В глотку потек сладкий и едкий огонь. Настроение рухнуло так же быстро, как и поднялось.

– Мне очень жаль, но мы не занимаемся убийствами.

– Не занимаетесь?

– Убийства – работа для ребят в котелках. Парни с Набережной не позволяют нам совать нос в такие дела.

– Но в этом как раз и суть. Полиция не считает произошедшее убийством.

– Не считает?

– По мнению полицейских, это или самоубийство, или несчастный случай. И так и этак они не заинтересованы в расследовании. Вы же знаете нынешние порядки. Уголовный розыск интересуется совсем другим.

– А, понимаю, к чему вы, – пробормотал Флойд.

По старой привычке он нацарапал в блокноте: «Бланшар, 1-й округ, предп. убийство». Может, это ничего и не даст, но, если звонок прервется, будет хоть какая-то возможность отыскать звонившего. А уж Флойд постарается отыскать.

Он вдруг заметил, что предыдущая запись была сделана шестью неделями раньше.

– Ладно, допустим, полиция ошибается. Что заставляет вас считать произошедшее именно убийством?

– То, что я знал погибшую молодую даму.

– И вы думаете, она не была способна на самоубийство?

– Этого я не могу сказать. Но точно знаю, что она боялась высоты и тем не менее упала с балкона пятого этажа.

Флойд закрыл глаза и поморщился – ему привиделся разбитый о камни контрабас. Флойд ненавидел тех, кто падал с высоты – по своей воле или нет. Он снова глотнул, надеясь, что спиртное поможет избавиться от жуткой мысленной картины.

– А где сейчас тело? – спросил он.

– Согласно завещанию покойной, она кремирована. Гибель произошла три недели назад, двадцатого сентября. Я знаю, что при вскрытии не обнаружено ничего подозрительного.

– А может, она была лунатичкой? Ходила во сне? – спросил Флойд, уже приготовившись зачеркнуть написанное в блокноте. Дело-то стопроцентно дохлое. – Или она сильно расстроилась, или перила на балконе разболтались? Полиция говорила с владельцем дома?

– Да. Видите ли, домовладелец – я. И уверяю вас, перила на балконе в полном порядке.

«Чепуха, – подумал Флойд. – День, от силы два на расследование, и вывод будет тот же, что у полиции. Конечно, и такое дело – лучше, чем ничего, но из финансовой пропасти оно не вытащит».

Он положил авторучку и вытащил нож для резки бумаги. Вскрыл верхний конверт, и оттуда выпал ультиматум от владельца дома. Того дома, где жил Флойд.

– Месье Флойд, вы меня еще слушаете?

– Просто задумался. Мне кажется, версию несчастного случая трудно сбросить со счетов. А без явного свидетельства злого умысла вряд ли можно добавить что-то к официальному заключению.

– Месье Флойд, у меня именно что имеются свидетельства злого умысла. Конечно, лишенные воображения идиоты с Набережной не захотели даже посмотреть на них. От вас я ожидаю большего.

Флойд скатал требование заплатить за квартиру в комок и швырнул в корзину для бумаг.

– А вы можете рассказать про эти свидетельства?

– Да, при личной встрече. Предлагаю приехать ко мне. Сегодня же вечером. Надеюсь, вы не слишком заняты?

– Для вас найду время, – заверил Флойд.

Он записал адрес и телефон, договорился о времени. Потом спросил:

– Месье Бланшар, один момент. Я понимаю, что Набережную не слишком заинтересовала смерть этой женщины. Но почему вы позвонили именно мне?

– Хотите сказать, что я ошибся?

– Вовсе нет. Просто большинство клиентов обращаются ко мне по личной рекомендации. Мало таких, кто просто находит мое имя в телефонной книге.

Старик лукаво засмеялся – такой звук, будто поворошили кочергой угли в камине.

– Не сомневаюсь. В конце концов, вы же американец. Что за дурак захочет нанять американского детектива в Париже?

– Я француз, – возразил Флойд, разрезая второй конверт.

– Мы говорим не о паспортах. Месье Флойд, ваш французский безупречен – для иностранца. Но вы родились в Соединенных Штатах, разве нет?

– А вы немало знаете обо мне. Кто вам назвал мое имя?

– Единственный разумный полицейский из всех, с кем я общался по этому делу, – месье Мальо. Полагаю, вы знаете друг друга?

– Приходилось встречаться. Он вполне приличный человек. Но почему месье Мальо сам не взялся расследовать сомнительное самоубийство?

– Говорит, у него связаны руки. А когда я упомянул, что та девушка – американка, ему естественным образом вспомнилось ваше имя.

– А конкретно откуда она?

– Кажется, из Дакоты. Или Миннесоты. Во всяком случае, с севера.

– А я из Галвестона. И между нами абсолютно ничего общего.

– Тем не менее возьметесь ли вы за дело?

– Месье, мы же назначили встречу. Там и обсудим.

– Хорошо. Мне ожидать вас к назначенному сроку?

На конверте значилось, что письмо послали из Ниццы. Флойд потрянул конвертом, на стол упал серый листок, сложенный вдвое. Флойд развернул его и увидел слова, написанные от руки водянистыми чернилами чуть темнее бумаги. Почерк он узнал мгновенно.

Грета.

– Месье Флойд?

Он выронил письмо, обжигавшее, как раскаленная фольга. Будто ток пустили сквозь пальцы. Вот уж чего-чего, а письмо от Греты он получить не ожидал. И не сразу опомнился, оглушенный вторжением прошлого в жизнь.

Что она хочет сказать?

– Месье Флойд? Вы еще на связи?

Он постучал по трубке.

– Месье, простите, вдруг пропала слышимость. В подвале полно крыс, и они постоянно точат зубы о телефонные провода.

– Понятно. Значит, приедете, как мы договорились?

– Да, приеду обязательно.

Глава 2

Облаченная в надежный скафандр, Верити Ожье обзревала подземелье, стоя в дюжине шагов от искалеченного аварией вездехода. Похожая на тарантула машина лежала на боку, две ноги сломаны, три бессмысленно воткнуты в низкий ледяной потолок. Вездеход так и останется здесь. Его даже на поверхность не вытащишь. Но кабина не разгерметизировалась. В ней по-прежнему сидела, сложив руки на коленях, практикантка Кассандра, посматривала вокруг высокомерно и отстраненно. Себастиан лежал метрах в пяти от вездехода. Скафандр был пробит, но мог поддерживать жизнь хозяина до прибытия спасателей.

– Держись! – приободрила мальчика Ожье по межскафандровой связи. – К нам уже идут, проламываются сквозь лед. Совсем скоро все окажемся дома, в безопасности.

Ответ пришел с треском помех, будто его передавали за миллион световых лет:

– Мисс, мне плохо.

– Что значит «плохо»?

– Голова болит.

– Просто не двигайся. Защита скафандра сама закупорит пробоины, если не будешь двигаться.

Ожье отошла – сверху полезли вездеходы Отдела древностей, раздирая лед гидравлическими когтями и зубами.

– Ожье, это ты? – прозвучало в шлеме.

– Конечно я. Почему вы так задержались? Думала, уже не приедете.

– Мы двигались со всей возможной скоростью! – заявил мужской голос.

Она узнала Манкузо из спаскоманды – уже имела с ним дело в прошлом.

– Мы не могли вас обнаружить на большой глубине. Сегодня взбесились облака, локаторы забиты помехами. А что вы делаете так далеко внизу?

– Я делаю свою работу, – хмуро ответила она.

– Мальчик ранен?

– Скафандр поврежден, – сказала Ожье, глядя на внутренний монитор визора, куда со скафандра Себастиана поступали диагностические данные. У правого локтя на схеме пульсировали красные огоньки. – Но с мальчиком ничего серьезного. Я попросила его полежать неподвижно, пока не придет помощь.

Из переднего вездехода выбрались двое в громоздких до смешного скафандрах высшей защиты. Передвигались спасатели как борцы сумо – враскорячку.

Ожье подошла к Себастиану, опустилась рядом на колени:

– Помощь уже прибыла. Ты только не двигайся, и все будет отлично.

В ответ он нечленораздельно захрипел. Ожье махнула рукой, подзывая ближайшего спасателя:

– Манкузо, вот мальчик. Думаю, в первую очередь вам надо позаботиться о нем.

– Мы именно этим и занимаемся, – прохрипел в шлеме другой голос. – Ожье, отойдите!

– Поосторожнее! – предупредила она. – У него скверный разрыв возле правого...

Манкузо, нависший над мальчиком, перебил ее:

– Ну что, сынок, держись? Вот и молодец. Заштопаем тебя в два счета. Как ты себя чувствуешь?

– Больно! – прохрипел Себастиан.

– Думаю, с ним надо побыстрее! – оповестил Манкузо и махнул рукой с чрезмерно развитыми мышцами. – При такой плотности частиц нельзя рисковать, передвигая его.

– Фиксируем на месте? – спросил второй.

– Да. Приступаем.

Манкузо указал левой рукой на мальчика. В броне открылась задвижка, и высунулся наконечник распылителя. Оттуда хлынуло серебристое вещество, мгновенно застывающее при соприкосновении с плотной материей. За пару секунд Себастиан превратился в человекоподобный кокон, обернулся в субстанцию, напоминающую затвердевшие слюни.

– Осторожнее! – повторила Ожье.

Вторая команда спасателей принялась за работу, разрезая лазерами блок льда под мальчиком. Из-под инструментов фонтанами бил пар. Спасатели то и дело приостанавливались, жестикулируя чуть заметно, экономно. Первая команда пригнала снабженную креплениями тележку на колесиках. Оттуда протянулись тонкие металлические манипуляторы с клешнями, скользнули в лед под Себастианом, медленно подняли его вместе с ледяным основанием, уложили на платформу. Спасатели увезли мальчика и погрузили в первый вездеход.

– Это просто царапина, – сказала Ожье, когда Манкузо вернулся проверить ее состояние. – Вряд ли вам стоило действовать так, будто он в страшной опасности. Вы же перепугали ребенка до полусмерти.

– Это будет Себастиану уроком.

– Ему и так сегодня хватило уроков.

– Ну, здесь осторожность чрезмерной не бывает, и все несчастные случаи исключительно опасны. Ожье, я думал, ты уже это усвоила.

– Вам стоит проверить и девочку, – указала она на вездеход.

– Она ранена?

– Нет.

– Тогда подождет. И давай-ка посмотрим, ради чего ты рисковала жизнью.

Манкузо имел в виду газету.

– Она в емкости для находок, – сказала Ожье, ведя спасателя к изуродованной машине.

Перед нею, упрятанная за рядами щупалец-манипуляторов и инструментов, находилась улавливающая сетка, а выше – люк контейнера, разделенного на много отсеков. Ожье щелкнула замком, выдвинула контейнер, затем с большой осторожностью вынула газету.

– Смотри!

– Ого! – Манкузо присвистнул. – Где взяли?

Она указала на углубление перед разбитой машиной:

– Мы нашли там автомобиль.

– Кто-нибудь внутри?

– Пустой. Мы пробили верхний люк манипулятором вездехода, чтобы достать газету с заднего сиденья. Пришлось упереть часть манипуляторов в потолок, чтобы не перевернуться. К сожалению, потолок оказался непрочным.

– Это произошло потому, что пещера еще обследовалась. И не было разрешения на пребывание в ней людей.

Ожье ответила, тщательно подбирая слова, понимая, что ее речь может записываться:

– Но ничего страшного не случилось. Мы потеряли вездеход, но ведь газета намного ценнее.

– Что случилось с мальчиком?

– Он помогал стабилизировать вездеход и порвал скафандр. Я приказала Себастиану лежать неподвижно и ждать помощи.

Она уложила находку обратно в контейнер. Само поднятие газеты слегка ее деформировало и включило одну из анимированных реклам: девушка на пляже бросала мяч к зрителю.

– Ожье, похоже, вам повезло на этот раз. Отличный трофей!

– Помогите транспортировать контейнер, – попросила она, понимая, что вездеход придется оставить.

Вдвоем они вынули контейнер, отнесли к спасательному вездеходу и сунули в свободный отсек.

– Теперь пленки, – попросил Манкузо.

Ожье обошла вокруг наклонившейся машины, открывая лючки, вынимая тяжелые черные бобины, сцепляя их вместе для удобства переноски. Собрав все двенадцать, включая бобины с записями происшедшего внутри вездехода, она вручила громоздкую ношу Манкузо:

– Надо это срочно отправить в лабораторию.

– Все? Много ведь.

– Все. Да, тут много. А сейчас разберемся с Кассандрой.

Но когда она глянула в освещенное нутро машины, девочку там не обнаружила.

– Кассандра? – позвала Ожье, надеясь, что канал связи с вездеходом еще работает.

– Со мной все хорошо, – ответила девочка. – Я за твоей спиной.

Ожье обернулась и увидела стоящую на льду Кассандру в детском скафандре.

– Я же велела оставаться внутри! – упрекнула женщина.

– Настало время уходить, – ответила та.

Ожье не могла не отметить, как безупречно сидит на девочке скафандр. Облачаться в него непросто даже взрослому, не говоря уже о детях.

– Ты проверила... – заговорила Ожье, но девочка перебила:

– Скафандр в полном порядке. Думаю, нам пора. Наша активность могла встревожить фурий. Лучше не ждать их появления.

Манкузо коснулся плеча Ожье усиленной перчаткой, способной раздавить ее в мгновение ока:

– Девочка права, надо поскорей выбираться из Парижа. Жуткое место, у меня аж мороз по коже.

Она смотрела наружу сквозь потолочный иллюминатор спасательного вездехода, надеясь увидеть красно-зеленые огни шаттла, прожигающего путь сквозь облака. Еще Ожье надеялась, что облака не станут оживленной и хаотичней. Сегодня с ними и так происходило что-то странное. Обычно они сообщались медленно и плавно, меняя цвет, очертания и текстуру. Огромные, резко очерченные массы сизого субстрата принимали форму долго, несколько минут, затем стабилизировались и постепенно расплывались. Десятками минут позже в аморфной серости проявлялись новые структуры. Они представляли собой базовые знаки информационного кода. Обмен сообщениями между облаками мог происходить неделями.

Но теперь облака ссорились. Структуры быстро возникали и растворялись, молнии ставили восклицательные знаки в диалоге. Облака сливались и разделялись, будто пересматривая старые договоры и союзы.

– Иногда они такое практикуют, – заметила Кассандра.

– Я знаю, – ответила Ожье. – Но обычно это происходит не в мою вахту и не прямо над городом, который мне приходится изучать.

– Может, не только над Парижем волнуются облака, – предположила Кассандра.

– Я тоже на это надеялась. Но проверила, и – увы. Непогода сконцентрирована над Северной Францией, и началось это как раз в тот момент, когда мы прибыли на раскопки.

– Совпадение.

– Не думаю.

Снаружи молнии освещали ландшафт: полосу препятствий из блоков, пандусов и траншей с гладкими стенами; все это было с лазерной точностью вырезано из бледно-голубого льда. По обеим сторонам Елисейских Полей руины зданий расчерчивала паутина этого же

пастельного льда. Он остался там, где останавливались дистанционно управляемые экскаваторы Бюро древностей при обнаружении поблизости хрупкого камня, кирпичной кладки, стекла и стали. Ожье подумала о людях, управлявших этими машинами, и ощутила знакомое, все возрастающее желание быть там, рядом с ними, подалее от опасной земной поверхности.

– Надо торопиться, – проговорила она вполголоса. – Нам следовало убраться не один час назад.

– И стоило так рисковать ради единственной газеты? – спросила Кассандра.

– Конечно стоило! Газеты – артефакты Века Забвения, причем из самых ценных. Особенно важны последние выпуски, напечатанные за несколько часов до апокалипсиса. Ты не представляешь, как мало их уцелело.

Кассандра отбросила непослушную черную прядь, норовившую закрыть левый глаз.

– Так ли интересны детали, если можно восстановить общую картину?

Ожье заметила движение снаружи, выглянула в потолочный иллюминатор. Опираясь на струи выхлопа, сквозь облака спускалась эскадрилья шаттлов.

– Интересны, поскольку это дает нам шанс не повторить прежних ошибок, – ответила археолог.

– Каких же?

– Например, той, которая привела к потере Земли. Ошибочна была уверенность, что можно остановить техногенную катастрофу, швырнув в нее новую порцию техночудес, – хотя все предыдущие попытки ухудшали ситуацию.

– Считать, что нельзя ничего исправить новой техникой, – нелепое суеверие, – обиженно возразила Кассандра, скрестив на груди руки. – Да и в любом случае неужели здесь теперь можно что-то испортить?

– Девочка, напряги воображение, – посоветовала Ожье.

Спасательный вездеход задрожал под выхлопом спускающегося судна. Кабину залил яркий свет, и вездеход подцепила сетка шаттла. Затем машина взмыла. Сквозь боковой иллюминатор Ожье видела, как исчезают вдали Елисейские Поля, скрываются за руинами домов. Она невольно присмотрелась, различила окрестные улицы, привычно и ненужно вспомнила их названия. На севере – Осман, на юге – Марсо и Монтеня.

– Нет, правда, ведь хуже уже не сделаешь, – упорствовала Кассандра. – Внизу не могут жить люди. Там никто не выживет, даже бактерии. Хуже и не придумаешь.

– Сегодня мы выиграли, – сказала Ожье. – Возвращаемся с частицей прошлого, пробив окошко в историю. Но внизу еще столько ненайденного, способного заполнить провалы в нашей памяти. Мы забыли так много! И никогда не узнаем правды, если не отыщем ее, сохраненную льдом.

– Планы Полисов едва ли помешают вашим поискам.

– Формально – да. Но мы же знаем: это лишь прелюдия. Они хотят истребить фурий, стабилизировать климат, а потом заняться настоящей работой: терраформированием. – Последнее слово Ожье произнесла с подчеркнутым отвращением.

Пока облака сгущались вокруг уносимого вездехода, она успела заметить Сену, безукоризненную ленту белого льда, помеченную тут и там огороженными местами раскопок. Чуть дальше, заметные в проблесках огней орбитальных судов, высились уцелевшие две трети Эйфелевой башни, наклоненной, будто человек, идущий против ураганного ветра.

– Разве преступление – хотеть, чтобы Земля вновь стала обитаемой? – спросила Кассандра.

– По мне – да. Ведь для этого придется стереть все, еще уцелевшее внизу, отсечь все нити, связывающие с прошлым. Это все равно что стирать «Мону Лизу», когда за соседней дверью ожидают чистые холсты.

– Значит, вы за терраформирование Венеры вместо Земли?

Ожье захотелось вцепиться девчонке в волосы.

– Нет, за это я тоже не ратовала бы. Хотя если бы меня заставили выбирать... – Она тряхнула головой. – Странно, что я веду такой разговор не с кем-нибудь, а именно с тобой!

– А почему бы вам не вести такой разговор?

– А потому, Кассандра, что ты одна из нас. Из тебя растет хороший ретр, добросовестный гражданин СШБВ. Ты даже учишься, чтобы потом работать в Бюро древностей. Отчего я должна объяснять тебе простейшие истины?

Кассандра по-девичьи пожала плечами.

– Я думала, в спорах рождается истина, – возразила она чуть обиженно.

– Да – до тех пор, пока ты мне не перечишь, – ответила Ожье.

Заросль окутывала Землю светящейся сетью, будто мерцающий похоронный венок. Суда двигались осторожно, маневрируя между шевелящимися нитями. Каждая такая нить – огромная цепь связанных орбитальных станций, населенных людьми. Во все стороны – петли, узлы, сплетения прочерченных светом линий, вдаль сливающихся в головоломной сложности паутину. Центр масс каждого кластера двигался по собственной орбите вокруг Земли.

Сотни тысяч орбитальных станций, каждая – самостоятельное поселение, целый город. Сотни миллионов обитающих там людей. Во всех – жизнь, такая же сложная, наполненная сомнениями, надеждой, бедами и радостями, как и жизнь археолога Ожье. Между частями Заросли непрерывно сновали суда, от каждой нити во все стороны разлетались искорки света. Соединенные нити пребывали в постоянном движении, соединялись, разделялись, будто ДНК в кишащей жизнью чашке Петри.

Настроение Ожье слегка поднялось, когда судно затормозило, готовясь пристать. Впереди виднелась база Бюро древностей: шесть соосных орбитальных колес, вращающихся в разные стороны. Археолог не сомневалась: новости о ее открытии уже просочились и распространились по обычным дипломатическим каналам и скоро начнется давление, просьбы и пожелания опубликовать как можно скорее предварительное описание находки. Ей повезет, если в следующие сутки удастся хоть немного поспать. Однако такую работу она любила: утомляющую, но одновременно возбуждающую, по завершении оставляющую ее изнуренной, но счастливой. Это будет началом долгого процесса детального изучения, проверки на прочность предварительных догадок и гипотез.

Эскадра шаттлов причалила к первому «колесу», пришвартовалась в обширном доке с низкой гравитацией, заполненном судами и оборудованием. Ожье поморщилась и встревожилась: среди них затесался корабль прогров – вызывающе элегантный, длинный, тонкий, будто разогнавшийся кальмар; напоминающий морскую тварь еще и влажным поблескиванием. На кобальтово-голубой наружной оболочке мерцали приборы и маркировка. Окруженный надежными, но старомодными и неуклюжими судами ретров, корабль прогров выглядел оскорбительно футуристически. Хотя он и был намного совершенней их.

Ожье не могла понять, отчего вид корабля встревожил ее. Прогры нечасто бывали в Заросли, особенно в последние месяцы, когда заметно обострились отношения ретров с Полисами. Но их посещения не прекратились, и когда дело касалось дипломатических визитов, обычно ради эффективности пользовались кораблями прогров.

Но их судно в Бюро древностей? Вот уж странная новость!

Ожье усилием воли прогнала тревогу, сосредоточилась на предстоящих делах. Пока вездеход и суда подвергали агрессивной стерилизации, выскребали всевозможную грязь, подцепленную в Париже, Ожье рыскала по вездеходу, разыскивала ручку и журнал со стандартными формами Бюро. Затем села писать отчет о случившемся на раскопках. Как всегда,

было важно провести черту между дерзким и неразумным пренебрежением правилами и профессиональным пониманием того, что правила допускают некоторую гибкость.

К концу стерилизации Ожье почти закончила отчет. К вездеходу присоединили шлюз, загорелся зеленый огонь, оповещая: «Высаживаться безопасно». Спасательная команда выбралась наружу первой, торопясь выпить с друзьями и рассказать о приключениях.

– Пойдем! – позвала археолог, махая рукой девочке.

– После вас, – ответила та.

Ее голос прозвучал как-то странно, но Ожье не придавала значения – это наверняка называется усталость, нервозность и тревога при виде корабля прогров. Ожье подтянулась к шлюзу и, двигаясь с привычной сноровкой, поплыла по трубе перехода.

В дальнем конце ее ждала пара чиновников в полосатых серых костюмах. Ожье узнала одного: Карлос Да Силва, менеджер высокого уровня. Да Силва был мелкий, с гладким ангельским личиком, с шевелюрой, всегда безукоризненно расчесанной и закрепленной ароматическими маслами. Ожье приходилось встречаться с ним, обсуждая бюджет и мелкие нарушения формальных процедур.

Чиновник демонстративно разделил девочку и Ожье.

– Вам туда! – указал он.

– Мне нужно позаботиться о Кассандре, – возразила археолог.

Легким толчком Да Силва направил ее в небольшой вестибюль. За спиной немедленно закрылась и замкнулась дверь, оставив Ожье наедине с обитыми мягким материалом стенами. Археолог стучала, но никто не явился с объяснениями или без них. Она углубилась в злобу, повторяя и оттачивая фразы, которые скажет, когда ее освободят. Ничего подобного раньше не случалось, хотя бывали задержки из-за сбоев стерилизационных процедур. Но раньше власти всегда своевременно сообщали о причинах.

Еще полчаса, и дверь приоткрылась. В щель просунул благоухающую голову Да Силва и сообщил:

– Пора. Вас ждут.

– Кто ждет, черт возьми?! – Она заставила себя дерзко рассмеяться. – Вы разве не понимаете: меня ждет работа!

– Работе придется потерпеть.

Насупившись, она вышла следом за Да Силвой. От него пахло лавандой и корицей.

– Нужно забрать газету и пленки, чтобы я могла документировать открытие. Большое открытие – тысячи людей с нетерпением ждут, что им поведаст эта находка. Они уже, наверное, недоумевают, почему я не выпустила предварительного описания.

– Боюсь, пленки вы сейчас получить не сможете. Их уже отослали для обработки в безопасной обстановке.

– О чем вы? Это же мои данные!

– Это больше не данные. Улики в расследовании преступления. Мальчик умер.

Ожье словно ударили под дых.

– Нет! – воскликнула она, будто отрицание могло что-то изменить.

– Боюсь, это правда.

– Что случилось? – растерянно спросила она.

– Порвался скафандр, и до ребенка добрались фурии.

Ожье вспомнила жалобы Себастиана на головную боль. Наверное, тогда крохотные машины ворвались в его мозг, множась и разрушая все вокруг.

Ей стало дурно.

– Но мы же проверили по детектору фурий! Он показал ноль!

– Ваши детекторы слишком грубы, чтобы обнаружить новейший микроскопический штамм. Вы бы знали об этом, если бы дали себе труд ознакомиться с последними выпусками технических бюллетеней. Следовало учесть возможность эволюции фурий до экспедиции.

– Но как же он мог умереть?!

– Это случилось при подъеме. – Да Силва посмотрел на Ожье с сомнением, прикидывая, сколько ему позволено сказать. – Полная гибель мозга.

– О боже! – Она глубоко вздохнула, стараясь удержать себя в руках. – Кто-нибудь сообщил...

– Семье мальчика? Ее проинформировали о несчастном случае. Прямо сейчас родственники направляются сюда. Мы надеемся, что Себастиана удастся хоть отчасти привести в сознание до их прибытия.

Да он что, шутит?

– Вы сказали, что он умер.

– Да. К счастью, его удалось вернуть.

– Вернуть? Когда его голова полна фурий?

– Его накачали универсальным лекарством и вывели фурий целительной чудо-техникой. Пока мальчик лежит в коме. Возможно, главным структурам мозга нанесены непоправимые повреждения – но об этом мы узнаем через несколько дней.

– Этого не может быть, – прошептала Ожье, будто глядя со стороны на чудовищное и несуразное, происходящее с ней. – Обычное возвращение. Никто не должен был умереть.

– Сейчас легко говорить. – Он придвинулся так близко, что археолог ощутила его дыхание. – Вы всерьез думаете, что мы можем замести под ковер подобное происшествие? Бюро правонарушений уже дышит нам в затылок! На Земле в последнее время слишком уж много аварий и иных несчастных случаев. Бюро только и ждет возможности кого-нибудь наказать в назидание остальным, пока не стряслось что-нибудь полномасштабно идиотское.

– Мне жаль, что так вышло с мальчиком...

– Ожье, это признание вины? Если да, то все будет гораздо проще.

– Нет! – произнесла она дрожащим голосом. – Никакое не признание! Я всего лишь сказала, что мне жаль. Слушайте, я могу поговорить с родителями?

– Ожье, я полагаю, из всех жителей Солнечной системы в последнюю очередь они хотят видеть вас.

– Я всего лишь имею в виду, что мне не все равно, что я сопереживаю им.

– Переживать надо было перед тем, как рисковать жизнями в обмен на бесполезный артефакт.

– Бесполезный?! – возмутилась она. – Что бы ни случилось внизу, ради него стоило рисковать! Да кто угодно в Бюро древностей скажет вам то же самое!

– Ожье, показать вам газету? Вашу бесценную находку?

Газета лежала у него в кармане. Да Силва вынул ее, протянул Ожье. Она взяла дрожащими пальцами, чувствуя, что надежда рушится и сменяется страшным разочарованием. Как и мальчик, газета умерла. Строчки смешались, напозли друг на друга, будто расплавленный узор глазури на торте. Прочитать что-либо было невозможно. Иллюстрации и реклама стали статичными, краски слились, уподобив их абстракционистским наброскам. Наверное, крошечный генератор, питавший «умную бумагу», был на последнем издыхании, когда Ожье вынула газету из машины.

Она вернула Да Силва бесполезный кусок бумаги, издевку, в которую превратилась ценнейшая находка.

– Вижу, мои дела по-настоящему плохи, – сказала археолог Верити Ожье.

Глава 3

Флойд вырuling в проулок между высокими зданиями. Уже несколько лет не бывал на улице Поплье, и в памяти остались только вывороченная брусчатка, заколоченные окна и нищие старьевщики. Теперь улицу хорошо заасфальтировали, все припаркованные автомобили были моделями пятидесятих годов: низкие, энергичные, выпукло-мускулистые, будто припавшие к земле пантеры. Фонарные столбы сверкали новой краской. Заведения на первых этажах – все уютные, неброские, стильные: часовщики, дорогие букинисты, изысканные ювелиры. Один магазинчик продавал карты и глобусы, другой – перьевые ручки. Смеркалось; прямоугольники желтого теплого света окон легли на проезжую часть и тротуар.

– Вот двадцать третий номер, – сообщил Флойд, останавливая машину вблизи дома, указанного Бланшаром. – А вон туда она, наверное, упала. – Он кивнул на недавно отмытый участок тротуара. – Должно быть, с одного из балконов над нами.

Кюстин выглянул из бокового окна:

– На всех балконная решетка в порядке. И непохоже, чтобы недавно ремонтировали или перекрашивали.

Флойд потянулся назад, и Кюстин вручил ему шляпу и блокнот.

– Посмотрим.

Когда они вышли из машины, из дома появилась маленькая девочка в стоптанных черных туфлях и замызганном платье. Флойд сразу захотелось подозвать ее и расспросить, но слова застряли в глотке, когда он увидел лицо. Даже в сумерках было заметно, насколько оно уродливо, обезображено болезнью или увечьем. Флойд провожал ребенка взглядом, пока тот не скрылся в темноте. Вздохнув, он решительно подошел к парадному, из которого вышла девочка, подергал застекленную дверь – закрыто. Рядом увидел панель с именами жильцов и кнопками звонков. Он нашел фамилию «Бланшар» и надавил кнопку.

Из-за решетки немедленно донесся голос:

– Мистер Флойд, вы опаздываете.

– Наша встреча отменяется?

Вместо ответа зажужжало в двери. Кюстин толкнул ее – открыта.

– Посмотрим, что из этого выйдет, – предложил Флойд. – Обычная схема: ты сидишь, я разговариваю.

Так у пары детективов получалось лучше всего. Флойд давно обнаружил, что его не совсем идеальный французский придавал собеседникам ложное чувство уверенности, успокаивал – и зачастую подстрекал выболтать то, что в другой ситуации они оставили бы при себе.

Сразу за коридором начиналась лестница, по которой друзья поднялись на третий этаж. Они остановились на лестничной площадке. Три двери, выходящие на нее, были закрыты, четвертая – слегка приоткрыта. Электрический свет из нее освещал потертый ковер на площадке. В щели показался глаз.

– Месье Флойд, сюда, пожалуйста.

Щель расширилась, пропуская Флойда и Кюстина в гостиную. Снаружи едва завечерело, но окна уже были зашторены.

– Это мой партнер Андре Кюстин, – представил Флойд. – Поскольку мы расследуем убийство, я думаю, две пары глаз и рук лучше одной.

Бланшар вежливо кивнул обоим.

– Не хотите ли чаю? Чайник еще горячий.

Кюстин открыл было рот, но Флойд, вспомнив о том, как мало времени осталось до встречи с Гретой, заговорил раньше:

– Месье, это очень любезно с вашей стороны, но лучше мы сразу займемся расследованием. – Он снял шляпу и уложил ее на шахматный столик. – Итак, с чего вы хотите начать?

– Я думал, вы примете на себя руководство, – заметил Бланшар, направляясь к входной двери, чтобы закрыть ее.

Образ, нарисованный воображением при разговоре по телефону, оказался приятно точным. Худой, за шестьдесят, с крючковатым носом, поддерживающим очки с узкими, как полумесяц, стеклами. На голове то ли ночной колпак, то ли феска. Стеганный халат прикрывает полосатую пижаму. На ногах теплые тапки.

– По мне, лучше вернуться к самому началу, – сказал Флойд. – Расскажите про американскую девушку. Все, что знаете.

– Она снимала квартиру, платила своевременно. – Бланшар завозился у огромного камина в стиле ар-деко, тыча кочергой в пепел.

С книжной полки смотрели самоцветными глазами две совы – упоры для книг. Флойд и Кюстин неловко примостились на софе.

– Это разве все? – спросил Флойд.

– Она жила здесь три месяца – до самой смерти, – сказал Бланшар, посмотрев на них. – Поселилась двумя этажами выше. Она предпочла бы пониже – как я уже говорил, не любила высоту, – но других свободных квартир не нашлось.

– Она жаловалась на это? – спросил Флойд, разглядывая стены.

Там в ряд выстроились африканские маски и охотничьи трофеи. Похоже, пыль с них не стирали никогда. Рядом с дверью висел фотопортрет: красивая молодая пара на фоне Эйфелевой башни. Одежда и слегка напряженное выражение лиц давали понять, что снимку по меньшей мере лет пятьдесят. Флойд изучил лицо парня и сравнил с лицом пожилого джентльмена.

– Да, она жаловалась мне, – сказал Бланшар, опускаясь в кресло. – Но не как домовладельцу.

– Я полагал, вы...

– Да, она не знала, что снимает квартиру у меня. Никому из жильцов не известно, что хозяин – я. Они платят через посредника.

– Странное устройство дел, – заметил Флойд.

– Но очень полезное. Я получаю и официальные жалобы, и неофициальные – просто болтая с жильцами при встрече на лестнице. Американская девушка никогда не жаловалась письменно, но при встречах обязательно пеняла на неудобство.

Флойд глянул на партнера, потом снова на Бланшара:

– Месье, как ее звали?

– Сьюзен Уайт.

– Она была замужем?

– Кольцо не носила и никогда не говорила о муже или женихе.

Флойд сделал запись в блокноте.

– Она упоминала, сколько ей лет?

– Не упоминала, но вряд ли больше тридцати пяти. А может, и тридцати. Сказать трудно. Она не носила так много косметики, как другие молодые женщины, здешние жилицы.

– Она не говорила, чем занималась до того, как приехала сюда? – спросил Кюстин.

– Я знаю лишь то, что она из Америки и умеет обращаться с пишущей машинкой. Да, мне стоило раньше сказать про машинку...

– Из какого штата? – спросил Флойд, вспомнив, что Бланшар в телефонном разговоре затруднился с ответом на тот вопрос.

– Дакота. Я вспомнил точно. Она сказала, что это слышится по ее акценту.

– Так она говорила с вами по-английски? – спросил Флойд.
– Только когда я об этом просил. Ее французский был как ваш.
– То есть безупречный, – улыбнулся Флойд. – Для иностранца, конечно.
– А что мадемуазель Уайт делала в Париже? – спросил Кюстин.
– Она никогда об этом не заговаривала, а я никогда не спрашивал. Но деньги, несомненно, не являлись проблемой. У нее могла быть работа, но с крайне нерегулярным посещением.

Флойд перевернул страничку блокнота, с силой потер пальцем, чтобы замазать чернилами сделанную ранее запись.

– Похоже на туристку, решившую провести несколько месяцев в Париже, а потом двинуться дальше. Вы не против, если я спрошу, как вы познакомились и насколько далеко зашли ваши отношения?

– Они были совершенно невинными. А повстречались мы в Лоншане.

– На скачках?

– Да. Вижу, вы заметили фотографию со мной и покойной женой.

Флойд кивнул, слегка смущенный тем, что его любопытство оказалось столь очевидным.

– Она была очень красивая.

– Эта фотография не показывает и десятой доли ее красоты. Клодетта умерла в пятьдесят четвертом. Всего пять лет назад, но кажется, я прожил без нее полжизни.

– Прошу прощения, – сказал Флойд.

– Клодетта очень любила скачки. – Бланшар снова встал и пошевелил кочергой в камине – без видимого эффекта. Затем сел, хрустнув суставами. – После ее смерти я долго не мог не то что поехать на скачки – просто выйти на улицу. Но однажды пересилил себя, поехал, сделал ставку в ее память. Я не сомневался, что она хотела бы этого, и в то же время ощущал вину – ведь отправился на скачки без нее.

– Вину? – удивился Флойд.

Бланшар пристально посмотрел на него:

– Месье Флойд, вы бывали женаты? Вам случалось терять любимого человека, медленно угасающего у вас на глазах?

Флойд смущенно уставился в пол:

– Нет, месье.

– При всем уважении, вы и представить не можете, каково это. Хоть и понимаешь, что абсурд, но чувствуешь себя предателем. И все равно я посещал ипподром, откладывал каждую неделю немного денег, делал ставки, иногда приносил небольшой выигрыш. На скачках я и познакомился со Сьюзен Уайт.

– Она ставила?

– Не всерьез. Она узнала во мне соседа и попросила помощи, чтобы сделать ставку. Поначалу я не хотел даже общаться с ней. Мне казалось, Клодетта наблюдает за мною. Глупо звучит, правда?

– Но вы все-таки помогли Сьюзен.

– Я решил, что не сделаю никому вреда, если научу девушку оценивать форму лошадей и соответственно делать ставки. Сьюзен поставила, как советовал я, – и ее лошадь выиграла. После девушка условилась со мной встречаться на скачках раз или два в неделю. Честно говоря, думаю, сами кони ее занимали больше, чем деньги. Я не раз замечал, как она смотрит на них, ожидающих в загоне, – будто никогда не видела лошадей раньше.

– Может, в Дакоте не водятся лошади? – предположил Кюстин.

– Тем у вас и ограничилось? – спросил Флойд. – Встречами на ипподроме раз или два в неделю?

– Так началось – и, возможно, этим же следовало и закончить. Но я вдруг понял, что мне приятно ее общество. В Сьюзен я увидел качества покойной жены: такую же жизнерадостность, то же детское удовольствие от простейших вещей. А что самое удивительное – ей нравилось мое общество.

– И вы начали встречаться не на скачках?

– Раз или два в неделю мы встречались в этой комнате, пили чай или кофе, иногда съедали по кусочку торта. Мы говорили обо всем, что приходило на ум. Хотя в основном говорил я, а она предпочитала слушать. И кажется, делала это с удовольствием. – Бланшар улыбнулся, по лицу побежали морщинки. – Я говорил: «Сейчас ваша очередь, я не хочу превращать нашу беседу в монолог». А Сьюзен отвечала: «Нет-нет, я очень хочу слушать ваши рассказы». Странно, но я уверен в ее искренности. Мы и в самом деле говорили обо всем: прошлом, кино, театре...

– Вы когда-нибудь заглядывали в ее квартиру?

– Конечно, ведь я же домовладелец. В ее отсутствие я пользовался дубликатом ключа. Но не из праздного любопытства, – добавил Бланшар чуть виновато, подавшись вперед для пущей убедительности. – У меня обязательства перед остальными жильцами. Я должен быть уверен, что условия контракта выполняются надлежащим образом.

– Я в этом не сомневаюсь, – заверил Флойд. – Скажите, когда заходили в ее квартиру не из праздного любопытства, вы заметили что-нибудь особенное?

– Только то, что она была аккуратистка. Еще Сьюзен собрала много книг, журналов и газет.

– Этакий симпатичный книжный червячок. Но коллекционирование книг – не преступление, правда?

– Пока у нас не поменялись законы – не преступление, – ответил Бланшар и задумался. – Впрочем, была необычность, правда мелкая. Даже не знаю, стоит ли упоминать.

– Стоит, делу не повредит.

– Книги постоянно менялись. Не каждый день, но через неделю менялись практически все. То же и с журналами, и с газетами. Будто она собирала, а потом относила куда-то, чтобы освободить место для новых.

– Может, она так и делала, – предположил Флойд. – Богатая туристка регулярно отправляет коллекцию домой.

– У меня была такая мысль.

– И?..

– Однажды случайно заметил Сьюзен далеко от дома, в Пятом округе. Она шла по улице Монж к станции метро «Кардинал Лемуан» и несла тяжелый чемодан. Я невольно подумал: может, уезжает?

– Не платя за комнату?

– Она заплатила до конца месяца. Устыдившись за скверное подозрение, я решил помочь с чемоданом. Но я старик, догнать не смог. Проклиная себя за беспомощность, я наблюдал, как она спускается в метро.

Бланшар взял изогнутую трубку из целой коллекции, лежащей на столе, и принялся рассеянно осматривать ее.

– Я уже не ждал ее возвращения, но она вскоре появилась. Прошло не более пары минут, и Сьюзен вернулась на улицу, по-прежнему с чемоданом. Но теперь он казался пустым. День был ветреный, и явно полегчавший чемодан бился о ее ногу.

– Вы рассказали об этом полиции? – спросил Флойд.

– Да, но детективы не придали значения. По их мнению, я просто придумал этот случай или мне показалось, что вес чемодана убавился.

Флойд аккуратно записал, будучи уверенным – хотя сам не понимал отчего, – что это важное наблюдение.

– Это одно из свидетельств злого умысла, о которых вы говорили по телефону?

– Нет, я имел в виду совершенно другое. За две-три недели до смерти поведение мадемуазель Уайт резко изменилось. Она прекратила посещать скачки и гостить у меня, проводила все больше времени вне своей квартиры. Когда же мы случайно встречались на лестнице, она казалась задумчивой и озабоченной.

– Вы проверяли ее квартиру?

Бланшар поколебался, но все же решил ответить:

– Она перестала покупать книги и журналы. Их накопилось в ее комнате много, и я видел, что коллекция не обновлялась.

Флойд глянул на Кюстина:

– Хорошо. Должно быть, она что-то задумала. У меня появилась версия. Хотите узнать какая?

– А мне предстоит заплатить за услышанное? Мы же еще не обговорили условия.

– Думаю, к этому еще подойдем – если продолжим расследование, конечно. Мне кажется, у мадемуазель Уайт был любовник. Наверное, она кого-то встретила в последние три недели перед смертью.

Говоря, Флойд внимательно наблюдал за Бланшаром, пытаясь угадать, как тот отреагирует на услышанное.

– Она проводила время с вами – невинно, я уверен, – и вдруг ее приревновал любовник и потребовал, чтобы она не уделяла внимание никому, кроме него. Больше ни походов на ипподром, ни милых разговоров за чаем.

Бланшар задумался.

– А как же с книгами?

– Смею предположить, у нее появились дела важнее, чем обход книжных магазинов и газетных киосков. Она потеряла интерес к своей библиотеке и, соответственно, к пересылке книг в Дакоту.

– Смелые предположения, – заметил Бланшар. – И буквально ни на чем не основанные.

– Я же сказал: это версия, а не достоверно установленный факт. – Флойд сунул в рот зубочистку и принялся жевать. – Я всего лишь хочу сказать, что объяснение случившегося может лежать на поверхности.

– А ее смерть?

– Сказанное вами ведь не исключает несчастного случая.

– Я уверен, что ее выбросили. – Старик достал из-под своего кресла обшарпанную жестяную коробку из-под печенья с орнаментом тартан и фотографией шотландского терьера на крышке. – Возможно, это вас убедит.

Флойд взял коробку и пошутил:

– Знаете, я в последнее время слежу за фигурой...

– Откройте, пожалуйста.

Флойд подцепил ногтями крышку. Внутри лежала пачка разномастных документов, скрепленных резинкой.

– И что это значит? – спросил Флойд с легким раздражением.

– Менее чем за неделю до смерти мадемуазель Уайт постучала в мою дверь. Умерла она двадцатого, значит ко мне пришла пятнадцатого или шестнадцатого. Она выглядела по-прежнему озабоченной и растерянной, но по крайней мере захотела поговорить со мной. Прежде всего извинилась за свое невежливое поведение в течение двух предыдущих недель и сказала, что очень скучает по лошадям. И дала мне эту коробку.

Флойд стянул резинку и разворошил документы на коленях.

– О чем еще она говорила?

– Лишь о том, что может срочно покинуть Париж. Попросила сохранить коробку до ее возвращения.

Флойд просмотрел бумаги: билеты, чеки, карты, вырезки из газет. Среди них снабженный аккуратными пояснительными надписями карандашный набросок чего-то круглого, непонятного. Еще выцветшая открытка с фотографией Нотр-Дам. Детектив перевернул ее: открытка заполнена, проштемпелевана – но не послана. Почерк опрятный, девичий, с преувеличенными завитушками и хвостиками. Адресована открытка некоему мистеру Калискану, Заросль, Дакота.

– Вы не против, если я прочту?

– Пожалуйста, месье Флойд.

В открытке говорилось о планах на послеобеденный шопинг, о намерении купить серебряные украшения. Упоминалось, что планы могут измениться, если пойдет дождь. Слова «серебряный» и «дождь» были аккуратно подчеркнуты. Это показалось Флойду странным, но он тут же вспомнил свою престарелую тетю, имевшую привычку подчеркивать важные слова в письмах, посылаемых племяннику. Открытка была подписана «Сьюзен» – наверное, предназначалась деду или дяде, но не близкому другу или любовнику.

Флойд развернул одну из карт, расстелил. Он ожидал увидеть туристскую схему Парижа или, на худой конец, Франции, но увидел мелкомасштабную карту всей Западной Европы, от Калининграда на севере до Бухареста на юге, от Парижа на западе до Одессы на востоке. Кружки вокруг Парижа и Берлина; их соединяет идеально прямая линия, сделанная теми же чернилами. Еще один кружок – вокруг Милана, и от него идет к Парижу такая же прямая черта. Получилась фигура, напоминающая «L», с Парижем в углу и Берлином на конце длинной черты. Еще аккуратно выписанное число 875 под линией Париж – Берлин и 625 под линией Париж – Милан. Должно быть, расстояния между городами, и не в милях, а в километрах.

Флойд поскреб черту ногтем и убедился: она не напечатана в типографии вместе со всей картой. Что означают эти пометки? Флойд предположил, что Сьюзен Уайт планировала отправиться дальше и вымерила расстояния между Парижем и другими городами, решая, куда поехать. Но разве туристу нужны такие точные сведения? Учитывая географию Европы, в особенности политическую, и аэропланы, и поезда не движутся по прямой. Хотя, возможно, Сьюзен не понимала этого.

Флойд закрыл карту и просмотрел другие документы. Среди них было напечатанное на машинке письмо от некоего Альтфельда, на толстой бумаге с логотипом концерна тяжелого машиностроения «Каспар металл». Предприятие находилось где-то в Берлине. Письмо прислали в ответ на запрос Сьюзен Уайт. Увы, немецкий Флойд оставлял желать много лучшего и больше не удалось понять ни слова.

– На любовные письма это не похоже, – заметил он.

– Сьюзен поручила мне еще одно дело, на случай, если не вернется. Она сказала, что может приехать сестра, разыскивая ее. Тогда нужно отдать коробку ей.

– Ясно: она сильно тревожилась, – заключил Флойд. – В этом я с вами согласен.

– Вы еще не убедились в том, что она жертва преступления? Неужели не хочется взяться за расследование убийства? Я заплачу. Если не найдете ясных свидетельств того, что это именно убийство, я приму ваши доводы и соглашусь прекратить дело.

– Мне бы не хотелось тратить понапрасну ваше время и деньги, – сказал Флойд.

Кюстин покосился на него как на сумасшедшего:

– Я разрешаю тратить мое время и деньги.

Флойд запихал документы в коробку.

– А почему бы вам просто не сохранить эти бумаги до тех пор, когда появится ее сестра?

– Потому что проходят дни, а причина гибели Сьюзен так и остается невыясненной.

– Месье, при всем уважении, вряд ли вам стоит так беспокоиться о выяснении этой причины.

– Я думаю, что мне-то как раз и следует беспокоиться более всех.

– А что говорят об этой коробке полицейские? – спросил Кюстин.

– Я им показал, но они не заинтересовались. Как я уже говорил, эти люди напрочь лишены воображения.

– Не могла ли она быть шпионкой? – предположил Флойд.

– Эта мысль приходила мне в голову. Пожалуйста, не говорите, что у вас она возникла только сейчас.

– Я пока не могу делать выводы, – ответил Флойд. – Но следует учитывать все возможности.

– Так учтите же возможность того, что ее убили. Месье Флойд, я абсолютно уверен в этом. И эта смерть не должна остаться безнаказанной. А еще я знаю, что за мной сейчас наблюдает Клодетта и она будет очень разочарована, если я не исполню свой долг перед мадемуазель Уайт.

– Это очень благородно с вашей стороны...

– Мистер Флойд, дело не только в благородстве, – бесцеремонно перебил Бланшар. – У меня есть и свой интерес. Пока убийца не найден, мои жильцы будут думать, что она упала случайно.

– Но ведь полиция не высказывала такого предположения.

– А ей и не обязательно высказывать, – возразил Бланшар. – Пожалуйста, возьмите коробку, и посмотрим, куда заведет вас ее содержимое. Поговорите с остальными жильцами – аккуратно, конечно. Сьюзен могла что-нибудь кому-нибудь рассказать. А теперь давайте договоримся насчет оплаты.

Флойд полез в карман пиджака и выудил потрепанную, с разлохмаченными краями визитку:

– Здесь мои обычные условия. Поскольку расследуем убийство, мне понадобится помощник. Значит, цена возрастает вдвое.

– Кажется, вы не хотели зря тратить мои деньги.

– Платить или нет – дело ваше. Но если мы хотим выяснить причину смерти мадемуазель Уайт, нет смысла в полумерах. Мы с Кюстином сделаем вдвое больше за вдвое меньшее время, чем я в одиночестве.

Бланшар взял визитку и сунул в карман, не взглянув на нее.

– Я принимаю ваши условия. Но взамен ожидаю быстрого результата.

– Быстрый результат будет – тот или иной.

– Меня это устраивает.

– Мне нужно знать, что она рассказывала вам о сестре.

– Знаете, это довольно странно. До того как оставила коробку, Сьюзен ни словом не упоминала о семье.

– Она описала, как сестра выглядит, чем занимается?

– Да. Ее зовут Верити. Она не рыжая, а блондинка – мадемуазель Уайт подчеркнула эту деталь, – но в остальном сестры похожи, те же рост и фигура. – Бланшар встал. – Тут вам повезло. Я однажды сфотографировал Сьюзен в Лоншане. – Старик вытянул пару фотографий из-под совы, стоящей на каминной полке. – Можете забрать.

– Это единственные экземпляры?

– Нет. Я сделал несколько копий, рассчитывая, что полиция начнет расследование. Думал, снимки понадобятся сыщикам.

Флойд всмотрелся в фотографию. Сьюзен Уайт, снятая в полный рост, стояла, прислонившись к перилам; за спиной виднелся размытый силуэт мчащейся лошади. Молодая женщина придерживала круглую шляпку, словно боялась, что ее унесет ветром. Сьюзен смеялась и вообще выглядела счастливой, несколько не похожей на человека, который совершит в скором времени самоубийство.

– Она была очень привлекательной, – сказал Бланшар, садясь. – Рыжие волосы дивной красоты. Жаль, что на фото их не видно: они собраны в узел и укрыты шляпкой. Сьюзен обычно носила зеленое. Я всегда считал, что рыжие лучше всего выглядят на зеленом фоне. А вы как считаете?

– Откуда мне знать? – пожал плечами Флойд.

– Ничего себе, – произнес Кюстин, глянув на снимок. – В Америке все такие?

– Не в Галвестоне, – ответил Флойд.

От квартиры старика к квартире, где три своих последних месяца прожила американка, вели два лестничных марша. Бланшар проинформировал Флойда о том, что квартиру после смерти девушки не сдавал. И добавил:

– Там практически ничего не тронут. Проветрено, но в остальном все так же, как и в ее последний день. Даже кровать запровлена. Сьюзен была очень опрятной, в отличие от некоторых моих жильцов.

– Теперь я понимаю, что вы имели в виду, – заметил Флойд, шагая по скрипучим половицам к коллекции Сьюзен Уайт.

Журналы, книги и газеты занимали все горизонтальные поверхности и даже лежали на полу – рассортированные, аккуратно сложенные, что указывало на продуманную закупку и тщательную упаковку перед отправкой. Флойд вспомнил слова старика о том, как он заметил Сьюзен с чемоданом у станции метро. Наверное, девушке приходилось делать по десятку рейсов в неделю, если коллекция и в самом деле менялась так часто, как уверял Бланшар.

– Может, вы увидите в их собирании смысл, ускользнувший от меня, – сказал старик, замаявшись у порога.

Флойд нагнулся, чтобы получше рассмотреть стопку пластинок:

– Их она тоже коллекционировала?

– Да. Изучайте по своему усмотрению.

Флойд перебрал новенькие конверты, гадая, о чем думала покупавшая все это женщина. Но пластинки были столь же разнообразны, как и остальные предметы коллекции. Тут и джазовые записи – такие есть и у Флойда, – и несколько классических произведений. Но остальные пластинки, кажется, приобретались по случайной прихоти, без разделения на жанры и ценность – как и все прочее.

– Вижу, она любила музыку.

– Не проиграла ни одной пластинки, – сказал Бланшар.

Флойд рассмотрел взятый наугад диск, обследовал конверт, затем дорожки на виниле. В последнее время на рынке появилось множество дешевых нелегальных копий. Для нетренированного уха они звучат сносно, но тому, кто к музыке по-настоящему неравнодушен, кажутся оскорблением. По слухам, контрафакт делают вблизи Парижа на подпольном заводе. Купив пару таких фальшивок, Флойд научился отличать их. Похоже, в коллекции погибшей девушки контрафакта предостаточно, но, раз она не слушает музыку, винить некого, кроме ее самой.

Засунув пластинку в конверт и выпрямившись, Флойд заметил старый заводной патефон в углу комнаты, рядом с современным радиоприемником.

– Это ее патефон?

– Нет. Он в комнате как мебель. Наверное, лет тридцать здесь стоит.

– И она никогда не проигрывала на нем пластинки?

– Не припомню, чтобы в комнате Сьюзен звучала музыка. Когда случалось проходить мимо ее двери или посещать комнату этажом ниже, я слышал только радио.

– Какого рода передачи?

– Не могу сказать. Ее приемник всегда работал тихо.

Флойд провел пальцем по запыленному корпусу приемника.

– Вы включали его после смерти девушки?

– Как я уже говорил, комнату проветривали, но ничего из вещей не трогали.

– Вы не против, если я попытаюсь выяснить, что она слушала?

– Мистер Флойд, вы наняты мною, и я официально разрешаю вам действовать, как считаете нужным.

– Я проверю балкон, – предложил Кюстин. – Посмотрю, легко ли с него свалиться.

Флойд пригладил встопорщенный ветхий ковер перед приемником, опустил на колени. Изделие фирмы «Филипс», сошедшее с конвейера двадцать лет назад, имело лакированный ореховый корпус. В первые пять лет парижской жизни Флойд владел почти таким же. Он включил прибор, услышал гудение разогревающихся ламп, потрескивание динамика. Старое радио еще работало.

Затылок пощекотало ветерком – Кюстин открыл двустворчатые двери, ведущие на балкон. В комнату незваным грубым гостем ворвался городской шум. Флойд инстинктивно потянулся к ручке настройки, чтобы погнать стрелку на освещенной полосе с длинами волн и названиями станций. Он знал все станции, еще передававшие музыку, которую Флойд с Кюстином любили слушать – и играть. Таких с каждым годом оставалось все меньше. А в последнее время, кажется, меньше с каждым месяцем.

Флойд оставил стрелку там, где ее расположила Сьюзен. Увеличил громкость. Ничего, только треск помех.

– Не настроено, – сообщил он. – Или станция больше не вещает на этой волне.

Он вынул блокнот, раскрыл на первой чистой странице и записал длину волны. Затем погонял стрелку по всей длине шкалы. Приемник трещал и шипел, но не выдавал ничего осмысленного.

– Что-нибудь обнаружили? – спросил Бланшар.

– Наверное, радио испорчено. Иначе что-нибудь звучало бы.

– Перед тем как мадемуазель Уайт заняла эту комнату, приемник работал безукоризненно.

– Может, он и продолжал работать так же, пока она была здесь. Но теперь он испорчен – конечно, если все передатчики Франции не вырубались разом. – Флойд вернул стрелку приблизительно в то же положение, в каком ее нашел, затем отключил прибор. – Впрочем, не важно. Я всего лишь надеялся узнать побольше о характере Сьюзен, выяснив, что она слушала по радио.

Кюстин вернулся с балкона, затворил за собой створки. Затем указал на середину своего живота:

– Досюда. Совершенно безопасные перила. Месье, какого она была роста?

– Приблизительно вашего.

– Значит, в принципе могла споткнуться и выпасть, если бы уж очень не повезло. Но она бы ни за что не выпала, просто опершись на перила.

– Что и опровергает версию о случайном падении, – заключил хозяин дома. – Подумайте теперь над тем, что ее столкнули.

– Или она выпрыгнула сама, – заметил Флойд, громко захлопнув блокнот. – Пожалуй, здесь мы закончили. Вы же оставите пока эту квартиру нетронутой?

– Конечно, до окончательного результата расследования, – заверил Бланшар.

Флойд хлопнул Кюстина по спине:

– Давай поговорим с жильцами, может, они расскажут что-нибудь полезное.

Кюстин поднял жестяную коробку, которую Флойд оставил рядом с приемником.

– Скажите, когда Сьюзен погибла, дверь в квартиру была не заперта? – спросил Кюстин у старика.

– Да, открыта.

– Значит, девушку и в самом деле могли убить.

– Или она оставила дверь незапертой, потому что захотела оставить ее незапертой, – заметил Флойд. – Это ничего не доказывает. А входная дверь?

– Была заперта. Но там замок защелкивается. Уходя, убийца мог просто захлопнуть ее. Ключа не нужно.

– В комнате пропало что-нибудь?

– Если бы я заметил, сказал бы.

Кюстин постучал по коробке:

– Может, они искали это, а оно уже было у месье Бланшара.

– Что-нибудь из содержимого выглядит стоящим убийства? – спросил Флойд.

– Нет. Но когда я работал на набережной, видел, как убивали за буханку хлеба.

– Я позвоню завтра, если мы обнаружим что-нибудь стоящее внимания. Если не обнаружим – позвоню, когда наметится хоть какой-то прогресс.

– Я хотел бы общаться с вами каждый день, вне зависимости от того, найдете вы что-нибудь или нет.

– Как вам угодно. – Флойд пожал плечами.

– Звоните мне вечером. В конце каждой недели я буду ждать машинописный отчет с перечнем расходов.

– Вижу, вы серьезно взялись за дело.

– Здесь произошло страшное преступление, – сказал Бланшар. – Я это чувствую. Мадемуазель Уайт жила одиноко, вдали от дома и чего-то боялась. Кто-то пришел и убил ее. Это нехорошо. Неправильно.

– Я понимаю, – поддакнул Флойд.

Когда подошли к двери, старик встрепнулся:

– Да, кое-что забыл упомянуть. Может, оно и не важно. В комнате мадемуазель Уайт была электрическая пишущая машинка. – Бланшар положил руку на деревянный футляр, стоящий на кривоногом столике. – Немецкая, кажется, фирмы «Хаймсоф унд Райнке». Очень тяжелая. Ее доставили сюда в этом ящике.

– Странновато для туристического багажа, – заметил Флойд.

– Я поинтересовался, и она ответила, что должна практиковаться в слепом печатании, иначе потеряет скорость к возвращению домой.

– Вы правильно сделали, что сказали мне. Наверное, это в самом деле не важно, но кто знает? Даже сущие на первый взгляд мелочи помогают иногда.

– Может, нам взглянуть на эту машинку? – осведомился Кюстин.

– В том-то и дело, что взглянуть нельзя. Ее больше нет. Машинку нашли разбившейся вребезги рядом с мадемуазель Уайт.

Глава 4

– Привет, Верити, – сказал бывший муж. – Ты уж извини за визит, но наши общие друзья начали сомневаться, жива ли ты.

Питер Ожье был загорелым и мускулистым, словно только что вернулся из долгого приятного отпуска, а не из утомительной дипломатической поездки по Федерации Полисов. Носил он очень дорогой оливково-зеленый костюм, к нему красный шелковый шейный платок и со вкусом исполненный золотой нагрудный значок Дипломатического корпуса. Внимательные глаза Питера сверкали, будто ограненные изумруды. Казалось, в них застыло легкое удивление и насмешка надо всем и всеми вокруг.

– Конечно я жива, – раздраженно ответила Ожье. – Но знаешь, это называется домашним арестом. Трудновато социализироваться.

– Ты понимаешь, что я имею в виду. Почему не отвечаешь на звонки и письма? – Питер указал на кучу цилиндров в приемном лотке пневматической почты.

– Я пытаюсь собраться с мыслями.

– Нельзя и дальше оставаться в подобном состоянии. Там, куда тебя призовут, надо быть сильной, а не хнычущей развалиной. Я слышал, что предварительные слушания будут уже сегодня, до полудня.

– Ты не ослышался.

– Что-то ты слишком уж легко к этому относишься.

– Так это попросту формальность, возможность сторонам посмотреть друг на друга. Боюсь я дисциплинарного трибунала.

Питер сел, заложив ногу за ногу. Секунду с удовольствием глядел в обзорное окно на Землю и наложенный на ее белый сверкающий диск ближайший район Заросли.

– Они поменяли планы, – сказал Питер. – Тебе следует подготовиться к неприятным сюрпризам и ни в коем случае не расслабляться на предварительном слушании. Они любят подбрасывать неожиданное, в особенности когда имеют дела с людьми вроде тебя.

– Вроде меня?

– С теми, кто не очень старается угодить начальству. И это мягко говоря. Я слышал, в прошлом году ты даже умудрилась разозлить Калискана. Что требует, надо сказать, определенных усилий.

– Я всего лишь не согласилась поставить его имя под статьей. Он и пальцем ради нее не пошевелил. Если так уж разозлился, пусть бы писал заявление в трибунал.

– Калискан платит тебе жалованье.

– Что не освобождает его от обязанности работать, если уж хочет соавторствовать в научной статье.

Ожье села спиной к окну, так что между нею и Питером оказался столик из грубо обтесанной древесины с кривобокой черной вазой. Из вазы торчала дюжина увядших цветов.

– Я не старалась с ним поссориться. Не то чтобы у меня было отвращение ко всякому начальству. Я прекрасно уживаюсь с Дефоррестом.

– Возможно, у Калискана есть и еще кое-что против тебя, – заметил Питер спокойно и твердо, будто что-то знал наверняка, но не желал открываться полностью.

Подобная манера говорить одновременно и бесила Верити, и притягивала. Питер умел казаться обаятельным и дружелюбным. А если кто-то и ощущал, насколько мелок он под маской уверенности и всезнания, то считал, что под кажущейся утлостью все-таки скрываются глубины характера.

– Питер, откуда ты знаешь?

– Я всего лишь хочу сказать, что наживать врагов – не единственный способ делать карьеру.

– Я не наживаю врагов. Просто не желаю, чтобы мешали моим исследованиям.

– На прошлой неделе у Паулы был день рождения.

– Я знаю. Прости. Со всеми нынешними хлопотами...

– Ее день рождения был за пару дней до неприятной истории в Париже. Так что «все нынешние хлопоты» не имеют к нему никакого отношения. – Как всегда, речь Питера звучала дружелюбно и спокойно, хотя он и бранил бывшую жену. – Ты представляешь, насколько важен день рождения для девятилетнего ребенка?

– Я уже попросила прощения. Мне очень жаль, что так вышло. Я пошлю ей письмо, если тебе от этого полегчает.

– Здесь речь не о том, чтобы полегчало мне. Речь о твоей дочери.

Ей вдруг стало стыдно.

– Знаю. Черт побери, я совершенно бесполезное существо! Паула не заслуживает такую мать, и ты не заслуживал такую жену...

– Пожалуйста, не надо самоуничужения. Я пришел не упрекать тебя насчет Паулы. Она еще дитя малое – забудет и простит. Я просто решил, что тебе стоит вспомнить о ней.

Верити закрыла лицо ладонями. Вот же, пять дней держалась, а теперь – в слезы. И непонятно отчего: то ли из-за дочери, то ли из-за грядущей беды. Впрочем, какая разница?

– Зачем ты пришел? – пробормотала Ожье сквозь пальцы.

– Узнать, в каком ты настроении.

Она посмотрела зло – бледная, с опухшими глазами, заплаканная:

– Как видишь, настроение великолепное. Лучше не бывает.

Свистнуло, зашуршало, выдохнуло – в приемный лоток упал цилиндр пневмопочты, звякнув о кучу скопившихся в лотке. Верити и не глянула на него. Наверняка очередная анонимная издевка, как и все послания за прошлый день. Зачем слать карты Парижа? Конечно же, чтобы еще раз ткнуть носом в случившееся.

– Я пришел еще и для того, чтобы узнать, не смогу ли чем-нибудь помочь, – изрек Питер, выдержав дипломатическую паузу. – Могу потянуть за ниточки.

– Привлечь новых высокопоставленных друзей?

– Не стоит стыдиться политических связей, – произнес Питер с важностью человека, верящего в то, о чем говорит.

– Как поездка? – спросила Ожье, и ее голос прозвучал вяло и тихо.

– Очень даже неплохо.

– Я почти завидую.

Дипломатические нужды часто заставляли Питера посещать территории, контролируемые Полисами на краю Солнечной системы. Но последняя экспедиция занесла его гораздо дальше, вглубь Галактики по гиперсети.

– Тебе бы понравилось, – сказал Питер. – Конечно, местами было жутко, но вытерпеть стоило.

– Надеюсь, ты выказал надлежащее благоговение и смиренный восторг.

– Было вовсе не так. Похоже, они просто обожают демонстрировать свои чудеса.

– Слушай, я не была бы настолько скептической, если бы они по-настоящему хотели с нами сотрудничать.

– А ты полагаешь, не хотят? – осведомился Питер.

– Ну, ты же знаешь, что написано в примечаниях к договорам мелким шрифтом. Мы получаем доступ к гиперсети – не стоит говорить, что на их условиях, причем очень суровых, – а они получают доступ к Земле, причем, что забавно, тоже на их условиях.

– А вот я вижу здесь другое. Отчего им не требовать многого? Все-таки целую Галактику предлагают. Земля – замороженная, опасная, необитаемая – кажется небольшой ценой. И ведь нельзя сказать, что мы отдаем им всю планету сразу.

– Дай им дюйм – они проглотят милю.

Питер помассировал лоб, будто стараясь прогнать головную боль.

– Но, по крайней мере, мы чего-то добились для себя. Надо понять – и именно сейчас это особенно важно, – что прогры не составляют единое политическое целое, как бы нам ни хотелось обратного. Они сами не видят свою федерацию единым целым. Для них это зыбкий, постоянно меняющийся конгломерат ситуативных альянсов с тактическими интересами, и каждая группировка имеет собственный взгляд на лучшее будущее для Земли. Не секрет, что среди Полисов есть фракции, желающие агрессивных действий.

По спине Ожье пробежал холодок.

– Каких таких действий?

– Представь сама. Они очень хотят заполучить Землю, и в особенности сейчас, когда есть тщательно разработанный план терраформирования планеты и уничтожения фурий. И если честно, единственная преграда – наши умеренные друзья среди прогров. Прагматик во мне считает, что лучше уж договариваться с умеренными, пока они еще заинтересованы в этом.

– Под «прагматиком» следует понимать «хладнокровный циник», – обронила Ожье и немедленно устыдилась, потому что поняла несправедливость упрека. – Извини, пожалуйста. Питер, я хорошо тебя знаю и не сомневаюсь, что часть твоих доводов разумна, хоть они и кажутся поставленными с ног на голову. Но это не значит, что они мне нравятся.

– Нравятся они тебе или нет, сотрудничество с Полисами – единственный выход.

– Может быть, но для того, чтобы высадиться на Землю, програм придется перешагнуть через мой труп.

Питер улыбнулся так, что Ожье передернуло от ярости.

– Знаешь, я ужасно не люблю приносить плохие новости, но когда начнется заседание трибунала, тебе придется иметь дело с крайне опасным и компетентным свидетелем обвинения. Потому я хочу обеспечить тебе всю возможную помощь.

– Ты что имеешь в виду? Какой свидетель обвинения?

– Девочка. Кажется, по имени Кассандра.

Ожье прищурилась, внимательно глядя на бывшего мужа:

– Я чего-то о ней не знаю?

– Она гражданка Полиса, взрослый человек с возможностями и правами взрослого и со взрослой же безжалостностью.

Ожье покачала головой:

– Абсурд!

Но тут она вспомнила странную реакцию девочки на происшествие в Париже, а также изобретательность, изворотливость и постоянную готовность контратаковать в спорах, когда Кассандра защищала необходимость сотрудничества с програми. Затем Верити вспомнились стройные очертания корабля прогров в доке Бюро древностей.

– Это правда, – возразил Питер.

Он перебирал мертвые цветы в вазе и хмурился, пытаясь составить красивую композицию.

– Но как она проскользнула через нашу охрану?

– Никак. Ее участие в твоей экспедиции было санкционировано официально.

– И никто не счел нужным сообщить об этом мне?

– Присутствие Кассандры – щекотливая тема. Если бы не случилось эксцесса, никто бы ничего не заподозрил.

– А теперь решено раструбить об этом на трибунале?

– А теперь решено, что выступление Кассандры свидетелем – лучший способ укрепить нашу связь с умеренными програми. Так мы показываем, что доверяем им целиком и полностью, вплоть до того, что допускаем к чрезвычайно важной роли в судебном процессе.

– Даже если это значит, что из меня сделают козла отпущения?

Питер развел руки с ухоженными ногтями:

– Я же сказал: сделаю, что смогу. Официально мне не следовало даже упоминать Кассандру в разговоре с тобой.

– А как ты узнал?

– Я уже говорил: политика и люди, ею занимающиеся, – не всегда зло. – Он вынул два стебля и уложил рядом на столе, будто павших солдат. – Если Калискан предложит сделку, ты согласишься?

– Сделку? Какую?

– Да так, подумалось ненароком. – Он встал и разгладил костюм. – Пойду, пожалуй. Кажется, явиться сюда – не самая лучшая идея.

– Наверное, я должна тебя поблагодарить.

– Да ладно. Не стоит ломать старые привычки.

– Мне очень жаль, что не поздравила Паулу. Скажи ей, пожалуйста, что я исправлюсь. И передай привет Эндрю. Пусть не думает, что я совсем уж плохая мать.

– Ты не плохая мать. И вообще ты человек хороший. Просто позволила этой планете... этому городу, Парижу, завладеть твоей жизнью. Как будто он ревнивый и властный любовник. Знаешь, мне было бы легче, если бы ты оставила меня из-за любовника.

– Если не я, кто будет присматривать за Парижем?

– Он стоит твоего брака и любви двух детей? – Питер поднял руку, предупреждая ответ Верити. – Не надо ничего говорить. Просто подумай. Для нас уже слишком поздно.

Она удивилась равнодушному, безапелляционному тону бывшего мужа:

– Ты и в самом деле так считаешь?

– Конечно. Как видишь, мы разговариваем, не швыряя друг в друга вещами. Раньше нам это удавалось плохо.

– Наверное, ты прав.

– Прошу, подумай о наших детях. Иди на трибунал, будь покорной, говори правду, скажи, что наделала ошибок и сожалеешь о них. Я надеюсь, тогда у тебя будут реальные шансы выйти отсюда.

– И сохранить работу?

– Я чудес не обещаю.

Она встала и пожала ему руку. Ее ладонь привычно легла в ладонь мужа, будто две кисти были подогнаны друг под друга, сделаны, чтобы быть вместе. Верити вздрогнула.

– Я постараюсь, – пообещала она. – Там еще так много работы для меня. Я не позволю мерзавцам уничтожить Верити Ожье лишь для того, чтобы прибавить себе политический капитал.

– Так держать! – похвалил Питер. – Но не забывай о том, что лучше выглядеть покорной и раскаявшейся.

– Я буду иметь это в виду.

После того как он ушел, Верити схватила вазу, отнесла на кухню и вышвырнула мертвые цветы в мусорное ведро.

– Верити Ожье?

– Да, Ваша честь.

– Пожалуйста, приготовьтесь давать показания.

Предварительные слушания проходили в зале с высоким сводчатым потолком. В этой части Бюро древностей Ожье никогда раньше не бывала, хотя конвой доставил ее в трибунал на удивление быстро. Стены зала украшали огромные фотофрески, изображающие сцены из прошлого Земли, до Нанокоста.

– Итак, начнем! – провозгласила женщина с подиума, за которым красовался флаг СШБВ. – Предварительное расследование, произведенное особым дисциплинарным комитетом, установило: ваши действия в Париже повлекли за собой смерть ученика Себастиана Нерваля.

Ожье была единственной, кто не обернулся посмотреть на мальчика, чье тело зафиксировали вертикально, прикрепив к регенерационной панели. Над его головой висел, будто нимб, рой миниатюрных машин производства прогров – стая хлопочущих над пациентом херувимов и серафимов.

– Возражаю! – подал голос адвокат Ожье, шурша бумагами. – Упомянутый учащийся жив и присутствует сейчас в зале заседаний!

– В чем суть вашего возражения? – спросила председатель трибунала.

– К Себастиану ни в каком смысле не может быть применено определение «мертвый».

– В законе нет разницы между временной и постоянной смертью, – ответила председатель так, будто уже многократно приводила этот довод. – Мальчик выжил лишь потому, что оказались доступны медицинские средства Полисов. Поскольку на подобное, как правило, рассчитывать не приходится, факт его выживания не может служить смягчающим обстоятельством.

Лицу адвоката – мелкому, круглому, похожему на кротовью мордочку – не шли круглые же очки, лишь усиливавшие сходство с кротом.

– Но так или иначе, мальчик жив!

– Возражение не принимается, – ответила председатель. – При всем уважении к вам, я бы посоветовала ознакомиться с основными положениями законов Соединенных Штатов Ближнего Внеземелья, прежде чем приходить в этот зал снова.

Адвокат судорожно зашарил в бумагах, словно пытаясь отыскать описание какого-нибудь полузабытого прецедента, доказывающего правоту защиты. Затем бумаги соскользнули со стола ему на колени, рассыпались по полу. Адвокат наклонился, чтобы их собрать, и, ударившись головой об угол стола, сшиб с себя очки.

Председатель, не обращая более на него внимания, сказала девочке, сидевшей справа от Ожье:

– Вы предпочитаете называться именем Кассандра?

– Я предпочитаю называться так. – Девочка испустила переливчатую причудливую трель, сложное сочетание высоких нот и модуляций.

Генетическая инженерия дала всем гражданам Полисов орган, похожий на птичью глотку, плюс нейронные связи и структуры, необходимые для испускания и декодирования птичьих криков. Поскольку эти модификации были прописаны в генетическом коде, прогры сохранили бы способность очень быстрого обмена информацией даже в случае нового Забвения или технологического кризиса.

– Но здесь, я думаю, можно ограничиться Кассандрой, – добавила девочка, грустно улыбнувшись.

– Очевидно, да, – подтвердила женщина, так же скорбно улыбнувшись в ответ. – Прежде всего я хотела бы поблагодарить вас от имени Бюро древностей, а также от имени правительства СШБВ за ваши усилия и за время, потраченное на возвращение в Заросль, принимая во внимание нынешнее положение дел.

– Для меня это не составило особого труда, – ответила Кассандра.

Теперь в ней, избавленной от необходимости маскироваться, безошибочно угадывалась гражданка Федерации Полисов. Хотя в общем она выглядела, как и раньше: неприметное маленькое существо с косой челкой темных волос и обиженным выражением лица, свойственным тем, кого постоянно понукают и упрекают. Но теперь вокруг нее вился рой автономных миниатюрных машин, чье непрерывное движение мешало разглядеть тело. Граница между машинами и ее личным разумом была столь же неопределенной. Как у всех прогров, в ее теле обитало бесчисленное множество микромашин, отдаленных родственников фурий, все еще бесновавшихся на поверхности Земли. Одета Кассандра была в строгое белое платье простого кроя, но машины образовали вокруг нее мерцающую подвижную броню, серебристое гало, сверкающее по краям. Несомненно, часть машин уже разлетелась по залу, чтобы хозяйка лучше видела обстановку и людей. А возможно, роботы проскользнули уже и в тела, слушая самые мысли.

– Пока вы – единственный полезный свидетель в нашем распоряжении, – сказала председатель. – Когда мальчик заново освоит язык...

– Не «когда», а «если», – поправила ее Кассандра. – Мы никоим образом не гарантируем, что наши технические средства смогут реконструировать функцию речи. Она очень тесно увязана с соответствующими центрами в мозгу.

– Будущее покажет. А пока наш источник сведений – вы. И пленки, сохраненные на вездеходе.

– Еще свидетельство Верити, – добавила Кассандра, бесстрастно глядя на Ожье из-под ауры блистающих машин. – Оно у вас тоже есть.

– Да. К сожалению, оно противоречит вашему.

Девочка моргнула, затем пожала плечами:

– Жаль.

– Да, – согласилась председатель. – Очень жаль. Ожье утверждает, что зона раскопок «Елисейские Поля» была проверена и признана безопасной для людей. Это правда?

– Ваша честь, я полагаю, что вы читали мой рапорт.

Председатель искоса глянула в бумаги:

– Анализ пленок показывает, что место раскопок не было маркировано как безопасное для людей.

– Маркировка быстро становится очень слабой и незаметной, – пояснила Ожье. – Экскаваторы используют краску вместо маяков, потому что маяки часто выходят из строя. Краска тоже портится скоро.

– Архивные записи подтверждают тот факт, что место раскопок никогда не признавалось безопасным для людей, – бесстрастно заявила председатель.

– Архивные записи не всегда идут в ногу со временем.

– Их отсутствие – едва ли хороший повод, чтобы безрассудно лезть в сомнительное место подо льдом.

– При всем уважении к вам, никто не лез безрассудно. Проводилась осторожная, тщательная работа, к несчастью столкнувшаяся с непредвиденными обстоятельствами.

– Кассандра утверждает противоположное.

– В самом деле?

Ожье попыталась определить, что думает Кассандра, но не смогла. Трудно было свыкнуться с тем, что она не ребенок, но взрослый в детском теле, как минимум столь же амбициозный и умный, как сама Верити, – а может, и более.

– Кассандра утверждает, что риск был очевиден с самого начала экспедиции, но вы решили проигнорировать его. То, что мы сумели извлечь из записей происходившего внутри кабины, подтверждает ее слова. Ожье, вы полезли в опасную дыру с двумя подопечными, уязвимыми детьми.

– Прошу прощения, Ваша честь: с одним ребенком и с одним лживым маленьким дерьмом. Меня следовало предупредить о присутствии програ среди нас. Облака это определили, разве нет? Они ее вынюхали.

– Осторожнее с выражениями! – предупредила председатель. – Хотя это и предварительное слушание, я могу привлечь вас к ответственности за неуважение к суду.

– Пожалуйста. Это сэкономит нам время, – проговорила Ожье, подавшись вперед, уперев кулаки в деревянный поручень.

Сначала она честно пыталась следовать совету бывшего мужа – демонстрировать покорность, смирение и раскаяние. Она видела Питера, стоящего за узким окном зрительской галереи. Он покачал головой и отвернулся.

– В первый и последний раз я посчитаю, что не расслышала вашего утверждения, – заявила председатель. – Воспринимать ли мне ваши прочие слова как знак того, что вы не изменили точку зрения, сформулированную в вашем рапорте пятидневной давности?

– Не изменила ни на йоту.

– Хорошо. Дисциплинарный трибунал начнет работу через пять дней. Ожье, едва ли стоит напоминать вам о серьезности происшествия.

– Да, мэ, вряд ли стоит напоминать мне об этом.

Председатель ударила молотком по столу:

– Заседание окончено!

Ожье сложила письмо дочери, затем скovyрнула пластиковую крышку с одного из прибывших цилиндров. Оттуда выскочила свернутая карта и развернулась на столе. Верити сунула письмо в цилиндр, запечатала, затем пробилла на нем код назначения: область Заросли, где жил Питер. Цилиндр унесся прочь, ускоряясь в головоломной паутине пневмопочты. Если сеть не слишком загружена, письмо доберется за пару часов. Но конечно, когда опаздываешь поздравить с днем рождения на неделю, лишние несколько часов вряд ли важны – даже для девятилетней девочки.

Взгляд упал на развернувшуюся карту, и Ожье нахмурилась. Потом расправила, присмотрелась. Странно. Где на этой карте Парижа Периферик, большая кольцевая дорога с подземными и поднятыми над землей секциями, окружившая город, будто ров из серого напряженного бетона? Даже подо льдом Периферик оставалась важной деталью ландшафта. Вдоль нее Бюро древностей установило барьер, препятствующий распространению льда и сдерживающий фурий. За Периферик безраздельно властвовали неисчислимые разновидности машин-мутантов. А вылазки туда были гораздо опаснее последней экспедиции Ожье.

Но на этой карте Периферик отсутствовала, хотя ко времени Нанокоста ей было уже за сто лет. Ее перестраивали, расширяли, снабжали навигационными устройствами, чтобы управлять автоматическим транспортом, – но кольцевая оставалась по-прежнему узнаваемой, очерченная постройками и естественными препятствиями, мешавшими ей измениться слишком сильно. На немногих сохранившихся картах она всегда была столь же заметной и важной частью городского ландшафта, как Сена и многочисленные парки и кладбища.

А почему ее нет на этой карте?

Движимая любопытством и подозрительностью, Верити перевернула карту и поискала выходные данные. Внизу обнаружился значок копирайта и год: 1959. Карту напечатали за столетие с лишним до катастрофы, еще до того, как была закончена Периферик. Странно, что нет даже намеков на кольцевую: неполных ее отрезков, планируемых и строящихся участков. Возможно, издатель перепечатал старую карту?

Но зачем слать копии старой карты? Какой смысл? Если ради напоминания о случившемся подо льдом Елисейских Полей, то можно найти способы куда действенней и внятней.

Верити снова посмотрела на загадочную карту и обнаружила новые расхождения с известным. Несуразности, никак не укладывающиеся в привычную картину. Это шутка? Насмешка? Скучная и нелепая затея.

Верити скрутила карту и сунула в цилиндр, желая отправить по случайному адресу.

– Я в такие игры не играю, – пробормотала она.

В дверь постучали. Питер? Но слишком уж резко, по-деловому. Верити решила проигнорировать, потом подумала, что если это из Бюро, то они войдут в любом случае, с согласия хозяйки или без. А если прибыли новости о трибунале, так лучше их услышать прямо сейчас.

Она рывком распахнула дверь:

– В чем дело?

За дверью стояли молодые мужчина и женщина, одетые в темные, очень официальные костюмы, на фоне которых резко выделялась белизна воротничков. У обоих незваных гостей соломенного цвета волосы были обильно смазаны гелем и зачесаны назад – настолько одинаково, что пришедшие казались братом и сестрой. Оба выглядели напряженными, будто сжатые пружины, опасными, безжалостно эффективными – и хотели, чтобы Ожье это поняла.

– Верити Ожье? – спросила женщина.

– Вы знаете, кто я.

Женщина сунула Верити под нос значок, сверкающий голограммами и металлической пленкой. На нем под звездами и полосами СШБВ – поясной портрет блондинки, динамическая картина, вращающаяся вокруг своей вертикальной оси.

– Я агент Рингстед из Бюро безопасности. Мой коллега – агент Молинелла. Пройдемте с нами.

– Еще пять дней до трибунала!

– У вас пять минут, – сказала агент Рингстед. – Хватит, чтобы собраться?

– Постойте, – упрямо произнесла Ожье. – Суд надо мной – дело Бюро древностей. Может, я там и напортачила – кстати, это ни в коем случае не признание вины, – но если и напортачила, Бюро безопасности уж точно к этому отношения не имеет. Я думала, ваше дело – охранять Заросль. Вам что, нечего больше делать, кроме как осложнять мне жизнь?

– Вы разве не знаете, что вашим случаем занялось Бюро уголовных преступлений? – спросила Рингстед. – Оно хочет воздать вам должное. Считает, что вы слишком расслабились, позволяете себе разгуливать по Земле, не думая о последствиях.

Молинелла кивнул в знак согласия и добавил:

– Они считают, что уголовное обвинение и суровый приговор будет именно тем, к чему должным образом прислушаются остальные.

– Под суровым приговором вы, случайно, не имеете в виду тот, который заканчивается некрологом? – спросила Ожье насмешливо.

– В общих чертах, – ответила Рингстед. – Думаю, вы поняли, что в данный момент вам лучше иметь дело с безопасностью, чем с уголовкой.

– А разве вы работаете не на одно и то же правительство?

– Теоретически – да, – задумчиво согласилась Рингстед, будто услышав об этом впервые.

– По-моему, это уж слишком сюрреалистично. Что мне делать?

– Идти с нами, – напомнила Рингстед. – Вас ожидает корабль.

– И еще – захватите карты с собой, – добавил Молинелла.

Ожидавший корабль был неприметным шаттлом делового образца, без маркировок. Отчалил он из порта, ближайшего к дому Ожье, и пошел сквозь местное движение по траектории, требовавшей правительственного разрешения, причем высокого уровня. Вскоре

шаттл уже летел сквозь внешние районы Заросли, в опасной близости от запретной зоны, которая окружала Землю. Несомненно, судно продвигалось по кратчайшему пути на другую сторону околопланетной сети, вместо того чтобы идти вокруг, сберегая топливо.

Когда Ожье осталась в одиночестве – агенты ушли к экипажу, – она занялась изучением карты. Собираясь, сунула ее в карман прямо в цилиндре для пневмопочты. Упрямство и злость заставили ее отчасти пренебречь приказом Молинееллы, и прочие карты она не взяла. Но эту, прибывшую последней и рассмотренную, захватила. Раньше она казалась издевательской подделкой, но теперь Ожье задумалась: может, у нее есть и другой смысл? Верити изучила карту снова, желая увериться, что не ошиблась. Нет. Все, как и отметила: пастельные приглушенные тона, Периферик отсутствует, копирайт – 1959 год. И все то же ощущение чего-то фундаментально неправильного, еще не замеченного. Ожье повертела карту так и сяк, надеясь, что причина тревоги станет очевидной. В тишине и спокойствии кабинета наверняка бы определила, в чем дело, за минуты. Но шаттл дергался и трясся, мешал сосредоточиться. В конце концов, тайна карты заинтриговала Ожье не меньше, чем место, куда везут ее саму.

Шаттл задержался иначе, и Верити поняла: он тормозит и маневрирует, приближаясь к порту назначения. Сквозь узкие иллюминаторы виднелись массивные конструкции Заросли: колеса со спицами, части ободьев, сферы и цилиндры, собранные воедино, будто символы причудливого инопланетного алфавита. Хотя архитектура по стандартам Заросли не была очень уж необычной, Верити не узнала района. Жилые модули казались темными и очень старыми. Их поверхность испещряли, будто опухоли, напластования позднейших надстроек. На человеческое присутствие указывала лишь редкая сеть крошечных золотистых огоньков. Ожье напряглась – место напоминало или тюрьму особо строгого режима, или психиатрическую лечебницу.

В особенно темной области одной из сфер открылся небольшой люк, зажглись сигнальные красные и белые огни, и шаттл направился к отверстию, едва способному его вместить. У Ожье вспотели руки, трясущиеся влажные пальцы стали размазывать чернила по карте. Верити сложила ее и сунула во внутренний карман пиджака, стараясь подавить дрожь.

Шаттл причалил. Агенты вывели Ожье сквозь шлюз в лабиринт стерильных черных коридоров, изгибающихся, поворачивающихся, уводящих вглубь сферы.

– Где мы? – спросила Ожье. – Что это за место?

– О Бюро безопасности вы уже слышали, – сказал Молинеелла. – Теперь же добро пожаловать в Бюро чрезвычайных ситуаций, к нашему старшему брату, который куда секретней и могущественней нас.

– Такого Бюро не существует!

– Мы именно об этом вам и сказали только что.

Агенты провели Верити через серию постов. На одном красовался змееробот производства прогров, помеченный большим перечеркнутым «А» – то есть механизм никоим образом не связан законами робототехники Азимова. У Верити пробежал по шее холодок, пока змей изучал ее.

За постами был недлинный коридор, заканчивавшейся чуть приоткрытой дверью, откуда на черное решетчатое покрытие пола лился оранжевый свет. Перед дверью стоял вооруженный охранник в шлеме. Из-за нее доносились омерзительные тонкие звуки, словно царапали стекло, – у Ожье заныло в зубах. В скрипе и визге угадывалась структура и периодичность, и Верити распознала музыку, хотя и не смогла определить, какую именно. Женщина стиснула челюсти, решив, что отвратительные звуки не выведут ее из себя – для чего, должно быть, они и предназначались.

Охранник ступил в сторону и указал на дверь. Верити заметила под его шлемом наушники. Молинеелла с Рингстед остановились, позволяя ей перешагнуть порог в одиночестве.

Ожье толкнула дверь, окунувшись в поток музыки, и ступила внутрь. Там простиралась комната размером со все жилище Ожье, но обставленная куда пышнее и роскошнее. Фактически она выглядела копией гостиной восемнадцатого или девятнадцатого века – той, что могла бы принадлежать усердному натурфилософу. У колоссального стола пожилой человек самозабвенно предавался производству музыки. Он стоял спиной к Верити, одетый в лиловый атласный смокинг; серебристо-белая шевелюра, зачесанная назад, ниспадала на плечи. Руки орудовали инструментом, который мужчина придерживал подбородком. Пальцы одной руки прижимали струны, другая водила длинным дугообразным смычком. Все тело мужчины двигалось в такт извлекаемым звукам.

Наблюдать это было чудовищно. К горлу подкатила тошнота, Ожье отогнала ее усилием воли. Человек был хорошо знакомым, но Верити встречалась с ним в совершенно другой обстановке.

Он ощутил ее присутствие и обернулся. Смычок скрежетнул напоследок по струнам.

Томас Калискан. Музыкант. Глава Бюро древностей, человек, с которым Верити недавно поссорилась, отказав в незаслуженном соавторстве статьи.

Он положил скрипку на стол.

– Здравствуйте, Верити. Как мило, что вы решили зайти ко мне.

Глава 5

У схода на вокзал молодой человек в очках и длинном плаще попытался сунуть Флойду в руку листовку, распечатанную на мимеографе.

– Месье, прочтите, – сказал он на французском, выдающим хорошее образование. – Пожалуйста, ознакомьтесь и, если вы согласны с нашими целями, присоединяйтесь к демонстрации в следующие выходные. Еще есть шанс сделать что-нибудь с Шателье.

Парню было лет восемнадцать-девятнадцать, на подбородке – нежный пушок, будто на кожице персика. Наверное, студент-медик или адвокат-практикант.

– А зачем мне делать что-нибудь с Шателье? – осведомился Флойд.

– Судя по акценту, вы иностранец.

– В моем кармане паспорт, и там написано, что я француз.

– Очень скоро это ничего не будет значить.

– То есть скоро мне придется пожалеть о том, что я – иностранец?

– Всем нам придется пожалеть. – И парень сунул листовку Флойду в руку.

Тот скомкал ее и уже хотел выкинуть, но сдержался, спрятал в карман, подальше от посторонних глаз.

– Спасибо за предупреждение, – сказал он парню.

– Вы же мне не поверили?

– Мальчик, если бы ты хлебнул с мое, то знал бы цену этим страхам.

Флойд покачал головой, понимая, что разница в опыте и возрасте слишком велика. Объяснения не помогут. Чтобы понять, нужно пережить самому.

– Начнется с обычных козлов отпущения, – проговорил парень. – А закончится тем, что очень не понравится всем нам.

– Юноша, я тебе завидую. Ты еще уверен, что можешь изменить хоть что-то, – лучезарно улыбнулся Флойд. – Радуйся, пока эта уверенность у тебя есть. Она уходит быстро.

– Месье... – произнес парень, но Флойд не стал слушать.

Отвернулся и пошел на вокзал.

Лионский вокзал медленно, лениво погружался в сон. Клацающие табло показывали, что поезда еще прибывают и отбывают, но было ясно: вечерний час пик миновал уже давно. На вокзале тянуло холодом, сквозило из разбитых стекол в решетчатой металлической крыше. Впервые за несколько месяцев Флойд вспомнил зиму. Мысли о ней он старался прятать подальше, а вспомнив против воли, вздрогнул.

Он полез в карман за письмом Греты, но вытащил вместо него листовку, врученную парнем. Флойд оглянулся, не увидел его поблизости и швырнул скомканный листок в урну. Затем достал письмо и тщательно перечитал, отметив с удовлетворением, что не ошибся и все-таки прибыл вовремя.

– Венделл, ты, как всегда, опаздываешь, – сказали рядом по-английски с тяжелым немецким акцентом.

Флойд, заслышав такой знакомый голос, мгновенно обернулся.

– Грета? – спросил удивленно, будто это мог быть кто-то еще. – Я не ожидал...

– Я села на другой поезд и уже топчусь здесь полчаса. Наивно рассчитывала, что ты придешь раньше чем за минуту до указанного в расписании времени.

– А, так это не твой поезд подходит сейчас к перрону?

– Вижу, детективные способности не изменили тебе.

Грета выглядела воплощенной элегантностью. В одной руке длинный мундштук с сигаретой, другая на бедре. Черная шубка до колен, черные туфли, перчатки и чулки, широ-

кополая черная же шляпа, почти надвинутая на глаза, с черным пером за лентой и объемистый черный чемодан у ног. Ко всему – черные тени и помада.

Грета любила черный цвет. Оттого Флойду всегда было легко выбирать для нее подарки.

– Когда прибыло мое письмо?

– Получил сегодня после обеда.

– Я отсылала из Антиба в пятницу. Ты должен был получить самое позднее в понедельник.

– Мы с Кюстином были немного заняты.

– Ах, этот неподъемный багаж дел, – изрекла Грета и элегантно указала на черный чемодан. – Поможешь? Надеюсь, ты приехал на машине? Мне нужно к тетушке, и не хочется тратить на такси. Деньги немалые.

Флойд кивнул на призывный свет кафе «Ле тран блю», расположенное наверху, за коротким пролетом лестницы с железными перилами.

– Я на машине. Готов спорить: ты не ела весь день, пока ехала в поезде. Ведь так?

– Буду очень благодарна, если ты доставишь меня напрямик к тете.

Флойд нагнулся за чемоданом, припоминая письмо.

– Маргарита все еще живет на Монпарнасе?

– Да, – устало подтвердила Грета.

– В таком случае у нас есть время пропустить по рюмке. Сейчас на мостах жуткие пробки. Лучше уж переждать полчаса.

– Уверена, у тебя нашелся бы столь же чудесный предлог и в том случае, если бы тетя перебралась на эту сторону Сены.

Флойд улыбнулся и ступил на лестницу, неся чемодан:

– Как я понял, это «да»? Кстати, а что у тебя в багаже? Тяжелый.

– Простыни. Я уехала от тети много лет назад, и с тех пор в гостевой комнате никто не жил.

– Ты всегда можешь остановиться у меня.

Каблучок Греты звонко кликнул о камень ступени.

– То есть ты выкинешь Кюстина из его комнаты? Относишься к бедняге словно к мусору.

– Он не жалуется.

Грета толкнула двойные двери «Фиолетового попугая», застыла на мгновение у порога, словно ожидая, что ее сфотографируют. Внутри кафе – табачный дым, зеркала, роскошно расписанный потолок, Сикстинская капелла в миниатюре. Гарсон посмотрел на вошедших с усталой злобой, мотнул головой.

Флойд уселся за ближайший столик.

– Месье, два апельсиновых бренди, – сказал он по-французски. – Не беспокойтесь, мы ненадолго.

Гарсон пробормотал что-то под нос и отвернулся. Грета расположилась напротив Флойда, сняла перчатки и шляпу, уложила на цинковую поверхность стола. Затем раздавила окурочек в пепельнице и закрыла глаза – то ли из-за усталости, то ли просто решив: будь что будет. В кафе было светлее, чем на перроне, и Флойд понял: на лице Греты – не черные тени. Она не подкрашивала глаза.

– Извини, Флойд. Как видишь, я не в лучшем настроении.

Флойд постучал пальцем себе по носу:

– Да, мой детективный нюх не подводит.

– Но состояния он пока тебе не принес.

– Я все еще стерегу счастливый момент.

Наверное, она что-то расслышала в его голосе: проблеск надежды или ожидание. Грета с секунду глядела внимательно на Флойда, затем полезла в сумочку, достала сигарету и вставила в мундштук.

– Флойд, я вернулась не навсегда. Когда я говорила, что уеду из Парижа, я не шутила.

Гарсон принес бренди. Грохнул стаканами о стол, будто плохой шахматист фигурами о доску, сдавая партию.

– Я не думаю, что все изменилось так уж кардинально. Ты же писала, что будешь ухаживать за тетей, пока она болеет.

– Пока она не умерла, – поправила Грета, закуривая.

Гарсон мялся у стола. Флойд полез в карман рубашки за деньгами. Нашупал, как показалось, банкноту, бросил на стол. Оказалось, это фотография Сьюзен Уайт на скачках. Фото упало лицевой стороной вверх.

Грета затаилась и спросила:

– Твоя новая подружка? Надо отдать ей должное: красивая.

Флойд вернул фото в карман, расплатился с гарсоном и сказал:

– Она мертва.

– Ох, прости. А что такое?..

– Наше новое расследование. Несколько недель тому назад Сьюзен бросилась с балкона. С пятого этажа дома в Тринадцатом округе. Она была американка, а больше о ней мало что известно.

– Глухое дело?

– Возможно, – ответил Флойд, отхлебнув бренди. – Кстати, у меня нет.

– Чего нет?

– Кого. Новой подружки. Я не знался ни с кем с тех пор, как ты уехала. Можешь спросить Кюстина, он подтвердит.

– Сказала же: я не вернусь. Нет нужды давать обет безбрачия из-за меня.

– Но ты же вернулась!

– Ненадолго. Сомневаюсь, что я буду в Париже через неделю.

Флойд глянул сквозь запотевшее окно кафе на главный зал. В дальнем его конце уходил в ночь поезд. Флойд подумал, что такой же поезд увезет Грету на юг и больше он не увидит ее никогда. Останется лишь смотреть на ретушированные фото в музыкальных еженедельниках.

Молча допив бренди, они покинули «Фиолетовый попугай», прошли под ажурным куполом вокзала. Он пустовал, лишь горстка пассажиров ждала последний поезд. Флойд повел Грету к той же двери, через которую вошел с улицы на Северный вокзал. А приблизившись к ней, услышал злобные вопли.

– Флойд, что случилось? – испуганно спросила Грета.

– Подожди здесь.

Но она все равно пошла за ним. За углом они увидели резкую, неестественно четкую картину, будто вылепленную из света и тени: трое молодых людей без головных уборов стояли в угрожающих позах под фонарем. Все в безукоризненных, щеголеватых черных френчах, черные же галифе заправлены в надраенные до блеска черные сапоги. На земле сидел, привалившись спиной к фонарю, пойманный в круг света парень, давший Флойду листовку. На его лице блестела кровь. Разбитые, раздавленные очки лежали на тротуаре.

Он узнал Флойда, и на мгновение его лицо осветилось надеждой.

– Месье, помогите, пожалуйста...

Один из юнцов захохотал и пнул его в грудь. Парень захрипел, скрючился. Другой юнец повернулся. Тени скользили по его лицу, по неестественно острым скулам, бледным коротким волосикам, смазанным маслом и зачесанным назад, подбритым на висках и затылке.

– Проваливай! – посоветовал он, и в его руке что-то блеснуло.

Грета стиснула руку Флойда:

– Нужно что-то сделать!

– Слишком опасно, – ответил Флойд, пятась.

– Они убьют его!

– Уже убили бы, если бы хотели. Всего лишь хотят проучить.

Разносчик листовок попытался заговорить, но его прервал новый, хорошо нацеленный удар в грудь. Парень застонал и повалился на тротуар. Флойд шагнул вперед, жалея о том, что не взял с собой оружие. Юнец взмахнул ножом, медленно повел головой и процедил:

– Толстый, я же сказал тебе: проваливай!

Флойд отошел, чувствуя, как горят от стыда щеки. Он быстро повел Грету назад к вокзалу, направился к другой двери. Грета снова стиснула его руку – несильно, обыденно, будто они прогуливались в Тюильри воскресным вечером.

– Все нормально. Ты поступил правильно.

– Я никак не поступил. Просто удрал.

– «Никак» и было правильно. Они бы тебя зарезали. Я надеюсь, они оставят в конце концов того парня в покое.

– Он сам нарвался. Раздавать листовки прямо у вокзала... Додумался же.

– А что в листовках?

– Не знаю. Я свою выбросил.

Они подошли к «матису», оставленному в глухом переулке. Под дворником была листовка. Флойд расправил ее на лобовом стекле, пытаясь прочесть в тусклом свете умирающего фонаря. Эта листовка была напечатана на хорошей бумаге, не то что те, которые раздавал парень у вокзала, и с фотографией Шателье – гладкого и симпатичного, в военной форме. Президент убеждал друзей и соратников поддержать его, как прежде, а затем следовали слегка замаскированные нападки на меньшинства, включающие евреев, негров, гомосексуалистов и цыган.

Женщина выхватила листовку, пробежала глазами. Грету вырастила в Париже тетя-француженка, так что проблем с пониманием текста не было.

– Сейчас хуже, чем до моего отъезда. Тогда они не осмеливались говорить такое открыто.

– Теперь полиция на их стороне. Они могут говорить что заблагорассудится.

– Я не удивляюсь тому, что Кюстин ушел из полиции. Он всегда был слишком уж чистым для этой братии. – Грета поежилась – пробирал холод. – Кстати, а где он?

Флойд забрал листовку, шумно высморкался в нее и швырнул в кювет.

– Он сейчас занимается нашим маленьким расследованием.

– Ты что, серьезно?

– Думаешь, я выдумал про убийство?

– Я думала, что убийства – не совсем твой профиль.

– Теперь мой.

– Но если ее убили, отчего бы прежним коллегам Кюстина не выказать больше интереса? Не настолько же они заняты преследованием диссидентов.

Флойд открыл дверцу и положил чемодан на заднее сиденье.

– Если бы жертва была француженкой, полиция приложила бы больше усилий. Но она была американкой. Никакой ответственности. Они говорят, дело глухое, открыли и закрыли. Или девушка выпрыгнула сама, или упала по неосторожности. Перила на балконе нормальные, так что преступления здесь нет.

Он открыл дверцу для Греты, затем уселся за руль.

– А ты не считаешь, что так оно и есть?

– Я пока не решил, – ответил Флойд, включив зажигание.

Машина медленно и ворчливо ожила.

– Принимая во внимание все, что мы собрали до сих пор, я бы не исключал случайности или самоубийства. Но пара фактов не вписывается в картину.

– А кто платит за независимое расследование?

– Престарелый хозяин дома.

Флойд вырвали на улицу и повел к Сене и ближайшему мосту. Мимо проехало полицейское авто, направляющееся к вокзалу. Стражи порядка явно не спешили.

– Какое отношение хозяин имеет к делу?

– Ему нравилась Сьюзен. Он думает, что дело нечисто. Посмотри сама. – Держа одну руку на баранке, другой он вытащил из-под сиденья жестяную коробку и протянул Грете.

Женщина сняла перчатки, подцепила крышку.

– Это принадлежало погибшей девушке?

– Если хозяин не лжет, перед смертью она дала ему коробку на сохранение. Зачем так делать, если не опасаясь за свою жизнь?

– Кое-что тут на немецком, – заметила Грета, копаясь в бумагах.

– Потому я и попросил тебя взглянуть.

Она приладила на место крышку и поставила коробку на заднее сиденье, рядом с чемоданом.

– Я сейчас не могу. Слишком темно, и к тому же меня тошнит от чтения в машине. Особенно при твоём стиле вождения.

– Ничего страшного. Возьми коробку с собой, посмотри позже, когда будет время.

– Я приехала помочь тете, а не тебе с расследованием.

– Но ведь это займет всего несколько минут. Я заеду завтра, пообедаем вместе. Тогда и расскажешь.

– Флойд, надо отдать тебе должное, ты умеешь подкатывать.

Он попытался говорить так, будто идея возникла только что, а не была продумана заранее.

– Тут лежит что-то похожее на железнодорожный билет и деловое письмо от берлинской фабрики – кажется, металлургической. Интересно, какие основания у милой молодой леди Сьюзен Уайт иметь дело со сталелитейной компанией?

– Откуда ты знаешь, что эта Уайт – милая молодая леди?

– Они все милые, пока не доказано обратное, – ответил он, невинно улыбаясь.

Пока они ехали через три квартала, Грета молча глядела в окно, будто завороченная потоком света фар и габаритных огней.

– Флойд, я посмотрю бумаги. Но больше не обещаю ничего. Знаешь, у меня голова сейчас занята совсем другим.

– Жаль, что так вышло с твоей тетей, – произнес Флойд, пристраиваясь к очереди машин, выстроившейся перед мостом.

Флойд слегка обрадовался, видя, что высосанной из пальца новости о жутких пробках нашлось какое-никакое подтверждение. Впереди сломался грузовик. Шоферы яростно тыкали в блок цилиндров гаечным ключом. Вокруг собрались жандармы, изогнутые магазины дешевых автоматов блестели, будто ятаганы. Жандармы переминались с ноги на ногу и передавали друг другу раскуренную сигарету.

– Разные врачи дают ей от двух до восьми недель, – сказала вдруг Грета. – Но когда они хоть что-нибудь знали точно?

– Врачи стараются как могут.

Флойд не знал, что стряслось с тетушкой Греты, но какая, в общем-то, разница?

– Она не захотела в больницу. И решительно об этом сообщила. Видела, как мой дядя умирал в больнице в тридцать девятом. Сейчас у тети остались лишь ее дом и несколько недель жизни.

Стекло, куда смотрела Грета, запотело, и она ногтем провела тонкую линию.

– Я даже не знаю, жива ли она сейчас. Уже неделю никаких известий. Ей отключили телефон за неуплату.

– Надеюсь, ты застанешь ее живой. Если б я знал, выслал бы тебе билет на самолет.

Грета взглянула на него с жалостью:

– Флойд, ты бы и в самом деле попытался, правда?

– А твой джаз-банд? Они ведь могли собрать тебе денег на билет до Парижа?

Флойд успел продвинуть «матис» на три корпуса, прежде чем Грета ответила:

– У меня нет джаз-банда. Я ушла.

Он с трудом удержался от ликующего возгласа: «Я же тебе говорил!» И постарался держать ровный, спокойный тон:

– Как жаль! А почему не сложилось? Те ребята показались мне очень даже неплохими. Пустоголовые, но это для джазменов норма.

– Неплохие и пустоголовые. Хороший отзыв.

– Ну ты же знаешь, о чем я.

– С ними все нормально. Они хорошо ко мне относились, и тур проходил неплохо. Мы славно поработали в Ницце и уже получили пару неплохих приглашений из Канн.

– Так почему ты ушла?

– Однажды вечером я прозрела. Посмотрела на них и увидела: у них нет будущего. И у меня, если останусь с ними.

– Ты почувствовала то же самое насчет нас с Кюстином?

– Да, – ответила она, не промедлив ни мгновения.

Флойд провел машину мимо словавшегося грузовика и приложил руку к шляпе, когда жандарм качнул автоматом, веля остановиться.

– Что ж, по крайней мере, ты искренна.

– Искренность помогает в жизни.

Они заранее приготовили бумаги. Флойд наблюдал, как жандарм листает его документы. Тот вернул их с видом слегка недовольным, будто Флойд допустил мелкую оплошность и заслуживает выговора и предупреждения. Жандармы всегда так себя ведут. Наверное, это помогает коротать служебное время.

– Вот. – Грета протянула свой паспорт под носом у Флойда.

Жандарм изучил паспорт при свете ручного фонаря, хотел уже вернуть, но вдруг засомневался. Присмотрелся, послунывил палец и принялся рассматривать страницу за страницей, будто коллекцию редких марок или бабочек.

– Для немки вы чересчур разъездились, – проговорил он.

Его речь звучала коряво, неправильно.

– Для того и существует паспорт, – ответила Грета на безукоризненном, с парижским прононсом французском.

Флойд похолодел. Потянулся к колену Греты, осторожно сжал, сигналив: ради бога, помолчи!

– Рот вы разеваете чересчур, – указал жандарм.

– Удобное свойство – я ведь певица.

– Ну тогда бы и поучилась хорошим манерам, – ответил жандарм, демонстративно отдавая документ не ей, а Флойду. – Этот паспорт истекает в следующем году. При новом порядке трудненько будет получить новый. А особенно болтливым немкам. Так что научись вести себя прилично.

– Думаю, у меня не будет проблем с паспортом.

– Ну, посмотрим. – Жандарм кивнул коллеге и шлепнул ладонью по стойке окна. –
Поезжайте! И вправьте своей подружке мозги.

Флойд вздохнул с облегчением, только когда переехал Сену, оставив блокпост за мостом.

– Да... интересненько, – сказал он.

– Шуты, – обронила Грета.

– Да, шуты. Но и с ними надо уживаться! – рявкнул Флойд, нервно дергая рычаг переключения скоростей. – Кстати, а что ты имела в виду, когда сказала «не будет проблем с паспортом»?

– Да пустяки. К слову пришлось.

– Ты сказала так, будто это вовсе не пустяк для тебя.

– Флойд, веди машину. Я устала и вовсе не хочу выяснять отношения.

Он повернул к Монпарнасу. Пошел дождь – сперва легкая морось, чуть размывшая, смягчившая городские огни; затем хлынуло вовсю, заставив людей поспешно прятаться в ресторанах и барах. Флойд попытался отыскать музыку по радио. Прокручивая, поймал мимолетом Гершвина. Когда погнался стрелку в другую сторону, решив найти его снова, не обнаружил ничего, кроме треска статики.

Флойд поднялся по лестнице с чемоданом Греты, отнес его в пустующую комнату рядом с маленькой кухней на втором этаже тетиного дома. Там было холодно, пахло плесенью. Лампы или выдавали зыбкий, дрожащий свет, или не горели вообще. Как и сказала Грета, телефон не работал. Под ногами Флойда проседали доски пола, отсыревшие, начавшие гнить. Разбитое окно над лестницей было заделано куском гофрированной жести. Дождь барабанил по нему когтистыми нетерпеливыми пальцами.

– Положи мои вещи на кровать, – попросила Грета, указав на крошечную, похожую на скамью кушетку, втиснутую в угол комнаты. – А я пойду гляну, как там тетя Маргарита.

– Мне с тобой?

– Нет, – ответила она, немного подумав. – Но спасибо. Наверное, ей сейчас лучше видеть только знакомые лица.

– Я считал, что числюсь среди них.

Грета пристально посмотрела на него, но ничего не сказала.

– Я гляну, нет ли чего поесть, – предложил Флойд.

– Если не хочешь ждать – не надо.

Флойд положил ее вещи на кровать, рядом – коробку с бумагами Сьюзен Уайт.

– Я никуда не еду – по крайней мере, пока не раздождется.

В дом их впустила девушка, снимавшая маленькую комнату на четвертом этаже, – француженка по имени Софи, стенографистка, в очках с диоптриями и нервным, лающим смешком, неизменно заканчивающимся фырканьем. Флойд окрестил ее про себя Заготовкой Старой Девы и тут же, выслушав рассказ Греты про нее, обругал себя за хамство.

– Она ангел, – сказала Грета, когда Софи ушла. – Покупает еду, убирает, пишет письма, ведет все тетушкины дела и притом исправно платит за комнату. Но Софи предложили работу в Нанси, и дальше откладывать переезд она не может. Хорошо, что до сих пор не уехала.

– И что, у тети больше нет родственников, кроме тебя?

– Тех, кому она безразлична, – нет.

Пока Грета была у тети наверху, Софи показала Флойдку кухню. Металлические эмалированные шкафчики были в идеальной чистоте, как и все прочее, – но полки их большей частью пустовали. Оставив намерение перекусить, Флойд сделал себе чаю и пошел в ком-

нату Греты – ждать, глядя на трещины в штукатурке, на потеки и пятна, испещрившие полувековой давности обои. Откуда-то с другого конца старого дома доносились тихие голоса. А точнее, один голос, рассказывающий о чем-то.

Софи просунула голову в дверь и сообщила, что пойдет в кино с приятелем. Флойд пожелал ей всего наилучшего и послушал ее шаги по скрипучей лестнице. Входная дверь не грохнула, а слегка шелкнула – Софи притворила ее очень аккуратно.

Как мог тихо Флойд поднялся на следующий этаж. Дверь в спальню Маргариты была чуть приоткрыта, и голос Греты слышался лучше. Она читала вслух газету, сообщая тете последние новости парижской жизни. Флойд сделал еще шаг и застыл в ужасе, ступив на скрипучую половицу. Грета умолкла, затем перевернула страницу и продолжила чтение.

Флойд приблизился к двери и увидел сквозь щель: Грета сидела, заложив ногу за ногу, уложив на колено газету. За Гретой виднелась кровать. Тетя оказалась настолько исхудавшей, почти безжизненной, что постель выглядела совсем уж пустой. На ней всего пара бугорков и складок, словно ее заправили неаккуратно после сна. Лишь присмотревшись, можно было угадать под ворохом одеял очертания человеческой фигуры. Лица Маргариты из-за двери было не увидеть – его заслоняла спина Греты. Но виднелась рука – тонкая иссохшая веточка, выглядывающая из рукава ночной сорочки. Читая газету, Грета держала руку тети в своей, очень нежно и осторожно поглаживая ее пальцы. От этого у Флойда вдруг сжалось сердце, и второй раз за вечер ему стало стыдно.

Он отступил по коридору, избегая скрипучей половицы, и вернулся в комнату Греты. Нет, разве иссохшее существо на кровати может быть Маргаритой – живой, жизнерадостной женщиной, какую Флойд знал несколько лет тому назад? Прошло так мало времени. Разве могла она настолько измениться всего за год-другой?

Тетя заподозрила неладное, когда он принялся ухаживать за ее племянницей. И засомневалась еще сильнее, узнав, что он хочет затянуть ее в свой джаз-банд. Но потихоньку, со скрипом оба поняли друг друга, и прежний холод сменился странной дружбой. Часто, когда Грета отправлялась спать, Флойд играл в шашки с Маргаритой или говорил с ней о фильмах двадцатых и тридцатых – оба очень любили такие. В последние пару лет, а особенно когда Грета переехала на другой конец города, в свою квартиру, Флойд забыл о Маргарите. А сейчас жалость и досада затопили душу, словно собственная кровь вдруг вся превратилась в яд и начала жечь изнутри.

Желая отвлечься, он снова открыл жестянку с документами и осмотрел открытку, где были аккуратно подчеркнуты слова «серебряный» и «дождь». Если настоящим посланием и был «серебряный дождь» – хотя это ни из чего не следует, – что же он значит для адресата, для таинственного Калискана?

Флойд отложил открытку, когда в комнату вошла Грета.

– Я же сказала тебе: не жди.

– Дождь еще не кончился. И я решил снова пройтись по этим бумагам.

Он заглянул Грете в лицо – измученное, заплаканное.

– Как она?

– Еще жива, а это уже что-то.

Флойд вежливо улыбнулся и подумал, что, наверное, самым милосердным для всех было бы, если бы несчастная женщина умерла до приезда Греты.

– Я заварю чаю. Чайник еще горячий.

– Ты не против, если я вместо чая покурю?

– Да, пожалуйста, – ответил он, кладя открытку назад в коробку.

Грета закурила и с минуту молча тянула дым.

– Врачи называют ее болезнью обструкцией дыхательных путей, – сказала она наконец, затем затянулась еще раз и добавила: – Они имеют в виду рак легких, хотя прямо не скажут

никогда. Утверждают, что ей уже никто не поможет. Вопрос лишь в том, сколько тете осталось жить. – Грета невесело рассмеялась. – Она говорит, это мечь всех выкуренных сигарет. Просила меня бросить курение. Я ответила, что уже бросила ради голоса.

– Думаю, тут можно себе позволить немножко лжи во благо.

– Может оказаться, что рак совсем не от сигарет. Двадцать лет назад ее отрядили работать на оружейную фабрику. И многие женщины ее возраста серьезно пострадали из-за асбеста.

– Да, с ним было много проблем.

– Софи вчера говорила с врачами. Они дают неделю, максимум десять дней.

Флойд положил ладонь на ее руку, сжал:

– Прости. Я и не представляю, каково тебе. Если чем-то могу помочь...

– Здесь никто никому не способен помочь, – тоскливо сказала Грета и затаилась. –

В том-то и беда. Каждое утро приходит доктор, чтобы сделать укол морфина. Это все, на что их хватает.

Флойд обвел взглядом унылую комнатку:

– Думаешь, тебе будет уютно? Мне кажется, ты не в том состоянии, чтобы оставаться здесь. Если пожелаешь тете доброй ночи и вернешься поутру, она и не заметит...

– Я остаюсь, – перебила его Грета. – Я сказала ей, что буду здесь.

– Я только предложил...

– Знаю. И не хочу показаться неблагодарной. Но даже если бы я не обещала тете остаться, усложнять себе жизнь я не хочу. Не то время.

– То есть я считаюсь усложнением жизни?

– Прямо сейчас – да.

Не желая начинать сцену, стараясь не выказать раздражения, Флойд спросил:

– Грета, наверное, для того письма была причина? Ведь ты хотела не только такси от вокзала до Монпарнаса?

– Наверное.

– И что же это за причина? Она как-то связана с твоими странными намеками на блокпосте у моста через Сену?

– Ты заметил?

– Как тут не заметишь.

Грета усмехнулась – видимо, вспомнила, как говорила с наглым жандармом. Мелкая, бессмысленная дерзость. Но было приятно.

– Он сказал, что у говорливых немков могут быть сложности с паспортами. Я не сомневаюсь, что он прав. Но не в отношении меня.

– Почему?

– Потому что меня здесь не будет. Я сяду на летающую лодку до Америки, как только решится с тетушкой.

– Америка? – повторил Флойд недоверчиво, будто не расслышал.

– Я знала, что у вас с Кюстином нет будущего. Потому и уехала из Парижа. Но не рассчитывала, что так будет и с другим джаз-бандом.

Грета потеряла глаза. Может, прогоняла сон?

– Однажды мы давали концерт в Ницце. Он получился на славу, и после мы сидели в баре, принимали угощения от благодарных слушателей.

– Если так – поздравляю с отличной работой! Мы с Кюстином обычно из кожи вон лезем, чтобы не встречаться с народом после шоу.

Грета покачала головой:

– Флойд, ты всегда стараешься принизить себя. Всегда цепляешься за прошлое, наслаждаешься своим комплексом неполноценности. Стоит ли удивляться, что у тебя дела совсем швах?

– Ну так что в баре?

– Там был один тип, толстый американец в скверном костюме, со скверной прической, но при толстенном бумажнике.

– Да, есть способы компенсировать уродство. Кто он?

– Поначалу не говорил. Сказал, что пришвартовал свою посудину в Каннах и решил проветриться в Париже. Еще сказал, что ему понравился джаз-банд, а потом намекнул, что нам стоит идти в ногу со временем, если хотим продвинуться наверх. То есть мы хорошо работаем, но по старинке.

– Я тоже часто слышу такое.

– В тот вечер он нас угостил щедро. И ты в курсе, как бывает с джазменами: пара часов, и уже не понимаешь, на какой ты планете, а в каком клубе – и подавно. В общем, разобравшись с парнями, толстяк сосредоточился на мне. Сказал, что он продюсер на телевидении.

– Телевидение, – повторил Флойд, будто смутно вспоминая что-то услышанное однажды и случайно.

– В Америке оно куда больше, чем здесь, и разрастается с каждым годом. Там считают, что если человек может купить новое авто, купит и телевизор.

– Вряд ли телевизор станет популярным.

– Может, и не станет. Но суть в том, что я хочу попробовать, выяснить, могу ли справиться. Толстяк говорил, там отчаянно не хватает новых талантов.

Грета вынула из жакетного кармана визитку, отпечатанную на хорошем картоне, с именем, адресом и парой тисненых пальм.

Флойд несколько секунд ее разглядывал, затем вернул.

– С чего бы им приглашать немку?

– Я говорю по-английски. К тому же он сказал, новинки особенно популярны.

– Тебя используют. Выжмут досуха и бросят.

– Тебе это доподлинно известно, правда?

– Просто я реалист, – пожал плечами Флойд.

– Так пусть меня выжмут досуха. Это лучше, чем медленная смерть в забытом джаз-банде, играющем музыку, которую никто больше не хочет слушать.

– Умеешь ты соль на раны сыпать.

– Слушай, я уже все решила. Собрала деньги на билет. На всю авантюру два года. Если не получится, то я, может быть, возвращусь в Европу.

– Прошлого будет не вернуть.

– Конечно. Но я все равно хочу попробовать. Чтобы через полвека, лежа на кровати в сырой развалине где-нибудь в Париже, не думать, как могла повернуться жизнь, если бы я ухватилась за выпавший шанс.

– Я понимаю. Поверь, понимаю по-настоящему. Твоя жизнь – это твоя жизнь, у меня нет никаких прав влиять на твой выбор. Но я решительно не понимаю, зачем ты мне все это рассказываешь. И ты до сих пор не ответила на мой вопрос: зачем послала мне письмо?

– Предлагаю тебе шанс уехать со мной. В Америку, Флойд, в Голливуд. Вдвоем.

Он подумал, что, наверное, в глубине души угадал, к чему клонит Грета, когда она в первый раз упомянула Америку.

– С таким не шутят, – буркнул он.

– Я не шучу.

– Знаю. Это чувствуется. Спасибо, что предложила. – И он добавил тихо, беспомощно: – Я вряд ли заслуживаю второго шанса.

– Как видишь, у тебя он есть. И я очень серьезно намерена уехать, как только закончу здесь печальные дела.

То есть когда ее тетя умрет.

Флойд не осмеливался даже подумать о последствиях, не позволял себе поддаться искушению. Поехать с ней... А что же будет с жизнью, которая у него сложилась в Париже?

– Как насчет такого расклада: я с тобой не поеду, но отправлюсь следом в самом скором будущем? – предложил Флойд. – Мы же пока работаем, расследуем убийство. А когда закончим, нужно будет уладить кучу дел. Я не могу завязать со всем сразу за пару недель.

– Я хочу, чтобы ты поехал со мной. Меня не устроит туманное обещание улететь следом, когда соберешь деньги. Я тебя знаю. Ты провозишься полдесятка лет, собирая.

– Мне нужен хоть какой простор для маневра.

– В этом и беда. Тебе всегда нужен простор для маневра. Если требуются деньги, у меня есть. На билет не хватит, но ты можешь продать машину и все, что не увезти с собой.

– И как скоро после... Ну, я имею в виду ее... – Флойд смешался и умолк, не в силах выговорить остальное. – Ты говорила, от недели до десяти дней?

– Мне понадобится неделя на похороны. То есть у тебя две недели. Может, чуть больше.

– Но ведь Кюстин...

– Передай дело ему. Видит бог, он работал достаточно, заслужил.

Флойд понял, что она уже продумала все. Представил, как Грета по пути с юга размышляла, представляла его реакцию. Он и разозлился, и обрадовался одновременно. Столько внимания, заботы – и с какой стати? В качестве милостыни?

– И почему же ты решила дать мне второй шанс?

– Потому что часть меня еще тебя любит. Любит того, кем ты мог бы стать, если бы не застрял в прошлом. Флойд, ты хороший человек, я знаю. Но тут у тебя нет будущего, и если я останусь с тобой, то и сама лишусь будущего. В Америке все может быть по-другому.

– Это правда? Ты по-прежнему меня любишь?

– Если бы ты не чувствовал того же ко мне, не приехал бы на вокзал. Как будто письмо опоздало или не дошло.

– Я мог и не приехать, – признался Флойд.

– Тогда почему приехал? Думаю, по той же причине, по которой я написала тебе. Мы мучим друг друга, пока вместе – но мучимся горше, когда разлучены. Флойд, я хотела тебя забыть. И обманывала себя, убеждала, что забыла. Но мне не хватило сил поверить в это.

– Значит, ты не в силах забыть меня, но бросишь, если я не поеду с тобой в Америку?

– Это единственный способ. Мы или вместе, или на разных континентах.

– Мне нужно время подумать.

– Я уже сказала: у тебя две недели. Разве мало?

– Неделя или год – разница невелика.

– Так не терзайся выбором, – сказала Грета. Она прильнула к нему, крепко сжала руку, уткнулась головой в плечо. – Я выросла в этой комнате. Она была центром моей вселенной. Поверить сейчас не могу, насколько она маленькая и темная. И насколько взрослой, необратимо взрослой стала я. – Она сжала его руку еще крепче. – Флойд, я была счастлива здесь, счастлива, как любая парижская девчонка. Вся жизнь была впереди, а теперь я вернулась, и впереди видится куда меньше прежнего.

– Время умеет разочаровывать, – тихо произнес Флойд. – Взрослеем и все больше оставляем за спиной.

Она придвинулась ближе, и он вдохнул запах ее волос. Не шампунь, с которым она мылась в последний раз, а скопившееся за долгое, трудное путешествие: табак, пыль, запахи попутчиков и где-то далеко, под слоями чужого, – аромат Парижа.

– Флойд, я бы очень хотела, чтобы случилось иначе. Чтобы был другой способ, другой путь. Но после ее смерти я не останусь в этом городе ни на одну лишнюю минуту. Здесь будет слишком много призраков прошлого, и я не позволю, чтобы они меня мучили до конца моих дней.

– Да, не стоит. Ты правильно решила. Поезжай в Америку. У тебя все получится.

– Я-то обязательно поеду. Но не буду счастлива, если ты не поедешь со мной. Флойд, ты подумай хорошенько, пожалуйста. Подумай так, как ни о чем не думал в своей жизни. Это может быть настолько же твоим шансом, насколько и моим.

– Я подумаю. Только не жди ответа до утра.

«А не заняться ли с нею любовью?» – спросил себя Флойд. Он думал об этом с тех пор, как открыл ее письмо. Конечно, если бы он попытался, она бы позволила. Но Флойд не сомневался: по-настоящему она хочет просто сидеть вот так, прижавшись к нему, забывшись в объятиях, пока, утомленная до предела и физически и душевно, не соскользнет в забытье. Она что-то бормотала по-немецки, упрекала, просила о чем-то важном, а может, вовсе бессмысленном. Потом затихла.

В три ночи он уложил Грету на постель, накрыл одеялом и вышел в дождь, оставив любимую женщину одну в пустой комнате ее детства.

Глава 6

Пребывание в одной комнате с Калисканом казалось неловким и неприличным, будто Ожье угодила в липкую, мерзкую ловушку. Калискан был очень худ. Ухоженные серебристые волосы аккуратно зачесаны назад, спадают до плеч. Аристократический лоб, излюбленный костюм из шелка и бархата, длиннополый сюртук вычурен, нарочито анахроничен. Круглые очки с подсиненными стеклами похожи на совиные глаза. За разговором он часто смеживал веки, словно прислушиваясь к далекой, очень тихой мелодии, и когда двигался, голова чуть запаздывала, будто привязанная к определенной точке пространства и времени.

– Вы не против, если я еще немного поиграю? Обнаружил, что упражнение для мизинца удивительнейшим образом помогает сосредоточиться.

– Это же говорят и про наблюдение за казнью.

– Верити, садитесь.

Она присела на шезлонг, на зеленый простеганный бархат. Наверное, этот шезлонг – аутентичная вещь, какой и кажется. И стоит безумных денег.

Перед шезлонгом стоял кофейный столик, а на нем плоский квадратный предмет. Сверху его украшал причудливый напечатанный рисунок. Когда Калискан возобновил игру, Ожье подняла предмет, рассмотрела и узнала картон, древесно-целлюлозную массу. Это же конверт для грампластины! Внутри что-то лежало. Ожье наклонила конверт, позволив содержимому высунуться. Это оказался тонкий черный диск, сделанный из тяжелого материала, похожего на пластик, с выгравированным на обеих сторонах сложным спиральным узором.

Такие диски выпускали миллионами между Первой и Второй мировыми войнами. Их прессовали из шеллака – насколько помнила Ожье, это была натуральная смола, производимая насекомыми. В спиральном узоре кодировался звук, считывала его игла с алмазным острием, когда пластинка вращалась, делая несколько десятков оборотов за минуту. Проигрывание постепенно ухудшало качество звука, поскольку игла стирала дорожки и внедряла в них частицы пыли. Даже оригинальную запись получали чередой аналоговых процессов, каждый из которых вносил в звук случайные помехи.

Но это же была настоящая аналоговая запись, артефакт огромного исторического значения! Запись, хранящуюся в уязвимой компьютерной памяти, можно стереть или модифицировать, искусно скрыв следы вмешательства. Запись на шеллаковом диске можно с легкостью уничтожить – но изменить нельзя. Подделать ее крайне трудно из-за сложного химического состава пластинки и конверта. И потому, когда находились подобные вещи, они расценивались как абсолютно достоверные – окна в историческое прошлое, до Нанокоста, до Забвения.

Ожье изучила диск. На надписи значилось, что он содержит музыку «Das Lied von der Erde»¹ композитора Малера. Ожье мало знала о композиторах вообще и о Малере в частности. Помнила лишь, что он умер задолго до начала интересующего ее периода.

Калискан прекратил играть и вернул скрипку и смычок в футляр.

– Интересно? – спросил он, заметив, как увлеченно Ожье рассматривает пластинку.

Верити сунула хрупкий черный диск в конверт, положила на столик.

– Вы играли Малера?

– Нет. Это было кое-что из Баха. «Шестой Бранденбургский концерт» как он есть. В отличие от Малера, ни оригинальные ноты, ни звукозаписи не были утеряны.

– Но ведь это Малер? – тронула конверт Ожье.

---

¹ «Песнь о Земле» (нем.).

– Да. Но до самого недавнего времени мы не могли найти эту запись. Теперь, когда она у нас есть, кое-кто кое-где пытается путем реверсивной инженерии восстановить оригинал. По-моему, напрасная работа. Больше шансов наткнуться на более-менее целые пластинки.

Ожье встревожилась, заподозрив, что ее проверяют или заманивают в ловушку.

– Постойте. Я кое-чего не понимаю. Вы сказали, что эта музыка была полностью утрачена.

– Да.

– И вот у вас целая и невредимая запись.

– Да. И это весьма отраднo. Пластинку, лежащую перед вами, наши добыли в Париже всего пару недель назад.

– Мне это кажется маловероятным, – осторожно проговорила Верити, не желая прямо обвинять во лжи. – Ничего крупнее булавочной головки не выйдет из Парижа так, чтобы я не узнала об этом. Если бы нашлось нечто столь значительное, мне бы обязательно сообщили. А скорее всего, эту пластинку нашла бы именно я.

– Эту пластинку вы пропустили. Сказать вам нечто чрезвычайно важное?

– Почему бы и нет?

– Это оригинал, а не копия. Перед вами аутентичный диск в первоизданном виде. Никакой реставрации.

– Это мне тоже кажется чрезвычайно маловероятным. Сама пластинка могла пережить триста-четырееста лет почти без повреждений, но не конверт.

Калискан вернулся за свой гигантский стол, рядом с которым казался мальчишкой, забравшимся в отцовский кабинет. Он сцепил пальцы, глянул поверх них по-совиному:

– Продолжайте, я слушаю.

– Бумага столько не существует, особенно бумага того времени, сделанная из древесной массы. Смешно, но бумага более раннего периода, из хлопчатобумажной массы, сохраняется гораздо лучше. Хотя ее не так легко отбелить. Бумагу из древесной массы отбеливали квасцами, а они гидролизировались со временем и давали серную кислоту.

– Плохо.

– Очень. И в чернилах содержались металлические соли, приводившие со временем к деградации. Клей высыхал, наклейки на пластинке отставали, конверт распадался по швам. Краски тускнели. Лак на картоне становился коричневым и трескался. – Ожье снова взяла конверт и внимательно осмотрела, уверенная, что не замечает важного. – Правильными методами можно исправить большинство таких повреждений. Но результаты все равно необыкновенно хрупки и слишком ценны, чтобы обращаться с ними вот так запросто. А эта пластинка определенно не реставрировалась.

– Как я вам и говорил.

– Хорошо. Значит, она провела триста с лишним лет в вакуумной камере или в другом подобном месте, обеспечивающем сохранность. Кто-то принял специальные меры, чтобы ее сохранить.

– Никто никаких мер не принимал. Пластинка в таком виде, в каком ее нашли. Вопрос: если вы заподозрили фальшивку, как проверите?

– Недавняя подделка? – Ожье пожалла плечами. – Есть много способов. Например, химический анализ шеллака – хотя я бы, конечно, и пальцем к диску не притронулась до тех пор, пока не сделаю лазерное сканирование дорожек и не запишу информацию на магнитную ленту.

– Методологически звучит здраво. Что еще?

– Я провела бы радиоуглеродный анализ волокон целлюлозы в картоне.

Калискан задумчиво потер нос:

– Он сомнителен для объектов возрастом всего триста-четырееста лет.

– Но возможен. Мы в последнее время существенно уточнили калибрационные кривые. И я ведь не устанавливаю точный возраст, а лишь пытаюсь доказать, что конверт – не свежая подделка.

– И какого вывода вы ожидаете?

– Я не хочу предсказывать, не видя результатов анализов, но, скорее всего, это умелая подделка, сколь бы надежным ни объявлялось ее происхождение.

– В некотором смысле вы правы. Обычные тесты, несомненно, показали бы, что пластинка изготовлена недавно.

Ожье слегка растерялась и смутилась, словно ей сообщили что-то очень важное, рассчитывая обрадовать, и она послушно обрадовалась, не понимая, в чем дело.

– Сэр, а почему?

– Потому что она и в самом деле изготовлена недавно. Но тем не менее эта запись – настоящий, неподдельный Малер.

– Остается лишь поверить вам на слово.

– Скажите, вы скучаете по музыке?

– Сэр, я не могу скучать по тому, чего никогда не знала.

– Но вы ведь не знали и дождя. Настоящего, падающего с настоящего неба.

– Это другое, – проворчала она, уязвленная тем, как много Калискан знает про нее. – Сэр, а можно спросить, к чему все это? Что вы делаете здесь, так далеко от Бюро древностей? Зачем тянули меня на другой конец Заросли?

– Верити, осторожнее со словами.

– У меня есть право знать!

– У вас нет права знать. Ни малейшего. Однако, поскольку я сегодня щедр... Вы слышали о Бюро чрезвычайных ситуаций?

– Да. И мне известно, что его не существует.

– Оно существует. Уж я-то знаю, поскольку я – его глава.

– Нет, сэр. Вы же глава Бюро древностей!

– И его тоже. Но мое отнюдь не карьерное назначение на пост начальника Бюро древностей – всего лишь дань необходимости. Два года назад в наши руки попало кое-что экстраординарное. находка... – Тут он запнулся, затем поправился: – Две находки потрясающего стратегического значения. Эта пара может полностью изменить наши отношения с Полисами. Не исключено, что они изменят даже самое представление о реальности.

– Я не люблю прогров. В особенности после того, что произошло в Париже.

– Не лучше ли оставить прошлое за спиной?

– Сэр, вам хорошо говорить. Вас не тронул вирус «А-музыка». У вас не отняли способность воспринимать мелодию.

– Нет. Вирус «А-музыка» не тронул меня – как не трогал в среднем одного из тысячи. Но я потерял гораздо большее.

– Правда?

– Когда мы пытались вернуть Фобос, на финальной стадии операции я потерял брата. Он погиб в бою с програми. Если у кого и есть право ненавидеть их, так это у меня.

Верити не знала, что у Калискана был брат, и уж тем более не могла знать, что он погиб в последней войне.

– Сэр, вы ненавидите их?

– Нет. Я рассматриваю Полисы как средство, пригодное для использования в подходящих обстоятельствах.

Кажется, разговор принимает крайне интересный оборот. Заслуживающий усиленного внимания.

– А какая тут связь с Бюро древностей? – спросила она.

– Очень важная. Когда стала ясна природа второго открытия, мы поняли: с Бюро древностей надо работать вплотную. Простейшим решением было заменить Дефорреста собой и контролировать всю активность, связанную с Землей.

– Я всегда говорила, что ваше назначение – политическое.

– Но не в том смысле, какой вы подразумевали.

В его подсиненных стеклах отразился свет, и они засияли, будто окна в ясное небо.

– А сейчас я хотел бы расспросить вас о картах.

Она вздрогнула, осознав, что постоянно находилась под наблюдением. Конечно, стоило догадаться раньше.

– Так это вы их посылали? Бессмысленная проверка, как и пластинка Малера?

Отчего-то ее раздражение позабавило Калискана.

– Меня предупреждали, что вы такая.

– Какая?

– Высказывающая прямо то, что у вас на уме. По личному опыту я уже знаю, что вы мало уважаете власть. – Он усмехнулся и сказал уже не столь резко: – Меня также предупреждали, что вы очень наблюдательны. Так скажите же, что вы думаете о картах.

Ожье почувствовала, что от ее ответа зависит очень многое. Гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Разом пересохло в горле. И что стало с бойким языком?

– Я просмотрела лишь одну, и в ней есть кое-что, не очень совмещающееся со здравым смыслом.

– Что же?

– Судя по выходным данным, карту отпечатали за век до Нанокоста – но она в прекрасном состоянии. Как и эта пластинка Малера.

– Время изготовления карты не показалось вам странным, заслуживающим особого внимания?

– Странным – нет. Заслуживающим внимания? Разве что из-за принадлежности к периоду, интересующему меня. Хотя эта дата у самой его границы.

– Только из-за этого?

– Да. Я неплохо изучила Париж Века Забвения, до года две тысячи семьдесят седьмого. Тысяча девятьсот пятьдесят девятый для меня – эпоха смутная. Не то чтобы я совсем ничего о том периоде не знала, но просто куда хуже с ним знакома, чем с последними десятилетиями перед Нанокостом.

Калискан сдвинул пальцем очки на середину носа:

– Предположим, я захотел бы поговорить с признанным экспертом по тому периоду. Поскольку ваши академические связи довольно-таки обширны, не могли бы вы предложить подходящую кандидатуру?

Ожье поразмышляла несколько секунд.

– Уайт. Сьюзен Уайт. Уверена, вы знакомы с ее работами. Она написала прошлогодний отчет по раскопкам Евродиснейленда.

– Вы хорошо ее знаете?

– Не очень. Мы обменялись несколькими письмами, разговаривали на конференциях. Я рецензировала ее статьи, она, наверное, мои.

– Вы считаете ее соперницей?

– Мы конкурировали за финансирование. Но это не значит, что мы при встрече выцарапали бы друг другу глаза.

Чувствуя, что Калискан теряет интерес, Верити поспешно добавила:

– Конечно, если хотите, я могу свести вас с ней.

– Мы уже связывались с ней.

Ожье пожала плечами:

– И зачем тогда вам я?

– С Уайт проблемы. Потому мы и обратились к вам.

– Что за проблемы?

– Боюсь, я не могу рассказать. – Он хлопнул в ладоши, развел руками. – Но у нас возникла нужда в замене. И в нашем списке вы под вторым номером. Не обижайтесь, но Верити Ожье у нас всегда значилась как номер два. Правда, с отличнейшими рекомендациями.

Калискан посмотрел на стол, вынул из чернильницы массивное черное перо и принялся царапать им по очень качественной бумаге в раскрытой толстой тетради.

– И это все?

Он спросил, не отрываясь от письма:

– А на что еще вы рассчитывали?

– Я думала...

– Что вы думали?

– Я не прошла испытания? Не показала того, чего вы ожидали от меня?

Перо Калискана замерло.

– Простите?

– Я должна была заметить кое-что на карте, – решила наконец рискнуть Ожье. Сказала – и тут же волной нахлынуло ощущение правоты, все детали головоломки встали на свои места. – Так вот, я заметила. Но не поняла, как надо это расценивать.

– Продолжайте. – Калискан макнул перо в чернила.

– Даже для пятьдесят девятого года эта карта выглядит бессмыслицей. Это похоже на схему Парижа двадцатых или тридцатых, но зачем-то подправленную и с датой на тридцать лет позже.

– Почему у вас сложилось такое мнение?

– Названия улиц. Нет Рузвельта, Шарля де Голля, Черчилля. Будто и не было Второй мировой.

Калискан захлопнул и отодвинул тетрадь.

– Я очень рад слышать ваши слова. А то уже было подумал, что вы не очень пригодны для работы.

– Для какой работы?

Из ящика стола Калискан достал билет с украшением в стиле ар-деко – крылатым конем, эмблемой «Пегас интерсолар».

– Мне нужно, чтобы вы полетели на Марс. Наша собственность попала в чужие руки. Нужно вернуть ее.

Корабль назывался «Твентис сенчери лимитед». Ожье рассматривала в иллюминаторы его, висящего у причала, по частям, пока ее вели на борт от одного шлюза к другому. Целиком окинуть взглядом лайнер не получалось. По меркам ретров корабль был огромен, семьсот метров длиной, и мог увезти город.

Но вез он лишь горстку пассажиров. В Солнечной системе росла напряженность, люди не летали на Марс без крайней надобности. Пока конфликтовали между собой только фракции прогров, но уже два корабля СШБВ случайно попали под огонь. Погибли люди, причем гражданские. Потому СШБВ законсервировали далекие форпосты, а несколько компаний, занимавшихся перевозками внутри системы, объявили себя банкротами.

Допив заказанный напиток в обзорной галерее, понаблюдав за тем, как уменьшаются с расстоянием Земля и Заросль, Верити глянула на часы, узнала местное время и направилась к своей каюте. Ожье открыла дверь, потянулась к выключателю – и поняла вдруг, что свет уже включен и в каюте кто-то есть. Она отдернулась, подумав, что ошиблась дверью, но узнала свой багаж и плащ на краю кровати.

В ее комнате на койке сидели два агента Бюро безопасности, уже встреченные в Заросли, – Рингстед и Молинелла. Оба по-прежнему были в костюмах, хотя и не столь строгих, как в прошлый раз. Они вполне сошли бы за пару местных молодоженов, немного зажатых, чопорных и церемонных.

– Верити Ожье? – спросила Рингстед.

– Да ради бога, бросьте! Вы знаете, кто я.

– Проверь ее! – приказала Рингстед.

Молинелла встал, вытащил похожий на авторучку предмет. Не успела Ожье и глазом моргнуть, как агент припер ее к двери, раздвинул пальцами веко и нацелил авторучку в глаз. Сетчатку окатило ярким сине-зеленым светом, голову пронзила боль.

– Она, – подтвердил Молинелла, отпуская Ожье.

– Да вы же прекрасно знаете, – произнесла Верити, трясая головой, пытаясь избавиться от зеленой пелены, повисшей перед глазами. – Мы уже встречались. Неужели не помните?

– Садитесь! – приказал Молинелла. – Вы должны узнать многое.

– Да перестаньте! Мы только что покинули порт. До Марса еще пять дней.

– Пяти дней не хватило бы, даже если бы мы располагали ими, – изрек агент, глядя на Ожье с бесстрастностью манекена. – Наше время драгоценно. По соображениям безопасности ваш инструктаж должен завершиться сегодня.

– А разве вы не полетите на этом корабле до Марса?

– Полетим, – подтвердила Рингстед. – Как вам, несомненно, уже объяснил Калискан, прогры возьмут этот корабль под наблюдение. Они проверяют все дальние коммуникации ретров. Мы не можем высаживать или принимать пассажиров на борт в середине полета, не привлекая внимания, – а его мы привлекать не хотим. Совсем.

– Хорошо. Так в чем причина спешки?

– Дверь закрыта? – спросила Рингстед, заглядывая Ожье через плечо. – Отлично! Пододвиньте стул и сядьте.

– Прежде всего я должен кое-что показать вам, – сообщил Молинелла.

Он вынул из того же кармана, где была ручка, матово-черный цилиндр, похожий на сигарный футляр. Свинтил крышку и вынул шприц, заполненный ярко-зеленой жидкостью.

– Ожидая корабль, вы ели и пили в секции Бюро по чрезвычайным ситуациям, находящейся в ведении Калискана, – сообщила Рингстед.

– Я в курсе, – хмыкнула Ожье.

– Вы не знаете того, что в питье и пищу были добавлены безвредные химические маркеры. Они проникли в ваш мозг и вошли в контакт с новыми невральными структурами, а проще говоря, со всеми новыми воспоминаниями, в частности с воспоминаниями о визите к Калискану.

– Состав в этом шприце реагирует с маркерами, заставляя их разрушать невральные структуры, – добавил Молинелла. – Это не причинит существенного вреда организму, но вы не вспомните ничего из сообщенного Калисканом – и ничего из того, что собираемся сообщить мы. Вы вообще напрочь забудете последние несколько дней. Конечно, мы используем состав лишь при крайней необходимости.

– И если я не справлюсь или просто буду слишком действовать вам на нервы, то проснусь с дырой в памяти?

– Что не слишком поможет вам на трибунале, – заметил Молинелла. – Но будем надеяться, что до этого не дойдет. Ведь правда, ни к чему такие крайности?

– Не то слово, – согласилась Ожье с преувеличенной вежливостью. – Но вы пока не сказали, зачем нужно слушать вас, причем именно сейчас.

– Причина в том, что через день вы останетесь единственным человеком на корабле, кто будет помнить нашу беседу, – терпеливо объяснил Молиелла. – И это не значит, что мы с агентом Рингстед покинем корабль.

Агент вложил шприц в футляр и вернул в карман, затем легонько его погладил.

– Если после инструктажа вы заметите нас среди пассажиров, считайте просто случайными попутчиками. Расспрашивать будет бессмысленно, мы ничего не вспомним о вас и об этом разговоре. Ровным счетом ничего.

– Мы начнем с основного, – сказала Рингстед. – Агент Молиелла, пожалуйста, свет. Тот встал и выключил свет.

– Стало очень уютно и интимно, – заметила Ожье – и тут же на стене появилось пятно света.

Верити проследила откуда – оказалось, из кольца с рубином на пальце Молиеллы.

Пятно света превратилось в рисунок, который Верити приняла за эмблему Бюро безопасности. Рисунок сопровождался предупреждением, что последующие сведения находятся на уровне секретности столь высоком, что заглядывать туда – это без малого подписывать себе смертный приговор.

– Наверное, мне сейчас потребуется оставить автограф в какой-нибудь бумажке? – осведомилась Ожье.

Агенты переглянулись и рассмеялись.

– Лучше смотрите, – сказала женщина. – Оставьте вопросы на потом.

Эмблема исчезла, сменившись изображением Млечного Пути, вид сверху.

Затем на него лег портрет мужчины в сером костюме с красным обшлагом. Мужчина выглядел спортивно, мышцы распирали ткань. Он казался очень красивым и самоуверенным. Ожье узнала его сразу – и вздрогнула.

Это был Питер.

– Привет, Верити, – ожил портрет и добавил, смущенно разводя руки: – Полагаю, ты слегка удивлена. Я могу лишь извиниться за секретность и понадеяться, что ты простишь меня – да и всех нас – за необходимые предосторожности и дезинформацию.

Она уже открыла рот, но Питер предостерегающе поднял руку и понимающе улыбнулся.

– Пожалуйста, помолчи сейчас, – сказал он. – Лучше выслушай меня внимательно и заполни пробелы сама. А я постараюсь не упустить ничего критически важного.

– Питер, да что это? – пробормотала она, не в силах сдержаться.

Человек на стене никак не отреагировал на ее слова.

– Давай сначала разберемся с очевидным. Во-первых, все, что ты знаешь обо мне, – верно. Я на дипломатической службе, недавно вернулся из долгого тура по Полисам, причем побывал и в гиперсети. Это сведения для широкой публики, и они верны. Но есть и еще кое-что. Я выступал также и в роли тайного агента, собирал сведения, играя роль сладкоголового пустоголового дипломата.

Он улыбнулся, предчувствуя реакцию бывшей жены на эту новость.

– Надо сказать, весьма рисковал – и собой, и нашими друзьями среди прогров. Дела оборачиваются очень серьезно, и шпионов там не жалуют. В нынешней ситуации, боюсь, мои услуги уже не нужны. И это досадно. Надо сказать, мне понравилось шпионить.

Хорошо поставленный, актерский голос Питера, казалось, исходил из глубины каюты, а не из перстня-проектора.

– Думаю, пора переходить к сути. И суть, как о том можно догадаться, – это гиперсеть.

Петер развернулся и махнул рукой над Млечным Путем, словно фермер, сеющий зерно. На рисунке появилась яркая сеть линий, пересекающих спираль Галактики, и картинка повернулась, открыв трехмерную структуру.

– Здесь ты видишь то, что мы знаем – или предполагаем – о гиперсети, открытой и маркированной исследователями прогров. Составить подобный план удалось ценой огромных усилий. Если исследователи не вынырнули вблизи уникального, немедленно опознаваемого объекта, например остатков недавней сверхновой или супермассивной, теряющей газ звезды, свои координаты определить невозможно. Исследователи способны лишь определить свое относительное положение, используя опорные точки – а в их качестве пульсары гораздо лучше обычных звезд.

– Кто же сделал эту гиперсеть? – пробормотала Ожье. – Вот что сейчас важно настоящему.

Питер усмехнулся, снова поворачиваясь к камере. Все-таки как же хорошо он знал бывшую жену и умел предвидеть ее реакцию – даже спустя столько времени.

– Кто ее сделал, мы не знаем. Наши друзья в Полисах – тоже. Конечно, гипотез хватает, некоторые выглядят убедительно. Система гиперпереходов – явно нечеловеческого происхождения. Но построившие ее и, предположительно, использовавшие исчезли.

Ожье видела, что Питеру представление доставляет удовольствие. От пустоголового тщеславного дипломата до пустоголового тщеславного шпиона – дистанция небольшая. Затем Верити упрекнула себя за ехидство. Ведь Питера прогры наверняка могли убить, а то и похуже, если бы раскрыли.

Она даже ощутила нечто вроде восхищения – редкое чувство, особенно когда дело касалось мужа.

– Мы подозреваем, – продолжал Питер, – что гиперсеть очень стара. Скорее всего, она существует уже сотни миллионов лет. Может быть, ровесница Солнечной системы. Большинство найденных порталов привязано к массивным телам: планетам земного размера, лунам, крупным планетоидам. Портал Седна – классический тому пример. Насколько известно програм, он единственный в Солнечной системе.

У Верити пробежал по спине холодок. «Насколько известно програм». Питер умеет расставлять акценты. А сколько им неизвестно?

Бывший муж, задумчиво поглаживая подбородок, снова взглянул на Млечный Путь.

– Мы пока не имеем понятия о том, как работают чертовы порталы. Не имеют понятия и прогры, хотя и пытаются убедить нас в обратном. У них есть теории модификации метрики, трехмерно ограниченные гипервакуумные решения уравнений Красникова. В общем, теоретическая фантастика. По правде говоря, это не более чем пустословие. Умственный онанизм.

Он задумчиво потрогал пальцем верхнюю губу.

– Но следует отдать им должное. Они нашли способ использовать гиперсеть, приспособили свои приборы и механизмы к аппаратуре порталов, выяснили, как можно протиснуть корабль сквозь входное горлышко без особых повреждений. Тут им стоит позавидовать. Нравится нам или нет, они намного опередили нас.

Питер расставил ноги, заложил руки за спину.

– А теперь поговорим о числах и фактах. Насколько далеко проникли прогры? И что нашли?

Ожье подалась вперед, предчувствуя, что сейчас прозвучит главное.

– Мы и сейчас точно не знаем, когда они нашли портал Седны. Скорее всего, около полувека назад, между две тысячи двести десятым и две тысячи двести пятнадцатым. С тех пор они исследовали – или хотя бы посетили – от пятидесяти до шестидесяти тысяч планетных систем. По любым меркам число впечатляющее. Но вот в чем беда: несмотря на все усилия, они не обнаружили ничего стоящего таких усилий.

Ожье кивнула. Она не слишком интересовалась гиперсетью, но даже из услышанного краем уха следовало, что предприятие обернулось жестоким разочарованием.

– Второй вариант: они нашли что-то, но не желают сообщать нам. Однако для них это вряд ли целесообразно. Они добиваются доступа к Земле, а нам могут предложить, кроме скудной толики универсального лекарства и прочих опасных мелочей, лишь посещения гиперсети в качестве платящих за удовольствие туристов. Оттого прогры пытаются украсить находки: бесконечный список безжизненных камней и ледяных гигантов.

Питер расцепил руки и наклонился с заговорщицким видом к камере.

– Забавно, но, как я уже и говорил, если они и смогли отыскать что-нибудь на тех мирах, нам вряд ли расскажут.

– Пожалуйста, продолжай! – не сдержалась Ожье, будто просьба могла быть услышана.

– Иллюзия полной бесполезности гиперсети поддерживается определенными кругами прогров, причем на высочайшем уровне секретности. Оттого этот орешек оказалось так тяжело разгрызть.

За спиной Питера снова изменилось изображение. В увеличенном виде предстал рукав Галактики, испещрив черноту звездами. Из тьмы вынырнула серо-голубая планета с удивительно гладкой поверхностью, видимая на фоне далекой звезды или скопления звезд. Верхнюю часть полумесяца звезды окрашивали красно-оранжевым, остальное же казалось холодно-голубым, словно отсвет луны на снегу. Планета на экране увеличивалась, пока не стала больше Питера. При таком масштабе стали различимы детали поверхности. И она вовсе не походила на неровную, изувеченную катаклизмами поверхность обычной планеты.

Планетную сферу составляло множество тесно пригнанных пластин, и от безукоризненной правильности этой мозаики захватывало дух. Не привычная космическая глыба, а нечто сродни сложнейшей молекуле или вирусу.

– Добавим-ка шкалу измерений, – произнес Питер.

Планету окружил параллелепипед координатных осей, возникли цифры, показывая, что диаметр – десять неких единиц длины.

– Что там... – нетерпеливо заговорила Ожье.

– По осям – световые секунды, – ответил с экрана Питер. – Сфера в диаметре – около десяти световых секунд. Чтобы дать наглядное представление, скажу, что в эту структуру можно уместить Солнце и еще останется прилично места. Но орбиту Земли туда не всунешь, поскольку ее диаметр – восемь световых минут. Нужна сфера в пятьдесят раз больше, чтобы вместить и земную орбиту. Но если расположить Землю в середине сферы, орбита Луны войдет чудесно.

– Простите, я не ослышалась, – попыталась перебить Ожье, – или он на самом деле сказал «в эту структуру»?

Агенты не ответили, и раздосадованная Верити снова уставилась на экран.

– Думаю, не следует слишком удивляться тому, что мы в конце концов нашли несомненно нечеловеческий артефакт. Мы ведь всегда знали, что такие вещи существуют. Гиперсеть – достаточное тому свидетельство. Но найти структуру настолько огромную... думаю, подобного не ожидал никто. Первый большой вопрос: черт возьми, да что же это? Второй вопрос: и какой нам с него прок?

Сфера сжалась в точку, исчезла. На экран опять легла Галактика, исчерченная светящимися векторами гиперсети.

– А теперь сюрприз номер два: прогры нашли не одну такую структуру, а два десятка, разбросанных по Галактике.

Питер шелкнул пальцами, и по изображению Галактики рассыпались голубовато-серые сферы размером с мяч для гольфа.

– При таком масштабе их расположение не увидеть, но уж поверь мне на слово: ни одна из структур не расположена в месте сколько-нибудь примечательном. Хотя все – вблизи какого-нибудь портала. Прогры называют их структурами АБО. АБО означает «аномально

большой объект». Звонкое название, так и просится на язык. Поскольку они нашли уже двадцать за довольно короткое время, а гиперсеть куда обширнее, чем разведанная ее часть, то напрашивается предположение: таких объектов тысячи, десятки тысяч по всей Галактике. Они лежат между звездами, будто кладка яиц.

Питер выдержал паузу.

– Или часовых бомб.

На картинке возникла голубовато-серая сфера. Но теперь ее изображение походило на схему. Краска поблекла, оставив лишь тонкий круг.

– Это поперечное сечение. Прогры получили его, используя нейтринную томографию. Поставили пятидесятикиловаттный нейтринный лазер на корабль, залетели с другой стороны сферы. А с этой стороны находился другой корабль, с детектором нейтрино – набором перенапряженных ультрачистых кристаллов сапфира, настроенных на возбуждение коллективных решеточных колебаний при взаимодействии хотя бы с одним нейтрино. Излучатель сканировал пучком АБО, корабль-детектор поспевал к ожидаемому месту выхода пучка. Детектор обнаружил, что внешняя оболочка – приблизительно в километр толщиной, неизвестного состава. В центре структуры оказалась концентрация массы, внутренняя сфера в несколько тысяч километров диаметром – типичный размер планеты наподобие Земли или Венеры и с таким же профилем плотности. В остальном же сфера, насколько показывают данные сканирования, пуста. Там вакуум.

– Поразительно, слов нет, – сказала Ожье агентам. – Пугает уже то, что мне сообщают такое. Но я не понимаю, какое отношение все это имеет ко мне и к трибуналу.

– Увидите, – пообещала Рингстед.

А Питер говорил, уже не отвлекаясь:

– Основываясь на сканах, прогры заключили: структуры АБО – оболочки вокруг планет. Иногда планеты заключены в них вместе с лунами. Это свидетельство очень развитой технологии – на уровне самой гиперсети. Но встает вопрос: зачем? С какой стати заключать целый мир в темную скорлупу, изолировать от Вселенной? Хотя внутри может быть и не темно. Что там находится, не известно никому. А может быть, клеткой АБО выглядит лишь снаружи. Каково состояние материи под оболочкой, остается лишь гадать. А что, если планеты подверглись карантину из-за жуткого преступления или биологического катаклизма? Может, это антимирры, приплывшие в нашу Галактику и, в силу необходимости, изолированные на своем пути сквозь нее. А вдруг это нечто гораздо худшее? Насколько нам известно, прогры, несмотря на все их исследования, этого не знают. Лишь гадают.

Питер посмотрел прямо в камеру, его глаза блестели. Он позволил себе улыбнуться. Едва заметно – лишь крошечная морщинка появилась в углу рта.

– А вот мы – знаем, – сказал бывший муж Верити Ожье. – Мы нашли путь в сферу, о котором не догадываются прогры. И ты, Верити, совершишь небольшое путешествие внутрь ее.

Глава 7

Телефон выволок Флойда из сна в самом начале девятого. Дождь шел всю ночь и продолжился утром. Он хлестал по окну, оставляя длинные косые полосы; ветер дергал стекло в расхлябанной металлической раме. Где-то в квартире радостно насвистывал Кюстин, возясь со стиркой. Флойд поморщился. Поутру он сильнее всего ненавидел два явления природы: звонящие телефоны и веселящихся людей.

Полураздетый – слишком уж хотелось спать вчера, – он выбрался из кровати и снял трубку.

– Месье Бланшар, я к вашим услугам, – проговорил хрипло и заспанно.

– Как вы догадались, что это я? – удивленно спросил старик.

– Чутье.

– Я не слишком рано?

Флойд выскреб комочки засохшей слизи из уголков глаз.

– Месье, вовсе нет. Я уже сколько часов на ногах, расследую дело.

– В самом деле? Тогда у вас, наверное, есть для меня новости.

– Рановато для новостей. Мы еще перевариваем информацию, собранную прошлой ночью. – Флойд подавил зевок.

– Значит, у вас уже есть стоящие разработки версии?

– Есть парочка.

Ввалился Кюстин, сунул Флойду в руку кружку черного кофе.

– Кто это? – спросил партнер зловещим театральным шепотом.

– Догадайся, – в той же манере ответил Флойд.

– И что за версии? – допытывался Бланшар.

– Рановато еще говорить о них. Определенности мало. – Флойд заколебался, но все же решил рискнуть. – Вообще-то, я уже нашел специалиста, чтобы разобраться с документами из коробки.

– Специалиста? Вы имеете в виду, знающего немецкий?

– Да, – вяло подтвердил Флойд.

Он отхлебнул зловредно крепкого кофе и искренне пожелал, чтобы Бланшар – и весь мир в обнимку с ним – оставили его в покое до обеда. Кюстин присел на край неубранной постели, положил руки на колени, все еще укрытые цветастым фартуком.

– Ну хорошо, – согласился Бланшар. – Думаю, наивно ожидать успехов так скоро.

– Да, не слишком разумно, – поддакнул Флойд.

– Я свяжусь позднее. Очень интересно, что ваш специалист скажет о бумагах мадемуазель Уайт.

– Я и сам ожидаю затаив дыхание.

– Тогда всего наилучшего.

Флойд с облегчением услышал щелчок – старик положил трубку.

– Надеюсь, вчера вечером, после того как я уехал, ты отыскал что-нибудь интересное, – сказал Флойд Кюстину.

– Думаю, результат куда скромнее, чем ты надеялся. А как у тебя с Гретой?

– Куда скромнее, чем я надеялся.

Кюстин благодушно взглянул на друга:

– Как я понял из твоего разговора с Бланшаром, ты скоро снова увидишь ее?

– Сегодня к вечеру.

– По крайней мере, еще один шанс, – сказал Кюстин, вставая и развязывая фартук. – Спускаюсь-ка я, куплю хлеба, и мы обговорим дела за завтраком.

– Ты ведь говорил, что ничего не нашел.

– Может, и нашел кое-что, уверенности никакой. Но сосед мадемуазель Уайт заметил любопытнейшую вещь.

– И что за вещь?

– Узнаешь за завтраком. А ты мне расскажешь, как было с Гретой.

Пока Кюстин ходил за хлебом, Флойд просмотрел утреннюю газету. Проскочил заголовки – что-то об убийстве на первой полосе, – и на третьей внимание привлекло знакомое имя. Мальо. Тот самый инспектор, давший Бланшару имя и телефон Флойда. Еще чистая капля меда в целой бочке дегтя. Мальо предпочитал оставаться в стороне от политического сыска, который Шателье навязывал полиции. Когда-то Мальо был восходящей звездой криминального отдела. Там Флойд и познакомился с энергичным инспектором. Но дни громких арестов и крупных преступлений давно прошли. Теперь Мальо подбирал крохи со стола, занимался грязной скучной работой, вроде охоты за бутлегерами. В статье говорилось о том, что Мальо обнаружил нелегальное производство пластинок в квартале Монруж. Якобы расследование еще продолжалось и полиция искала другие нелегальные предприятия в том же комплексе заброшенных зданий.

Новость испортила настроение. Конечно, это замечательно, что теперь можно копаться в развалах, не опасаясь принять подделку недельной давности за бесценную реликвию истории джаза – скажем, запись фирмы «Жене» Луиса Армстронга от 1923 года. Но печально думать, что такие люди, как Мальо, занимаются мелочами, когда по-настоящему подозрительные смерти остаются нерасследованными.

Флойд пошел в душ и умылся тепловатой водой, подкрашенной ржавчиной гнилых труб старого дома. Во рту чувствовался скверный привкус – не от воды из душа и не от вчерашнего апельсинового бренди, выпитого вместе с Гретой. Вытираясь, он услышал, как в квартиру вошел Кюстин. Флойд натянул брюки, прицепил подтяжки, облачился в чистую белую рубашку. Выбор галстука оставил до момента, когда придется встретиться лицом к лицу с внешним миром.

Он прошлепал в крохотную кухоньку в одних носках. Ее уже заполнил теплый запах хлеба. Кюстин намазывал масло и джем на толстый ломоть.

– Эй, скушай-ка и перестань выглядеть таким несчастным, – велел бывший инспектор.

– Можно было и не звонить мне в восемь утра, – проворчал Флойд, садясь напротив напарника. – Андре, у меня появились сомнения насчет этого дела. Может, дадим отбой, пока не залезли слишком глубоко?

Кюстин налил обоим кофе. Его пиджак был в крапинах дождя, но в остальном бывший полицейский выглядел безукоризненно: с яркими живыми глазами, подтянутый и свежий, чисто выбритый, усики аккуратно подстрижены и напояжены.

– Вчера у меня тоже возникло подобное ощущение.

– А сейчас?

– Сейчас чую, что пахнет убийством. Ее сосед рассказал кое-что интересное. Вокруг мадемуазель Уайт и впрямь происходило нечто необычное.

– И что же рассказал сосед? – Флойд откусил от бутерброда.

Кюстин заправил платок за ворот.

– Я поговорил со всеми жильцами, кого нашел вчера вечером. Бланшар думал, дома будут все, но двое еще не вернулись или покинули здание до того, как я начал опрос. Поговорим с ними потом. В конце концов, это хороший повод немного потянуть дело.

– Итак, сосед, – напомнил Флойд.

– Он молод, студент-юрист. – Кюстин впился в свой бутерброд и деликатно стер платком повидло с губ. – Охотно рассказал мне кучу всего. Вообще, мне все охотно рассказывали, как только выясняли, что я не с Набережной. А что касается убийства... – Он взмахнул

бутербродом для вящей выразительности. – Как только они поймут, что могут быть свидетелями на процессе об убийстве, их будет просто не унять!

– И что такого поведал студент-юрист?

– Он ее практически не знал. Сказал, что у него рваный график, поэтому они пересеклись редко. Кивал, увидев ее на лестнице, только и всего.

– Она ему нравилась?

– У парня, как я понял, есть невеста.

– Похоже, он и в самом деле ничего не знает. Что же рассказал интересного?

– То, что он слышал. Ты же в курсе: стенки в этих домах будто из рисовой бумаги. Он всегда знал, дома ли Сьюзен. Когда она ходила, скрипели половицы.

– И это все?

– Нет. Он слышал шум, странные звуки. словно кто-то тихо проигрывал на граммофоне или по радио одну и ту же ноту, снова и снова.

Флойд поскреб темя и заметил:

– Бланшар говорил, она никогда не слушала музыку. Ни по радио, ни на том старом патефоне. Но про шумы упоминал и он.

– Да. И он бы, конечно, заметил, если бы она держала в комнате музыкальный инструмент.

– Значит, это был не инструмент. А что тогда?

– Чем бы эти звуки ни были, доносились они из приемника. По описанию студента, очень похоже на кодированное сообщение. Он слышал длинные ноты и короткие, а временами их чередовалась, будто проигрывали снова одно и то же послание.

Впервые за утро Флойд встрепенулся, почуяв, что они наткнулись на что-то интересное.

– Ты имеешь в виду, вроде кода Морзе?

– Сам делай выводы. Конечно, студенту не пришлось в голову записать услышанные звуки. Он о них и не вспомнил и значения им не придавал, пока не узнал о смерти Сьюзен.

– В самом деле?

– Он учится уже три года. За этот срок снимал дюжину комнат. И всякий раз попадались соседи с необычными привычками. Обязательно хоть в чем-то, но чудачки. Мол, пожив немного, на странности перестаешь обращать внимание. Студент признался, что сам любил полоскать горло, громко булькая, пока сосед не заявил ему, что это не совсем подходящее занятие в два часа ночи.

Флойд закончил со своим хлебом и кофе.

– Нужно вернуться в комнату и обследовать ее как можно тщательней.

– Думаю, Бланшар с удовольствием согласится, если поймет, что это в интересах дела, – поддакнул Кюстин.

Вставая, Флойд пощупал подбородок и напомнил себе обязательно побриться перед выходом на улицу.

– Но пока не стоит говорить старику. Не хочу, чтобы он слишком возбудился оттого, что она может оказаться шпионкой.

Кюстин лукаво глянул на партнера:

– Но ведь ты задумался, правда? Уж точно не отбросил сразу эту версию.

– Давай пока остановимся на вещах реальных. На показаниях других жильцов. Ты выяснил у них что-нибудь полезное?

– Ничегошеньки. Правда, один тип сказал, что видел странную девочку, болтавшуюся по дому в день убийства.

– Странную в каком смысле?

– Очень болезненной она выглядела.

– Ну, тогда пройдемся по обычным подозреваемым больным детишкам, и дело раскрыто! – Флойд рубанул ладонью воздух.

Но в душе неприятно шевельнулось воспоминание о девочке, вышедшей из дома Бланшара, когда туда впервые приехали Флойд с Кюстином.

– Ты думаешь, тут может быть какая-нибудь связь?

– Парень просто старался помочь в меру своих сил. По крайней мере, у всех жильцов теперь есть твои визитки, все пообещали связаться, если в памяти всплывет что-то новое. Про сестру Сьюзен никто ничего не знал. – Кюстин принялся намазывать маслом второй кусок хлеба. – Ну-с, теперь твоя очередь выкладывать новости.

«Матис» пробирался сквозь плотный поток транспорта, обычный для рабочего утра. Колеса плескали водой – местами стоки не справлялись, по улице текла река. Но дождь наконец прекратился, солнце блестело на камнях, чугуне фонарных столбов, статуях и знаках в стиле ар-нуво, карауливших входы в метро. Флойд любил Париж таким. Его мутным, заспанным глазам город казался картиной маслом, которой требовалось еще несколько дней, чтобы высохнуть.

– Насчет Греты... – подал голос Кюстин с заднего сиденья. – Флойд, нельзя откладывать навечно. У нас же договор.

– Какой договор?

– Я рассказываю тебе новости по делу, ты мне рассказываешь про Грету.

Флойд стиснул руль.

– Она вернулась ненадолго. С нами петть не будет.

– Уговорить ее надежды нет?

– Никакой.

– Тогда зачем вернулась? Помучить тебя? Наша маленькая властная фройляйн жестока, но не настолько.

– Умирает ее тетка. Грета хочет побыть с ней до конца. По крайней мере, это одна из причин ее возвращения.

– А другие?

Флойд заколебался. Захотелось посоветовать Кюстину, чтобы не лез в чужие дела. Но он не заслужил такого обращения. В конце концов, его будущее от решения Греты зависит не меньше, чем будущее Флойда. Хотя Кюстин еще не понял этого.

– Она не вернется и к своему бродячему джаз-банду.

– Разругалась?

– Нет. Но сделала вывод, что у нее нет будущего с ними. И ей пришла в голову идея.

– Петть одной?

– Гораздо амбициозней. Телевидение. – Флойд проговорил это слово как непристойность и покачал головой. – Она хочет связаться с телевидением.

– Тут нечему удивляться. У нее талант, и выглядит она уж точно на все сто. Телевидение ей не повредит. Отчего ты не радуешься за нее?

Флойд объехал провал среди улицы. Подле ямы перешучивались рабочие в комбинезонах, однако никто не работал.

– Потому что речь идет об американском телевидении. В Лос-Анджелесе, конечно.

Несколько кварталов проехали молча. Флойд вел машину, представляя, как скрипят шестерни в голове партнера, соображающего насчет последствий. Наконец «матис» затормозил у светофора.

– И она предложила тебе ехать с ней, – заключил Кюстин.

– Не то чтобы предложила. Поставила ультиматум. Если я поеду с ней, это шанс быть вместе. Она сказала, мы оба посмотрим, что из этого выйдет. А если я не соглашусь, она простится со мной навсегда.

Загорелся зеленый свет, и машина тронулась.

– Да уж, ультиматум. Хотя, с ее точки зрения, все логично. Хорошо иметь крепкого американского приятеля. Пусть отгоняет акул.

– Я француз.

– Ты француз, когда это устраивает тебя. При нужде с легкостью делаешься американцем.

– Я не могу ехать. Моя жизнь здесь. У меня работа. И партнер, чей кусок хлеба зависит от меня.

– Похоже, ты отчаянно пытаешься убедить в чем-то самого себя. Хочешь узнать мое мнение?

– Кажется, я его узнаю в любом случае, хочу этого или нет.

– Поезжай. Сядь на самолет, корабль – да что угодно – до Америки. Присмотри за ней в Голливуде, или где там телевизионщики выстроили свою империю. Отведи на все два года. Через два года Грета еще сумеет неплохо устроиться здесь.

– А я как?

– Если она хорошо устроится там, тебе не придется заботиться о заработках.

– Андре, я не знаю.

Кюстин в сердцах хлопнул по приборной панели:

– Да что тебе терять-то? У нас сейчас дело, но обычно мы едва сводим концы с концами. Сейчас-то мы на коне, но если не раскроем убийство, то окажемся ровно там, где были вчера. Будем бродячими музыкантами, околачивающимися под дверями в Марэ. Только у нас уже нет контрабаса.

– Мы всегда найдем детективную работу.

– Несомненно. Но вот что я скажу, Флойд. Если я чему и научился, имея дело с тобой, так это простой истине: выслеживая пропавших кошек и любовниц, много не заработаешь.

– А ты что бы сделал?

– То же, что и всегда. Следовал бы своему чутью и совести.

– Если бы дошло до отъезда, я бы передал дела тебе.

– Ага, значит, хотя бы досюда ты обдумал перспективы. Я рад, что хоть раз в жизни мой партнер мыслит трезво.

– Я обдумываю возможность, не более того, – сказал Флойд, заворачивая на улицу, где жил Бланшар. – И никуда не двинусь, пока мы не закончим расследование.

– Месье, чему я обязан столь неожиданным визитом? – поинтересовался старик, впус- тив в дом сыщиков. В лестничную клетку и коридоры попадало мало света, и все казалось почти таким же, как накануне вечером. – Вижу, за час многое может измениться.

– Я же говорил вам: мы с партнером кое-что узнали, – сказал Флойд. – И потому хотим еще раз обследовать комнату мадемуазель Уайт.

– Думаете, в первый раз вы упустили что-то важное?

– То был поверхностный осмотр, а не обследование, – сказал Флойд и кивнул на чемоданчик в руке Кюстина. – Теперь поработаем по-настоящему.

– Хорошо, я провожу вас.

Партнеры немного подождали, пока хозяин не застегнет кардиган и не возьмет ключи. Затем поднялись за ним по лестнице на пятый этаж.

– Спрашиваю на всякий случай: с тех пор как мы побывали в комнате, никто туда не входил? – спросил Флойд.

– Никто.

– А мог кто-нибудь проникнуть без вашего ведома?

– Для этого нужен ключ. А ключ мадемуазель Уайт у меня. Он был при ней в момент смерти. Полиция вернула его мне.

– Кто-нибудь ведь мог сделать дубликат? – не отставал Флойд.

– В принципе да, но на ключе номер квартиры. Ни один уважающий себя мастер не возьмется делать дубликат без согласия домовладельца.

Бланшар впустил сыщиков в комнату. При дневном свете она выглядела больше и запущенней, но в остальном была точно такой же, какой Флойд ее помнил со вчерашнего вечера: забитой книгами, пластинками, журналами и газетами. Дверь на балкон была приотворена на дюйм для проветривания; прикрывающие ее тонкие гардины шевелились на сквозняке.

– Пожалуйста, не обижайтесь, но нам лучше работается без зрителей, – сообщил Флойд.

Бланшар задержался у двери, и Флойд подумал, что избавиться от него не удастся.

– Ну хорошо, – согласился все-таки старик. – Я предоставлю вам возможность поработать без посторонних глаз. Но пожалуйста, оставьте все в том же виде, в каком нашли.

– Именно это мы и сделаем, – пообещал Кюстин.

Он подождал, когда за стариком закроется дверь, и спросил:

– А что именно мы ищем?

– Я хочу знать, что она слушала по радио. Кстати, глянь, не околачивается ли старик поблизости.

Кюстин подошел к двери, приотворил ее и осмотрел коридор.

– Нет, слышно, как он спускается по лестнице. Хочешь, чтобы я проверил и соседей?

– Не нужно. Они, скорее всего, на работе.

Флойд опустил на колени перед огромным старым приемником. Сперва достал блокнот и проверил, не изменилось ли со вчерашнего дня положение стрелки настройки. Приемник нагрелся, полоска индикатора бледно засветилась. Когда стрелка поползла по диапазону, раздался лишь треск – ни музыки, ни голосов, ни кодированных сообщений.

– Может, сосед навоображал? – предположил Кюстин.

– Бланшар тоже упоминал радишум. Вряд ли обоим независимо друг от друга вообразилось одно и то же.

– Значит, приемник испортился.

– Может, и в самом деле испортился. Посмотри-ка!

Кюстин опустил рядом с напарником и проследил за его взглядом.

– Флойд, это ковер. На удивление обычная вещь в квартирах.

– Олух, я на следы показываю, – буркнул Флойд, энергично тыча пальцем в две отметины на ковре, разделенные шириной приемника. – Не знаю, свежие они или нет. Я еще вчера подметил, что ковер примят, но тогда не понял простейшего.

– А теперь понял?

– Этот приемник оттаскивали от стены.

– Торопились, наверное. Очень неаккуратно.

– Вот именно! – Флойд хлопнул напарника по спине. – Глянем-ка, а?

– Не повредит.

– Проверь, закрыта ли дверь на задвижку. Не хотелось бы, чтобы старикашка внезапно зашел и увидел, как мы копаемся в приемнике. Еще подумает что-нибудь не то.

– Закрыто надежно, – заверил Кюстин, подергав дверь.

Вместе они оттащили приемник от стены, стараясь не оставить новых отметин на ковре. Устройство было очень тяжелым, и Флойд подумал, что без Кюстина пришлось бы повозиться.

– Глянь, – сказал Флойд, когда прибор уже стоял в полуметре от стены. – Три шурупа на полу, щепки. Шурупы просто выдирали из задней стенки. Зачем?

Кюстин заглянул через плечо друга, прижав к носу платок – поднялась туча пыли.

– Кто-то здесь уже покопался.

– Причем в спешке, – добавил Флойд, поворачивая фанерку, служившую задней стенкой приемника.

Та держалась на единственном шурупе.

– Чтобы вывинтить их, требовалось всего пять минут. Но у того, кто это сделал, не было времени искать отвертку. Должно быть, он сунул что-то в щель, отодрал стенку и увидел начинку прибора.

– Хорошо, что у меня есть отвертка, – заключил Кюстин и пошел за чемоданчиком.

Над каким бы делом ни работали партнеры, Кюстин всегда держал при себе рабочий набор взломщика.

– Попробуй ее вовсе снять, – посоветовал Флойд.

Кюстин отвинтил последний шуруп, и фанерный задник отпал, открыв нутро приемника.

– Интересно... мягко говоря, – только и сказал Флойд.

– Давай-ка повернем к свету, – предложил Кюстин. – Надо рассмотреть хорошенько.

Вдвоем они повернули устройство задней стороной к балконному окну. Луч утреннего света, золотя висящие в комнате пылинки, проник в прибор, осветив похожую на птичье гнездо скрутку проводов, мешанину радиоламп и эмалированных деталей. Почти все нутро деревянного ящика было плотно забито деталями, соединенными в узловатое, перепутанное, неимоверно сложное нечто.

– Я таких радиоприемников и не видывал никогда, – сделал вывод Кюстин. – Похоже на вывихнутый образчик современного искусства. Чтобы глянуть на такой, платишь огромные деньги, а потом стоишь, скребешь темя и изображаешь глубокую вдохновенность.

– Может, она все-таки шпионка?

– Но что это за штуковина? Для чего предназначалась?

Флойд выключил прибор, затем осторожно сунул палец в путаницу проводов, стараясь ничего не задеть. И тут же заметил: часть их болтается свободно. Оголенные металлические концы блестели, и на них, грубо выдранных, держались комочки припоя.

– По мне, тут полное безумие, – сказал он. – Но ты разбираешься в таких вещах лучше. Похоже на что-нибудь осмысленное?

– Зависит от того, что называть осмысленным. Я могу распознать большинство деталей. Скажем, вон конденсаторы... пара сопротивлений... стандартные радиаторы... а вот, похоже, переменный конденсатор настройки. Честно говоря, все детали обычные – но как плотно их напихали! Хватило бы на два десятка радиоприемников. – Кюстин улыбнулся и добавил: – Кроме деталей, конечно, необходима университетская степень по схемотехнике и навык обращения с паяльником.

– Может, и то и другое у нее было? В конце концов, если шпион осиливает сложный шифр, он и схемотехнике может научиться.

– И ты всерьез считаешь, что Сьюзен Уайт собрала это чудовище?

– Или она, или ее сообщники. Альтернативы я не вижу.

– Но зачем ей самодельное радио? Если она шпионка, разве не могла бы привезти оборудование с собой?

Флойд уже задавал себе этот вопрос, но не нашел ответа.

– Может, боялась разоблачения? – предположил он. – Легально попасть в страну можно только через таможню.

– У шпионов, по идее, всякие потайные отделения в багаже.

– Слишком большой риск. Лучше зашифрованный список покупок и инструкция по сборке.

Кюстин встал, прислонился к стене, задумчиво трогая усы.

– Тут, конечно, много непонятного. Но уже можно выдвинуть версию. Сьюзен Уайт – иностранная шпионка. Она прибыла в Париж и сняла квартиру. Теперь ей нужно держать связь с помощниками или с начальством – где бы и кто бы они ни были.

– Или ей необходимо слушать чьи-то передачи, – добавил Флойд.

– Это тоже возможно. – Кюстин тряхнул пальцем, мол, засчитано. – В силу необходимости она собирает прибор на базе старого радиоприемника. Возможно, как раз пользовалась устройством, когда явились убийцы. Ее ликвидировали, сбросив с балкона, как и предположил Бланшар. Затем убийцы заметили прибор – или еще раньше видели, как Сьюзен пользовалась им, – но вынести его из квартиры не могли, не привлекая внимания. Предположим, у них – если их больше одного – оставалось очень мало времени на бегство. Ведь на мостовой лежало мертвое тело.

– И разбитая пишущая машинка, – добавил Флойд.

– Ну да, – неуверенно согласился Кюстин. – Не знаю, как одно совмещается с другим. Может, ее стукнули пишмашинкой?

– Не надо, – посоветовал Флойд. – Давай пока ограничимся гипотезой о крайней спешке убийцы.

– Ладно. У преступника – или преступников – хватило времени отодвинуть приемник, отломать заднюю стенку и запустить руку внутрь. Они повредили, что смогли, надеясь испортить устройство. Наверняка изувечили бы его сильнее, если бы успели, но, похоже, ограничились несколькими проводами.

Флойд отодвинул связку проводов и пожалел, что не взял фонарь.

– Надо оживить эту штуковину.

– Надо отдать эту штуковину властям, – возразил Кюстин.

– Думаешь, они воспримут дело серьезней только потому, что мы обнаружили сломанный радиоприемник? Андре, подумай: прямых доказательств у нас по-прежнему нет.

Флойд осторожно взял вырванный провод, выискивая место, где он был прежде.

– А если мы это починим...

– Но убийцы могли что-нибудь вытащить оттуда и унести!

– Предположим, они очень торопились и не хотели быть пойманными с доказательствами визита в эту комнату.

– Ты такой оптимист, сам на себя не похож, – заметил Кюстин, затем подошел к двери и приложил к ней ухо. – Погоди-ка! Кто-то поднимается по лестнице.

– Давай придвинем приемник назад к стене. Быстрей!

Флойд придержал фанерку, а Кюстин наскоро прихватил ее одним шурупом. С остальными возиться некогда. За спиной скрежетнула дверь – кто-то повернул ручку.

– Бланшар! – прошипел Кюстин.

– Месье, один момент! – подал голос Флойд, волоча на пару с Кюстином приемник, царапая и сминая ковер.

Хозяин громко постучал:

– Откройте!

– Секундочку! – взмолился Флойд.

Кюстин подошел к двери и открыл, пока Флойд, встав спиной к приемнику, тыкал изо всех сил каблуком в ковер, стараясь разгладить неровности.

– Мы решили закрыть дверь, – объяснил Флойд. – Не хотели, чтобы соседи ненароком полюбопытствовали.

– И что? – спросил Бланшар, заходя в комнату. – Вам удалось что-нибудь найти?

– Мы здесь всего лишь пять минут. – Флойд повел рукой вокруг, жалея, что встал слишком близко к приемнику. – Тут еще уйма работы. Мадемуазель Уайт успела собрать немало вещей.

– Хм... – изрек Бланшар, с подозрением глядя на партнеров. – Месье Флойд, к этому выводу я пришел и сам. Мне незачем слушать от вас то, что я уже и сам знаю. Предпочел бы что-нибудь новое.

Флойд отошел от приемника.

– Кстати, я как раз хотел задать вам вопрос. Вы когда-нибудь замечали ее здесь в чьем-либо обществе?

– За все время нашего знакомства я не заставлял ее ни с кем.

– Никогда?

– Даже идя за ней до станции метро, я не видел, как она отдавала свою ношу.

Бланшар имел в виду свою слезку за Сьюзен в тот день, когда она несла к метро тяжелый чемодан. Флойд забыл эту историю, отвлекшись на более важные вещи, хотя прилежно записал ее в блокнот. А сейчас заподозрил, что девушка встречалась с коллегами-агентами (если только она не пользовалась приемником для получения сообщений от них, как предполагал Кюстин). У Флойда начала оформляться смутная теория. Иностраннный агент в незнакомом городе, большую часть времени работает самостоятельно. Возможно, получает приказы и инструкции по модифицированному приемнику. Но в Париже она не одинока, иначе зачем нести чемодан в метро? Здесь должны быть другие агенты, соотечественники Сьюзен, наверняка немногочисленные, едва связанные в сеть, общающиеся главным образом радиосифровками. И если только сигналы на приемник не поступали издали, наверное, в городе был кто-то, передающий их для Сьюзен.

У Флойда закружилась голова. Удивительное сочетание страха и возбуждения, которому невозможно противиться. Оно увлечет, потащит, сделает с тобой что захочет – и спасения нет.

– Вы ведь теперь не сомневаетесь, что ее убили? – спросил Бланшар.

– Во всяком случае, я уже близок к убежденности в этом. Но не уверен насчет того, кто мог ее убить и зачем.

– Вы уже прочитали документы?

Флойд оставил Грете записку, обещая прийти завтра.

– Еще нет. Но там и в самом деле может быть что-то очень важное. Кстати, месье Бланшар, если она дала вам бумаги на хранение, значит наверняка опасалась за свою жизнь.

– Именно это я и повторяю все время!

– Я хочу сказать, что убийство могло быть задумано заранее и очень хорошо исполнено. Никаких улик, указывающих на преступника. Не надо верить грошовым романам, убийцы далеко не всегда делают ошибки.

– Если вы верите в это, наш контракт можно завершить прямо сейчас.

– Для этого слишком рано. Я просто намекаю, что мы можем оказаться бессильны.

– Бессильны – или трусливы перед лицом опасности?

Кюстин предупредительно кашлянул: Флойд в ответ мог брякнуть то, о чем бы потом очень жалел.

– Месье, мы бы не хотели сейчас отнимать у вас время, – произнес он с преувеличенной вежливостью. – Нам еще нужно многое сделать в этой комнате, не говоря о работе по другим направлениям, которая также ожидает нашего внимания, причем срочного.

Бланшар задумался, кивнул и произнес тоже вежливо:

– Хорошо, сеньор Флойд. По крайней мере, ваш напарник считает дело небесперспективным.

На мгновение внимание старика привлек участок смятого ковра перед приемником. По лицу Бланшара пробежала тень тревоги. Но затем он вышел, оставив партнеров.

– Нравится мне старикан, ничего не поделаешь, – буркнул Флойд. – Но лучше бы он не стоял над душой.

– Это его деньги, и он желает, чтобы их потратили с толком.

Кюстин замолчал, полез в инструментальный чемоданчик. Но потом покачал головой:

– Я надеялся, тут найдется что-нибудь пригодное для подсоединения проводов. Но увы – нужно вернуться в офис.

– Думаешь, удастся починить?

– Починю. Конечно, если детали на месте, а вырваны лишь провода.

– Мне они все показались одинаковыми, – буркнул Флойд, глядя наружу сквозь узкую щель в балконной занавеске.

Пятью этажами ниже солнце позднего утра превратило мокрую улицу в сверкающее зеркало. Он понаблюдал, как пешеходы петляют между лужами. А потом заметил кое-что странное.

– Одинаковые – но число перестановок конечно, – возразил Кюстин. – Думаю повозиться до вечера. Если не получится, вряд ли игра стоит свеч. – Кюстин выждал пару секунд, затем спросил: – Флойд, ты слышал хоть слово из того, что я сказал сейчас?

– Извини, – сказал тот, повернувшись к напарнику.

– Наверное, опять задумался о Грете.

– Не угадал. Сейчас я задумался о вон той девочке, стоящей на другой стороне улицы и глядящей на наш дом.

– Когда мы приехали, я не заметил никакой девочки.

– Ты не заметил потому, что ее не было. А теперь, похоже, она наблюдает за этой комнатой.

Флойд выпустил занавеску, достаточно хорошо рассмотрев ребенка, чтобы быть уверенным: именно эту девочку они встретили вчера, когда приехали к Бланшару. Наверное, из-за игры света и тени лицо ребенка казалось странно уродливым, даже отталкивающим.

– Ты всерьез считаешь, что к убийству Сьюзен могут быть причастны дети?

– Конечно нет, – поспешил ответить Флойд.

Оба вышли наружу и спустились по лестнице. К тому времени, когда они приблизились к «матису», загадочная девочка исчезла.

Глава 8

Увозящий Ожье шаттл медленно отплыл от «Твентис сенчери лимитед» и направился в сторону Марса. Верити прижалась лицом к иллюминатору, ощущая вибрацию суденышка: маневровые движки выдали серию коротких, резко обрывающихся импульсов. Хотя Верити и не представляла, куда ее везут и как это согласуется с рассказом бывшего мужа, все равно радовалась расставанию с дряхлым лайнером. В пятисуточном рейсе антикварные интерьеры перестали развлекать, и даже часовая экскурсия в нутро корабля, к последнему работающему в Солнечной системе двигателю на антиматерии, едва смогла разогнать лютую скуку (а напугала притом изрядно). Как ни крути, на Марсе занятий больше. Его испятнанный, цвета ириски диск неуклонно приближался. Раньше Ожье его не посещала, и не из-за недостатка денег. Ей туристский интерес казался нездоровым, подспудным, нечистым желанием прикоснуться к жуткому кошмару, случившемуся на планете. Но теперь Ожье отправили на Марс против ее желания, и трудно было удержаться от искушения, трудно не посмотреть.

Выжженная зона начиналась к югу от равнины Эллада и простиралась почти до Кидонии, включая все изрытые кратерами нагорья Терра Аравия. Прочий Марс от полюса к полюсу покрывала хрупкая сине-зеленая пленка разных оттенков: заполонившая равнины выносливая генно-модифицированная растительность, рассаженная веком раньше. Проложенные по поверхности с лазерной точностью каналы чернильно блестели, у сочленений и узлов ирригационной сети Ожье различила белесые пятна городов и поселков, пунктир дорог и черточки стоящих на приколе дирижаблей. Обнаружились даже несколько легких перистых облачков, пригоршня гексагональных озер, состыкованных, будто соты.

Но между равниной Эллада и Кидонией расстелилась мертвая пустыня. Там ничто не приживалось. Даже беззаботные облака не слишком охотно заплывали туда. Выжженное пятно образовалось двадцать три года назад, в последние дни короткой, но жестокой войны между ретрами и програми за право доступа на Землю.

Ожье почти не помнила то побоище. Она тогда была ребенком, ее ограждали от горьких новостей. Но по большому счету война закончилась совсем недавно, и было чувство, что финальный расчет еще впереди. Верити подумала о Калискане, потерявшем брата при попытке вернуть Фобос. Калискану наверняка кажется, будто война отгремела лишь вчера. И он согласился допустить прогров на Землю после такой потери? Как можно быть настолько холодным и расчетливым?

Последовала новая серия маневров, более плавных. Неожиданно за окном вместо Выжженной зоны оказалась освещенная, усеянная механизмами стена причального дока. За ней Верити успела заметить изгибающийся, лишенный атмосферы горизонт и полосу очень темного камня.

Насчет Марса Ожье дезинформировали. Ее туда и не планировали отправлять.

За шлюзом ее встретили восемь человек в военной форме СШБВ, с ними два змееробота.

– Я Авелинг, – представился самый высокий мужчина в группе, рассматривая Ожье холодными алюминиево-серыми глазами. Наверное, его голосовые связки были повреждены. Говорил он медленно, хрипел – едва разберешь. – Вы переходите под мое начало на время миссии. Если имеются возражения, лучше разобраться с ними сейчас.

– А если не разберемся? – спросила она.

– Тогда мы посадим вас на первый же корабль до Заросли и отправим к трибуналу, ожидающему там.

– И лишь с половиной моей памяти.

– Верно.

– Тогда, если не возражаете, я под вашим началом. Пока, во всяком случае.

– Отлично, – заключил Авелинг.

Он выглядел опасным – тот тип мерзавца, что кажется еще страшнее из-за очевидной интеллигентности и лоска, сопутствующих хорошему образованию и воспитанию. От него прямо-таки веяло угрозой: чуть что, не успеете и вздохнуть – всех перебью. Ожье ничего не знала о нем, но мгновенно поняла: это ветеран войны, и, он наверное, убил больше прогров, чем она видела за всю свою жизнь. Причем ни разу не пожалел о содеянном.

– Но все же очень хочется знать, что я делаю на Фобосе, – сказала Ожье, уходя вместе со встречающими от шаттла.

Змеероботы скользили следом.

– А что вам известно о Фобосе? – спросил Авелинг.

Его голос звучал так, будто горло и связки с огромным трудом собрали из мелких клочков, как документ, пропущенный через шредер.

– Что мне лучше держаться от него подальше. Марс большей частью гражданский. Но вы, армия, прочно упаковали весь Фобос.

– Спутники – идеальные стратегические платформы для обороны Марса от прогров. Учитывая степень их защищенности, это идеальные места для секретных мероприятий, если в таковых возникает нужда.

– Я считаюсь секретным мероприятием?

– Нет, Ожье, вы заноза в заднице. Больше, чем шпаков, я ненавижу только необходимость быть вежливым с ними.

– Намекаете, что сейчас вы вежливы?

Ожье привели в маленькую комнату без окон, но с двумя дверями. Три сиденья, низкий столик, на нем два стакана и большой графин с водой. Одну стену занимал серый шкаф, заполненный магнитными лентами на белых пластиковых катушках. Рядом виднелся приемник пневмопочты.

Верити оставили одну. Она наполнила стакан, осторожно пригубила. Успела выпить полстакана, прежде чем дверь распахнулась и появилась коренастая, крепенькая женщина. Соломенные волосы пострижены коротко, практично, лицо могло бы показаться миловидным, если бы не впечатавшаяся в него хмурая гримаса. Одета женщина была в комбинезон со множеством кармашков и петелек, расстегнутый так, что виднелась засаленная, когда-то белая тенниска.

Вошедшая окинула Ожье колючим пронизательным взглядом. Затем вынула изо рта окурок и щелчком отправила его в угол.

– Верити?

– Ну да, – ответила та осторожно.

Женщина подалась вперед, потерла ладонь о бедро и протянула руку Ожье:

– Я Маурия Скелсгард. Эти шишки обращались с тобой прилично?

– Э-э... – Ожье замолчала, не сумев подобрать слова.

Скелсгард села и налила себе воды.

– Знаешь, насчет этих людей нужно уяснить одну вещь. Я сама ее далеко не сразу поняла, уж поверь. Так вот, с ними лучше, чем без них. Авелинг – бессердечный сукин сын, но он наш бессердечный сукин сын.

– Вы из военных? – спросила Ожье.

Скелсгард осушила стакан одним глотком, налила снова.

– Нет. Я сопливый научный работник. Всего с год назад счастливо копалась на своей делянке, пыталась математически описать патологическую материю. – Предчувствуя вопрос

Ожье, она пояснила: – Обычная теория червоточин утверждает, что для стабилизации и расширения входа в червоточину необходима субстанция, называемая экзотической материей. И это имеет дело с отрицательной плотностью энергии... Надо сказать, эта отрицательная плотность – очень капризная штука. Но как только нам досталось на полгроша сведений о гиперсети, стало ясно: ее составляющие – не червоточины в классическом смысле. И очень скоро мы поняли, что для объяснения их нужно нечто на порядки более странное, чем экзотическая материя. Оттого и родилась патологическая материя. – Маурия пожала плечами. – Мы физики. А физики должны время от времени шутить, хотя у нас не всегда хорошо с чувством юмора.

– Это нормально, – кивнула Ожье. – Вы бы слышали, какие шутки считают смешными археологи.

– Думаю, мы в одной лодке. Обе занозы в заднице, гражданские эксперты, с которыми Авелинг, хочет он того или нет, вынужден сотрудничать.

Ожье улыбнулась:

– Этот парень неравнодушен к штатским.

– Ага, просто тает от любви.

Скелсгард опорожнила стакан во второй раз. Костяшки ее пальцев покрывала короста и грязь, под короткими ногтями – жирный траур.

– Слыхала я про трибунал. Похоже, тебя взяли за мягкое место.

– Заслуженно. Я почти убила мальчика.

– Если, как я слыхала, его семья и вправду такая богатая и влиятельная, его запросто починят.

– Да, надеюсь, он выздоровеет. Совсем неплохой парнишка.

– А с тобой как? Говорят, ты замужем за Питером Ожье.

– Была замужем.

– Хм... Пожалуйста, не разочаровывай меня. Не говори, что в семье мистер Совершенство – полная свинья. Я не вынесу, если мои иллюзии разлетятся в прах.

– Да нет, – сказала Ожье устало. – Питер достойный человек. Не совершенство, конечно, но и не такой уж плохой. Проблема со мной, не с ним. Я слишком увлеклась работой.

– Надеюсь, оно того стоило. Дети есть?

– Мальчик и девочка. Я их очень люблю, но так мало уделяю им времени...

– Думаю, это сильно упростило выбор, когда речь зашла о милом предложении Калискана.

– Можно было просто покончить со мной, – сказала Верити. – Засунуть куда-нибудь вроде венерианской каторги. И при следующей встрече с детьми они бы меня не узнали. А так есть шанс относительно легко отделаться. – Верити замолчала, неловко поерзала: стыдно было вот так обсуждать свою жизнь. – Конечно, было бы немного проще, если бы я знала, какого черта от меня требуется.

Скелсгард пытливно глянула на нее:

– А о чем тебе говорили до сих пор?

– Об исследованиях прогров по структурам АБО.

– Это, по крайней мере, неплохое начало.

– А еще сказали, что нашли путь внутрь. И я должна лезть туда. Наверное, Фобос имеет какое-то отношение к этому пути.

– И не какое-то, а самое прямое. Года два тому СШБВ обнаружили неактивный портал. Прямо здесь, погребенный под парой километров породы. Потому меня срочно взяли в команду. Я больше всех смахиваю на эксперта по проходу гиперсети за пределами Полисов.

Что, надо сказать, совсем немногого стоит. Но по крайней мере, теперь у нас есть настоящая червоточина, чтобы наиграться вдоволь.

– И ты заставила ее работать?

– Если не обращать внимания на тряску, то да.

– А прогры ничего о ней не знают? Не обнаружили ее, пока хозяйничали на Фобосе?

– Они глубоко не заглядывали. Мы сами наткнулись случайно, строя новый жилой квартал.

Ожье вдруг ощутила прилив энергии:

– Я хочу посмотреть!

– Отлично! В общем-то, для этого тебя и привезли. – Скелсгард сдвинула потрепанный рукав, глянула на часы. – Тогда лучше двигаться прямо сейчас. Транспорт придет с минуты на минуту.

– Но я пока еще без малейшего понятия, при чем здесь Париж!

– Поймешь в свое время, – ответила Маурия.

Зал был велик и почти идеально кругл. Полость вычерпали в расплавленной черной породе Фобоса, затем покрыли пластиком. К нему крепились платформы, прожекторы и галереи. Половину помещения занимала стеклянная сфера, поддерживаемая сложной системой полосатых желто-черных амортизаторов и подпорок. Галереи, крытые лестницы, трубы и провода окутывали шар полупрозрачной вязкой оболочкой из металла и пластика. Тут и там висели и стояли техники в белой одежде и перчатках, с очками и наушниками, подключая к открытым порталам оборудование. Техники напоминали взломщиков, пошедших на изощренное и сулящее сказочную добычу ограбление.

– Мы как раз вовремя, – сообщила Скелсгард, глянув на переполненную циферблатами панель, укрепленную сбоку обзорной кабины. – Транспорт еще не прошел, но мы уже регистрируем искажения, выпуклость впереди него.

Многочисленные стрелки на панели дрожали на красном конце шкал.

– Похоже, поездка была ухабистой. Надеюсь, они приготовили пакетики, чтобы про- блеваться.

Техники сбежали от сферы-приемника. Машины передвинулись. Ожье заметила трех змеероботов, застывших в оборонительных позах. Роботы походили на плюющихся кобр.

– Ожидаются неприятные гости? – спросила Верити.

– Элементарная предосторожность. Как только судно в трубе, мы не можем общаться ни с ним, ни с Землей-Два. На тридцать часов отключается всякая коммуникация. Поневоле занервничаешь.

– А почему?

– Теория говорит, что прогры не смогли бы пробраться в трубу, даже если бы знали про ее существование. Но это теория. К тому же мы должны иметь в виду: на той стороне есть те, кого военные зовут «враждебными аборигенами Земли-Два». И они способны пробиться к порталу.

Стрелки на циферблатах твердо уперлись в красное. Откуда-то из-под стеклянного пузыря с невыносимой яркостью засияло голубым. Ожье отвернулась, закрыв глаза ладонью, и сквозь смеженные веки увидела очертания своих костей. Но свет тут же погас, и раздраженным глазам все вокруг показалось розовым. Щуря их, Ожье посмотрела на пузырь – и вовремя. Там мелькнуло, транспорт влетел в сферу, будто поршень в цилиндр, и она качнулась, гася импульс. Все происходило в полнейшей тишине. Затем отклонение сферы достигло предела, она деформировалась, выпятилась, огромные пневматические опоры издали жуткий скрежещущий стон – и сфера медленно, плавно вернулась в исходное состояние.

– Ты все время поминаешь Землю-Два, – заметила Ожье. – Это должно что-то значить для меня?

– Земля-Два, – ответила Маурия не моргнув глазом.

Очевидно, целостность сферы нарушилась – она со свистом всасывала воздух. Ветерок шевельнул волосы Ожье. Дико замигали красные огни, завывали сирены. Белые техники ринулись на свои посты.

– Сурово здесь, – заметила Ожье.

– Ничего, переживут.

– А кто-нибудь не пережил?

– Однажды, пока мы еще отлаживали глюки в системе. Смотреть было неприятно, это да. Но с тех пор мы многому научились.

Транспорт начал опускаться в замкнутую структуру внизу сферы. Двери закрывали вид на нее.

– Пошли, глянем поближе, – предложила Скелсгард.

Верити проследовала за ней по чередке изолированных лестниц на нижний уровень. Снизу сфера казалась чудовищной. На ней во многих местах виднелись заплатки и швы. Свежие дефекты с разбегающимися лучами трещин уже были отмечены светящейся краской.

– Все это построили за год?

– Портал нашли два года назад. И надо отдать должное военным: они немало сделали до того, как я присоединилась к команде. Хотя чаще просто тыкали в портал острыми палками все большей длины и тяжести.

– Все равно я под сильным впечатлением.

– А зря. Конечно, мы стараемся прыгнуть выше головы, но все равно ничего бы не сделали без лошадиной дозы ноу-хау, полученного у прогров. И это не просто шпионские репортажи, вроде тех, что мы получали от Питера. Контрабанда технологии – не просто готовые вещи вроде роботов, но и приборы управления: кибернетика, наномеханика, вся машинерия, необходимая для взаимодействия с патологической материей порталного устья.

– И как же вы ухитрились все это стянуть?

– Мы не тянули. Вежливо попросили – и получили.

Из-под сферы через шлюз на платформе, толкаемой амортизаторами, выдвинулся транспорт. Он походил на артиллерийский снаряд. Снаружи сплошь оловянного цвета завитушки в стиле рококо – аппаратура. Повреждения были очевидны. Местами аппаратуру смяло или сорвало напрочь, открыв полосы яркого металла. Панели, лючки вырвало, обнажив опаленные, измочаленные внутренности: пучки проводов, топливные трубы. От транспорта пахло горелым маслом.

– Я же сказала: ухабистый получился перелет, – заметила Скелсгард. – Но если почиют, машина выдержит еще один рейс.

– А сколько нужно рейсов, чтобы привести ее в такое состояние?

– Хватает и одного. Но не всегда дела настолько плохи.

Транспорт передвинулся вбок. К нему заскользили два из трех змеероботов, из их головных полусфер выскочили датчики и оружие. Бригада техников уже приступила к ремонту транспорта, подключая оборудование, осторожно жестикулируя. Один посветил фонариком в темный проем – окно кабины. В то же время другие техники спустили со стапеля новый транспорт – там хранилось четыре таких. Новый транспорт переправили в шлюз. Суденышко исчезло за воротами и появилось уже в сфере, носом к дальней стене. Утечки залатали, почти все сирены умолкли. Несмотря на странность происходящего, обстановка казалась обыденной, привычной для работающих.

– А что сейчас будет? – спросила Ожье.

– Предполетное тестирование, проверка бортовых систем, условий в тоннеле. Если все в порядке, мы внедримся через шесть часов.

– Внедримся, – задумчиво повторила Ожье, глядя на тупоконечный транспорт и сужающуюся шахту, куда он нацелился. – Звучит очень фаллично.

– Да, но тут ничего не поделаешь, – сказала Маурия заговорщицки. – Ребятам охота позабавиться.

Она открыла ящик и достала два белых халата. Один протянула Ожье, второй набросила сама, плотно застегнула на липучки.

– Посмотрим, что там делается.

Змеероботы оставались начеку, а техники пытались открыть люк с помощью массивных инструментов. В конце концов он подался, засвистел – уравнивалось давление воздуха внутри и снаружи – и наконец отъехал вбок на сложных шарнирах. Изнутри полился теплый свет. Техник полез внутрь, через пару минут вернулся с коротко стриженной женщиной, одетой в нечто похожее на нижний слой скафандра. Женщина аккуратно придерживала свою руку – ушибленную или сломанную. Следом вышел мужчина с осунувшимся, бледным, донельзя усталым лицом. Скелсгард протолкалась сквозь толпу техников, перебросилась с прибывшими парой слов, затем сердечно обняла. Откуда-то возникли медики, и, как только Маурия отошла, принялись суетиться вокруг пилотов.

– Досталось им, – сообщила Маурия. – На другом конце попали в скверную турбулентность устья. Но главное, оба живы.

– Я думала, путешествие по гиперсети – безопасная рутина.

– Да, если обладать знаниями и опытом прогров. Но мы занимаемся гиперсетью всего год. Они могут провести сквозь тоннель целый лайнер и не коснуться краев. А для нас пока предел возможностей – пропихнуть крохотное суденышко, не развалив его при этом.

– Ты только что говорила про технологию прогров, или мне показалось? Как они могут быть тут замешаны, если даже не знают об этом месте?

– У нас немало сторонников среди умеренных прогров – тех, кто считает необходимым сдерживать агрессивный экспансионизм.

– То есть среди дезертиров и предателей, – презрительно заключила Ожье.

– Да, среди дезертиров и предателей, – раздался мужской голос за ее спиной. – Вроде меня.

Верити обернулась и увидела рядом стройное, мускулистое существо неопределенного возраста. Оно двигалось в серебристом облаке микромашин, блистающем, едва различимом. Ожье отступила, но существо взмахнуло рукой, успокаивая, закрыло глаза – и серебристое облако втянулось в него. Так странно, будто прокрученная назад видеозапись взрыва.

Без микромашин существо казалось почти человеком.

Как Ожье с большим уроном для себя выяснила на примере Кассандры, позднейшие поколения прогров очень походили на детей. Уменьшение тел для них оказалось выгодным. Миниатюрные люди не только потребляли меньше ресурсов, но и перемещаться им было легче – а это важно, даже принимая во внимание потенциально почти бесконечную мощность изобретенных програми двигателей. Но этот выглядел совершенно взрослым, хотя и очень молодым. Или он был из поколения, предшествующего неотеничным (и их нестабильным прототипам, «детям войны»), или принадлежал к фракции, сохранившей ностальгическую связь с прежним человечеством.

Кожа мелового цвета была безупречно гладкой, влажные карие глаза смотрели чуть печально, но выдавали энергичный и независимый характер. Хотя в зале стоял неприятный, по ощущению Ожье, холод, прогр носил лишь тонкие белые брюки и белую же рубашку, собранную на талии.

– Это Ниагара, – представила Скелсгард. – Как ты, наверное, догадалась, он гражданин Федерации Полисов.

– Я ничуть не оскорбляюсь, когда меня называют прогром, – сказал Ниагара. – Хотя вы, наверное, вкладываете в это слово негативный смысл.

– А разве не нужно? – удивилась Ожье.

– Только если хотите, чтобы оно прозвучало как оскорбление, – пояснил Ниагара и грациозно двинул рукой, словно изобразил знак веры.

Он провел кистью через грудь, затем стукнул в области сердца, будто поставил точку.

– Косая черта и точка, – сказал он. – Сомневаюсь, что вам это знакомо, но когда-то этот знак говорил о принадлежности к альянсу прогрессивно мыслящих людей, связанных вместе одной из первых компьютерных сетей. Федерация Полисов берет начало именно в этом хрупком союзе, существовавшем в первые десятилетия Века Забвения. Это не стигма, но символ общности.

– И вам дорога эта общность? – спросила Ожье.

– В широком смысле – да. Но я не прочь предать ее сиюминутные интересы, если полагаю, что в далекой перспективе принесу пользу. Насколько вы осведомлены о текущих конфликтах Полисов?

– Достаточно.

– Все же позвольте освежить вашу память. Сегодня в Полисах есть две основные противоборствующие партии: агрессоры и умеренные. Обе в широком смысле поддерживают идею восстановления Земли. Но резко отличаются в подходе к СШБВ. Умеренные хотели бы получить доступ к Земле путем торговли, выдачи лицензий на использование наших капельных двигателей, предоставления технологий универсального оздоровления и прочего в том же духе.

– На искушение Евы хватило одного яблока, – поморщилась Верити. – СШБВ еще помнят, что ваши великолепные наноавтоматы сделали с Землей.

– Тем не менее предложение пока в силе. Карты открыты. И как вы могли убедиться из общения с Кассандрой, умеренные вполне серьезно настроены на сотрудничество.

– А агрессоры?

– Они считают, что СШБВ никогда не подпишут соглашения с умеренными, потому что в СШБВ слишком много людей вроде вас. Так зачем же ждать несбыточного? Не проще ли забрать Землю силой?

– Они не посмеют!

– Посмеют и заберут. До сих пор их останавливали только сомнения. Они боялись, что ретры предпочтут уничтожить Землю, но не отдать ее програм. Тактика выжженной земли в самом буквальном смысле. Заросль – не просто орбитальное поселение. Там достаточно нацеленных мегатонн, чтобы превратить Землю в раскаленный уголь.

– Так что же изменилось?

– Все, – ответил Ниагара. – Теперь агрессивные считают, что смогут быстро захватить Заросль и не дадут большинству боеголовки уйти на цель. Но даже если это не получится, новая модель переделки Земли... позволяет исправить последствия массивной бомбардировки. Можно загнать радиоактивность под кору через стыки литосферных плит. А потом заселить планету организмами, устойчивыми к высокой фоновой радиации.

Ожье содрогнулась, представив, что подобная тектоническая реорганизация означает для любимых городов.

– Значит, вторжение неизбежно?

– Я сказал бы, что сейчас оно более вероятно, чем полгода назад. Потому некоторые из нас, умеренных, уже давно сторонники усиления ретров. Зовите это тактикой сдерживания.

– Все так просто? Вы помогаете нам с непонятными штуковинами пришельцев, чтобы у нас был шанс выстоять против вашего же народа, когда польется дождь из дерьма?

– Для вас будет лучше, если я представлю ситуацию сложнее, чем на самом деле?

– Ниагара, простите, если не могу сразу поверить вам на слово, но я встречала в своей жизни только двух прогров, и один, вернее, одна оказалась мелкой лживой гадиной.

– Быть может, вас утешит, что Кассандра – оплот фракции умеренных. Если вам и искать друзей среди прогров, то она – первейшая кандидатура.

Скелсгард встала между собеседниками, подняла руки, будто пытаясь прекратить бой.

– Я понимаю, это шокирует, – сказала она Ожье. – Но прогры не все поголовно злодеи, пытающиеся стереть нас в порошок.

– Поверьте, я вас понимаю, – произнес Ниагара. – Мне известно, что терраформирование Земли уничтожит труд всей вашей жизни. Но я просто считаю, что цель оправдывает средства.

– Ниагара, вы и вправду считаете, что цель всегда оправдывает средства?

– Не всегда. Но почти. И можно сказать, судя по вашей биографии, что и вы придерживаетесь схожих взглядов.

– Возможно, для достижения цели я охотно переступлю через ваш труп.

– А через труп мальчика?.. Ой, простите! Вырвалось нечаянно. Но тем не менее хочу заметить: ваше чутье всегда неукоснительно вело вас к поставленной цели. И меня это искренне восхищает. Я верю, что у вас все шансы на успешное завершение миссии.

– А, наконец-то мы заговорили по делу. И что же вы знаете о моей миссии?

– Я знаю, что на другом краю этого гипертоннеля было утрачено важное имущество и вы обладаете всеми качествами, необходимыми для его возвращения.

– А почему вы сами не можете этого сделать?

– Потому что не знаю этой области так, как знаете ее вы. Не знает ни Авелинг, ни Скелсгард, никто другой в этой организации. Единственный человек, компетентный в достаточной степени, мертв. Это Сьюзен Уайт.

– Таких подробностей Калискан мне не сообщил.

– Могло бы это повлиять на ваше решение?

– Могло бы.

– Значит, не сообщив, он поступил правильно. Что же касается меня, то проблема не в незнании или нежелании. Мне туда путь заказан. Попытавшись проникнуть, я бы умер.

– А я?

– Для вас – никаких трудностей, – ответил Ниагара и повернулся взглянуть на транспорт, загружаемый в стеклянную сферу.

Техники еще оживленно суетились снаружи, но по их поведению было ясно: все идет согласно плану.

– Значит, вы хотите сунуть меня в эту штуку? И не скажете ни слова о том, что ожидает на другой стороне?

– Путешествие занимает тридцать часов. Для инструктажа хватит с лихвой.

– Я могу отказаться?

– Вы не думаете, что немножко опоздали с отказом? – И Ниагара обратился к Скелсгард: – Она готова для языкового урока?

– Авелинг сказал, что урок надо дать прямо сейчас. Тогда все успеет улечься у нее в голове по пути к Земле-Два.

– Что за урок? – спросила Верити.

Ниагара поднял руку. Из его ладони вырвалась туманная струйка поблескивающих микромашин, потянулась к голове Ожье.

Вспыхнула боль, словно череп яростно штурмовала армия в невыносимо блистающих доспехах. Затем отключились все чувства.

Сознание проснулось вместе с болью. Верити казалось, что она падает. В уши вторгся голос, выговаривающий слова на языке, которого она никак не могла знать:

– Wie heisst Du?

– Ich heisse Auger... Verity Auger².

Ответ вылетел из ее горла со смехотворной легкостью.

– Хорошо, – похвалил голос уже по-английски. – Даже отлично. Уложилось прекрасно.

Говорила Маурия Скелсгард, сидя рядом в тесной кабине – должно быть, в гиперсетевом транспорте. По другую сторону от Ожье – в кабине было всего три кресла – оказался Авелинг.

Гравитации не было.

– Что происходит? – спросила Ожье.

– Происходит беседа по-немецки, – ответил Авелинг. – Машинки Ниагары переделали языковой центр в твоём мозгу.

– У тебя теперь и французский, – поспешила добавить Скелсгард.

– У меня уже был французский, – высокомерно буркнула Ожье.

– У тебя академическое знание письменного французского, каким он стал в последние годы Века Забвения, – уточнила Скелсгард. – Но теперь ты можешь на нем разговаривать.

Головная боль усилилась, будто кто-то стукнул крошечным камертоном по черепу и тот гулко отозвался.

– Я бы не согласилась, чтобы в меня совали это... – Она хотела сказать «дерьмо», но слово застряло где-то на полпути между мозгом и горлом. – Эту пресквернейшую пакость.

Интересно, откуда явилось неуклюжее, помпезное словечко «пресквернейшая»?

– У тебя не было выбора, раз уж ты подрядилась на миссию. Через тридцать часов окажешься в Париже, в полном одиночестве, и рассчитывать придется лишь на собственный ум и смекалку. У тебя не будет ни оружия, ни компьютера, ни даже связи. Мы можем дать только язык.

– Мне не нужны машины в голове!

– Значит, тебе очень повезло, – ухмыльнулась Скелсгард. – Их там нет. Они уже вышли из тела, но осталась созданная ими невральная структура. К сожалению, долго она не протянет. Два-три дня в Париже, потом деградация.

Любопытство заставило Ожье спросить:

– Если действие этих машин так важно, почему бы не оставить их во мне?

– По той же причине, по какой Ниагара не может пойти с нами, – ответила Маурия. – Цензор не пропустит машины.

– Цензор?

– Ты скоро его увидишь, – процедил Авелинг. – Так что не ломай над этим свою прелестьную головку. Ломать головы – наша работа.

Ожье испытывала лихорадочное возбуждение. Мир вокруг будто промыли и уложили под хрупкое стекло. Похожее бывало после передозировки кофе и работы. Лет пятнадцать назад Верити с таким рвением взялась за математику, что однажды ночью переутомленный сложными уравнениями мозг начал применять алгебраические правила – упрощение, нахождение общего множителя – даже к языку, словно фразу можно преобразовать, как эмпирическую формулу для радиодатировки. Сейчас Ожье чувствовала себя в точности как тогда.

---

² – Как тебя зовут?– Меня зовут Ожье... Верити Ожье (нем.).

Достаточно взглянуть на цвет или форму – и в сознание радостно влетает соответствующий знак, то французское, то немецкое, то английское слово. Невыносимая какофония.

– Я могу очень рассердиться...

– Или плюнуть и принять как должное. Обещаю, побочных эффектов не будет, – сказала Скелсгард.

Ожье поняла, что протестовать бессмысленно. Машины уже побывали внутри и сделали свое дело. Хотя если бы ей предложили выбор между нанороботами и трибуналом, она бы предпочла нанороботов.

И если бы это сделало ее лицемеркой, охотно прибегающей к технологиям прогров, когда это выгодно, – что ж, пусть.

– Я прошу прощения за внезапность, – сказала Скелсгард не без сочувствия, – но у нас нет времени на дискуссии. Следует как можно скорее вернуть утерянное.

Ожье заставила себя успокоиться.

– Как я вижу, мы уже в пути?

– Внедрение прошло успешно, – сообщил Авелинг.

Все трое сидели бок о бок, окруженные инструментами, приборами и складными панелями. Оборудование выглядело странной смесью из предметов очень крепких и надежных и откровенно хрупких. Часть, несомненно, поступила от прогров. Скреплялась разномастная коллекция болтами, нейлоновыми тяжами и комками усиленной эпоксидной смолы, похожими на плевки. Рука Авелинга лежала на джойстике, торчащем из складной панели. Над ней экран показывал серию иррегулярных концентрических линий, этакую хаотично искаженную паутину, сходящуюся, однако же, к единому центру. Ожье сочла, что рисунок отображает навигацию по гипертоннелю. Что снаружи, не видно – иллюминаторы закрыты бронезаслонками.

В общем, увлекательная поездка в глухом лифте.

– Сейчас мы все в деле, – проговорила Ожье. – И надеюсь, вы мне наконец объясните, в чем оно состоит.

– Как мы уже убедились, лучше показать, чем рассказать, – ответила Скелсгард. – Это экономит время, которое иначе потратится на реплики вроде: «И вы ожидаете, что я поверю в эту чепуху?»

– А если я пообещаю, что не усомнюсь? В конце концов, я уже видела артефакты в офисе Калискана и уверена: они не поддельные.

– Да, они все настоящие.

– А значит, они откуда-то появились. Калискан говорил, что их не оберегали специально, – а они, похоже, датируются тысяча девятьсот пятьдесят девятым.

– А это подсказывает, что мы... – начала Маурия.

– Нашли путь в тысяча девятьсот пятьдесят девятый, – закончила Верити.

Она замялась, тщательно подбирая слова:

– Или, по крайней мере, в место, очень похожее на Землю тысяча девятьсот пятьдесят девятого года, хотя и не совпадающее в мелких деталях. Как, я угадала? Или промахнулась?

– Почти угадала.

– И эта версия Земли находится в АБО, о котором рассказал Питер. В том, куда вы нашли путь.

– Нам говорили, что ты классная, – отметила Маурия.

– Не понимаю одного: при чем здесь Париж?

– На другом конце тоннеля – город, очень на него похожий. Ты пойдешь туда и вступишь в контакт с человеком по имени Бланшар.

Ожье постаралась, чтобы голос звучал спокойно:

– Кто-то из нашей команды, вроде Уайт?

– Нет, он местный, – ответила Скелсгард, глянув на Авелинга. – Абориген Земли-Два.
– Это значит?..

– Это значит, что он там родился и вырос. И понятия не имеет, что живет не в настоящем Париже, не на подлинной Земле, не в реальном двадцатом веке.

Ожье пробрал озноб.

– И сколько таких, как он?

– Три миллиарда. Но не стоит из-за этого нервничать, ладно? Тебе нужно всего лишь найти Бланшара и забрать предмет, оставленный ему Сьюзен Уайт на сохранение. Задача нетрудная. Мы дадим адрес. Его дом недалеко от места нашего выхода. Доберешься без проблем. Бланшар тебя ждет.

– Вроде бы ты сказала...

– Представишься сестрой Сьюзен Уайт, – перебил ее Авелинг. – Она попросила Бланшара передать все тебе, если ты объявишься. Кроме прочего, именно поэтому нам нужна женщина.

Ожье ненадолго задумалась, пытаясь усвоить новую, ошеломляющую информацию. Вопросов напрашивалось – хоть отбавляй, но она решила: пусть очень хочется узнать все в мельчайших подробностях, лучше начать с главного.

– И что это за предмет?

– Всего лишь жестяная коробка с бумагами, – ответил Авелинг. – Для Бланшара они ничего не значат, но для нас очень ценны. Убеди его отдать коробку. Удостоверься, что бумаги внутри. Затем возвращайся к нам с добычей, и мы первым же рейсом отправим тебя домой.

– В самом деле так просто?

– Да.

– Тогда отчего меня не оставляет подозрение, что здесь подвох?

– Потому что он есть, – кивнула Скелсгард. – Нам в точности не известно, что произошло со Сьюзен, но, несомненно, она ощущала угрозу и потому отдала бумаги на сохранение Бланшару. Вполне возможно, что ее убили.

Авелинг оторвал взгляд от сходящихся линий на дисплее и раздраженно зыркнул на Скелсгард:

– Не нужно было говорить ей, что Уайт убили. Мы не уверены.

– А мне показалось, нужно. – Маурия пожала плечами.

– Так убили или нет? – спросила Ожье.

– Она упала с балкона и разбилась, – процедил Авелинг. – Больше мы ничего не знаем.

– Или ее столкнули, – добавила Маурия.

– Мне очень хочется знать, упала она сама или ее столкнули.

– Не важно! – отрезал Авелинг. – Тебе достаточно знать, что Земля-Два – враждебная территория. Уайт забыла об этом. Сперва она соблюдала осторожность. Поначалу все осторожно. Затем она вышла за рамки миссии, стала рисковать – и умерла.

– Как рисковать?

Скелсгард поспешно заговорила, чтобы опередить Авелинга:

– Сьюзен казалось, будто она нащупала что-то важное. Не хотела возвращаться к порталу. Мы получали от нее лишь зашифрованные послания, написанные от руки на открытках. Если бы она дала себе труд построить передатчик или вернуться на базу, то рассказала бы подробнее. Но Сьюзен слишком увлеклась расследованием – и не убереглась.

– Домыслы, – обронил Авелинг.

– Если вы не считаете, что она и в самом деле нашла что-то важное, то почему так торопитесь вернуть бумаги? Ведь думаете, в них и правда что-то стоящее спешки, я угадала?

– Мы торопимся, потому что не можем рисковать культурным загрязнением, – сказал Авелинг. – Если бумаги попадут в руки сообразительного человека, он может выяснить, откуда явилась Уайт. Нам неизвестно, как сильно она наследила. Пока не получим бумаги, останемся в неведении.

– Пожалуй, я должна добавить только одно: ты уж поосторожней, ладно? Просто походи в город и сделай свою работу, – попросила Скелсгард. – И вернись целой и невредимой. Ты нам нужна.

– В самом деле?

– Представляешь, каково мне будет возвращаться в компании одного Авелинга?

Глава 9

Флойд привез Кюстина с тяжелым инструментальным чемоданчиком к дому Бланшара в середине утра. Практическая сметка напарника не переставала удивлять. Он мог починить что угодно: и «матис», и водопровод в квартире, и покалеченный приемник мертвой шпионки. Флойд имел некоторое представление о ремонте лодок, но этим его познания и исчерпывались. Однажды он спросил, откуда у Кюстина такая сноровка, и получил ответ, что определенное умение обращаться с электричеством и металлом полезно для службы в уголовной полиции.

Больше расспрашивать не захотелось.

Флойд подождал в машине, пока Кюстина не пустят внутрь, затем еще пять минут, пока тот не покажется в окне пятого этажа. Кюстин не надеялся получить результаты до вечера, но все равно пообещал созвониться в два часа пополудни.

Флойд поехал к Монпарнасу. Петлял по переулкам до тех пор, пока не отыскал дом, где накануне оставил Грету. При свете дне он казался чуть менее унылым – но только чуть. Открыла дверь Грета и проводила гостя в скудно обставленную кухню, которую местная жиличка Софи показала Флойдю вчера.

– Я обращался в телефонную компанию, – сообщил он. – Телефон уже должен работать.

– Ну да, – удивленно ответила Грета. – Кто-то звонил всего час назад, но я была настолько занята, что не обратила внимания. Как ты убедил компанию снова подключить телефон? Тетя не может платить.

– Я договорился, чтобы счета поступали ко мне.

– В самом деле? Чертовски любезно с твоей стороны. И ведь непохоже, чтобы ты купался в деньгах.

– Не беспокойся. Непохоже, что я...

Он осекся.

– Буду это делать годами? – закончила Грета фразу за него. – Да, ты прав, это ненадолго.

– Я не хотел, чтобы прозвучало так грубо.

– Не бери в голову. – В ее голосе послышалась смущенная нотка. – Я просто вымещаю злость на всех, кто попадет под руку. Тебя упрекать не за что.

– И ты не тревожься понапрасну. Насколько я вижу, ты работаешь будь здоров. Как Маргарита сегодня?

– Если верить Софи, так же как и вчера, – ответила Грета, намазывая медом промасленный хлеб. – Доктор уже ввел ей дневную дозу морфина. Не понимаю, почему бы не колоть попозже, чтобы ночью она как следует высыпалась.

– Может, они опасаются, что ночной сон окажется слишком глубоким?

– Это вовсе не было бы плохо, – спокойно ответила Грета.

Сегодня она оделась во все белое, собрала черные волосы в пучок и повязала белым бантом. Он казался мерцающим, светящимся, будто из рекламы стирального порошка. Грета протянула гостю бутерброд, затем облизнула пальцы, слегка оттопырив губу – будто маленькая девочка.

– Венделл, спасибо, что остался на ночь. Ты так добр ко мне.

– Тебе нужна была компания. – Он вгрызся в бутерброд, слегка наклонив его, чтобы не закапаться медом. – Кстати, насчет Маргариты. Ты не против, если я поднимусь и поздороваюсь с ней? Помню, что ты сказала вчера, но очень хочется показать, что мне не наплевать на нее.

– Она может тебя и не вспомнить.

– Ну и пусть.

– Ладно. – Грета тяжело вздохнула. – Кажется, сейчас она почти в нормальном состоянии. Но не задерживайся, хорошо? Тетя очень быстро устает.

– Я постараюсь.

Она повела его наверх. Флойд доел бутерброд на ходу, под ногами скрипели доски пола. Грета открыла дверь в спальню, скользнула внутрь и тихо заговорила с Маргаритой. Флойд услышал, как старуха ответила по-французски. Она не знала других языков, даже немецкого. Хотя Грета рассказала однажды, что Маргарита родилась в Эльзасе и вышла замуж за немца-мебельщика, умершего в середине тридцатых. Дома супруги разговаривали только по-французски.

Когда жизнь для семьи Греты стало тяжелой – ведь она была еврейкой по матери, – семья отправила Грету в Париж. Она прибыла в город весной 1939-го в девятилетнем возрасте и прожила здесь большую часть последующих двадцати лет. После провалившегося нашествия в 1940-м был всплеск антигерманских настроений, но Грета спокойно его пережила, говоря по-французски с подчеркнутым парижским акцентом, превосходно скрывавшим ее происхождение. При первой встрече Флойд и заподозрить не мог, что она немка. Раскрытие этой тайны было первым из многих маленьких, но очень важных, волнующих шажков, которыми сближались Флойд и Грета.

– Можешь войти, – позвала она из спальни.

Дверь открылась шире, за ней обнаружилась Софи, уже уходящая с подносом в руках. Флойд отступил, пропуская ее, затем шагнул через порог. Жалюзи на окнах были опущены, на стенах прямоугольные пятна от снятых картин, фотографий и зеркал. Постель была аккуратно заправлена – должно быть, к визиту врача. Пожилая женщина сидела почти прямо, поддерживаемая тремя-четырьмя пухлыми подушками. Она была одета в ночную сорочку с цветочным узором и длинным рукавом. Седые волосы зачесаны назад, щеки слегка нарумянены. В полумраке Флойд едва различал лицо, но все же угадал в нем, истончившемся, бескровном, знакомые черты. Он подумал, что лучше бы не осталось ничего узнаваемого, но в ней было слишком много прежнего, знакомого, и оттого стало гораздо тяжелей на душе.

– Это Венделл, – тихо представила Грета. – Тетя, вы помните Венделла?

Флойд поклонился, держа шляпу обеими руками, будто поднося подарок.

– Конечно я его помню, – ответила Маргарита.

Ее глаза казались очень живыми и яркими.

– Флойд, как вы? Помню, мы всегда называли вас Флойд, а не Венделл.

– У меня все здорово, – ответил он, переминаясь с ноги на ногу. – Как вы себя чувствуете?

– Теперь неплохо. – Ее голос походил на шорох; приходилось напрягаться, чтобы различить слова. – Но по ночам очень тяжело. Я никогда не думала, что сон может отбирать столько сил. Не знаю, сколько их еще осталось.

– Вы сильная женщина, – проговорил он. – Думаю, у вас куда больше сил, чем вам кажется.

Она сложила на животе руки – тонкие, длиннопалые, похожие на птичьи лапы. Газета, раскрытая на парижских новостях, лежала на ее коленях, будто шаль.

– Хотела бы я, чтобы так и было на самом деле.

Флойд подумал: «Она знает». Пусть очень слаба и не всегда понимает, что происходит вокруг, но знает точно: она тяжело больна и уже не покинет эту комнату живой.

– Флойд, как там снаружи? Я всю ночь слышала дождь.

– Немного разъяснилось. Солнце уже выглянуло...

У него вдруг пересохло во рту. И зачем только он настоял на визите? Все равно не сможет сказать ничего, что она не слышала уже сотни раз от подобных ему благонамеренных

визитеров. Его захлестнуло стыдом. Ведь он пришел сюда не для того, чтобы сделать лучше ей, – захотел ублажить себя. Отдать долг вежливости. И будет стоять перед ней и делать вид, что не замечает смертельной болезни, – как перед слоном, которого видят все, но не решается назвать никто.

– Когда солнце встает, это так хорошо, – проговорил он, мучительно подбирая слова. – Город выглядит будто на картине.

– Да. Наверное, краски великолепны. Я всегда любила весну. От нее почти так же захватывает дух, как от осени.

– Кажется, нет такой поры, когда бы меня не восхищал этот город. Разве что в январе...

– Грета читает мне газету. – Маргарита хлопнула по развернутым полосам. – Хочет, чтобы я слушала только приятные новости, но мне интересны все – и дурные, и хорошие. И вот что скажу: не завидую я вам, молодым.

Флойд улыбнулся, напрягая память: когда это его в последний раз называли молодым?

– Пока ситуация не кажется мне слишком уж скверной.

– Вы помните тридцатые?

– Нет, не помню.

– Тогда, при всем уважении, скажу: вы и представления не имеете, какая ситуация хороша и какая плоха.

Грета тревожно и предупредительно взглянула на Флойда, однако тот лишь улыбнулся и добродушно произнес:

– Да, не имею.

– Во многих отношениях жизнь была прекрасной. Закончилась Депрессия, стало больше денег. Исчез дефицит еды, одежда стала красивее. Танцевальная музыка – лучше. Мы могли держать машину, раз в год отдыхать в провинции. И приемник купили, и даже холодильник. Но в той жизни была грязь, поток ненависти, клокотавшей совсем близко, под тонкой пленкой. – Маргарита посмотрела на племянницу. – Ненависть и загнала Грету в Париж.

– Наци получили то, чего заслуживали, – сказал Флойд.

– Мой муж успел увидеть этих чудовищ у власти. Он знал цену их пропаганде и пустым обещаниям, но понимал также, что они умело зывают к самому злему, жалкому и гнусному в людях. К тому, что есть у всех. Мы хотим ненавидеть тех, кто на нас не похож. И чтобы ненависть породила злодеяния, нужно лишь чуть нашептать на ухо, убедить нас в правоте ненависти.

– Это действует не на всех, – возразил Флойд.

– В тридцатых так говорили многие порядочные люди. Они считали, что слова ненависти дойдут лишь до невежественных и до тех, чьи сердца уже переполнены ею. Но это заблуждение. Нужны немалые силы души и разума, чтобы пустить отраву внутрь, – а такие силы нашлись не у всех. И еще меньше было тех, кто сумел высказаться против, встать на пути у разжигателей ненависти.

– Ваш муж был одним из таких? – спросил Флойд.

– Нет. Он был одним из миллионов, не сказавших и не сделавших ничего – до самой смерти.

Флойд не знал, что и ответить. Из сидящей на постели женщины будто лилась мощным потоком живая история. Флойд ощущал его силу.

– Я всего лишь хочу сказать, что ненависть очень заразна. Мой муж говорил, что пока разжигателей ненависти не уничтожат, не выжгут вместе со всем их ядом, всегда будет всходить новая поросль, как сорная трава. – Маргарита коснулась газеты. – Флойд, трава выросла опять. В сороковом мы подстригли газон, но не рассыпали пестициды. И спустя двадцать лет в мире снова свирепствует зараза.

– Я знаю, многие люди ведут очень худые речи. Но их никто не принимает всерьез.
– В двадцатых никто не принимал всерьез нацистов.
– Но сейчас действуют законы против разжигания ненависти, – возразил Флойд.
– По этим законам никого не наказывают. – Маргарита постучала острым ногтем по газете. – Обратите внимание на свежий репортаж: вчера насмерть забили юношу, который осмелился протестовать против сеятелей злобы.

– Юношу? – Голос Флойда вдруг прозвучал надломленно, слабее, чем у неизлечимо больной старухи.

– У вокзала. Тело нашли этой ночью.

– Нет!

Грета взяла его под локоть:

– Флойд, нам нужно идти.

Он ничего не ответил.

Маргарита сложила газету и столкнула с кровати.

– Я не хотела поучать вас, – сказала она, и сочувствие, теплота ее голоса были как нож в душу. – Я всего лишь хотела пояснить, отчего я так мало завидую вам, молодым. Двадцать лет назад на горизонте собирались тучи – и вот они собираются опять. – Она немного помолчала и добавила: – Конечно, со злобой еще не поздно справиться – если против нее встанет достаточно людей. Интересно, сколько человек прошло мимо того мальчика ночью и не помогло?

Грета потянула Флойда к выходу.

– Тетя Маргарита, ему нужно идти.

Маргарита взяла его за руку:

– Так мило, что вы решили проведать меня. А еще придете?

– Конечно, – поспешил согласиться Флойд и вымученно улыбнулся.

– Пожалуйста, принесите мне земляники. В этой комнате станет немного повеселее.

– Я принесу земляники, – пообещал он.

Грета повела его вниз, не отпуская руки.

– Вот так всегда, – заметила она, когда отошли далеко от дверей спальни. – Когда обсуждаем новости, у нее язык как бритва. При этом тетя не понимает, какой сейчас месяц. Тебя вот вспомнила, и то хорошо. Будем надеяться, она забудет про землянику.

– Я найду...

– В это время года? Флойд, не беспокойся. В следующий раз, когда ты придешь, она ничего не вспомнит.

Флойд подумал: Грета говорит столь жестокие и циничные слова лишь потому, что любит Маргариту.

Они уселись за стол в кухне. На подоконнике ворковал голубь. Грета подхватила кусок черствого хлеба и швырнула в стекло. Взвихрились серые перья, голубь упорхнул.

– Может, это другой парень, – сказала Грета, угадав, о чем думает Флойд. – Ты, наверное, в последнее время не читаешь газет. Людей бьют постоянно.

– Мы оба знаем: мальчишка тот самый. Зачем притворяться?

– Вчера мы это уже обговорили. Если бы ты вмешался, тебя бы зарезали.

– Прежний я, может, и вмешался бы.

– Прежнему тебе следовало иметь побольше здравого смысла.

– Пытаешься успокоить мою совесть? – спросил Флойд, глядя в потолок и воображая только что посещенную спальню и молчание, в котором осталась ее обительница. – Пусть она не представляет, какой сейчас месяц, но суть происходящего понимает как надо.

– Может, все не так плохо. Старики постоянно думают, что мир вот-вот развалится. Так уж у них заведено.

- А вдруг они правы? – спросил Флойд.
- Грета подняла хлеб, которым бросала в голубя.
- Возможно. И это отличная причина уехать из Парижа.
- Интересный вывод.
- Сдается, ты и не задумывался над моим предложением.
- Я рассказал Кюстину.
- И как он отнесся?
- Легко. Он ко всему так относится.
- Андре хороший человек. Думаю, из него выйдет отличный глава частного сыскного агентства.
- Да. И за год он покорит весь Париж.
- Так отчего бы не дать ему шанс?
- Я прожил здесь двадцать лет. Уехать завтра – все равно что признать эти двадцать лет ошибкой.
- Они станут ошибкой, если будешь так думать о них.
- Не уверен, что можно думать иначе.
- Париж уже не тот город, каким был в год твоего приезда. Много изменилось, и далеко не все – к лучшему. Вернуться не значит признать поражение. Флойд, сколько тебе сейчас? Тридцать пять? Сорок? Не так уж стар. В особенности если не будешь считать себя старым.
- Ты, случайно, не заглядывала в коробку?
- И прекрасно умеешь переводить разговор, – снисходительно улыбнулась Грета. – Ладно, поговорим об отъезде потом. Да, я просмотрела бумаги.
- И что можешь сказать?
- Нельзя ли обсудить это в другом месте? Здесь у меня что-то нервы шалят. Софи останется на все утро. А я с удовольствием подышала бы свежим воздухом.
- Хорошо, давай прогуляемся, – потянулся к шляпе Флойд.

Флойд нашел место для парковки на улице Риволи, около Лувра. Дождь унялся, хотя облака на окраине выглядели чернильными, сулящими грозу. Но на Правом берегу было приятно: солнце изо всех сил старалось высушить тротуары и обеспечить последние в сезоне продажи торговцам мороженым. Чудесный осенний день! Флойд очень дорожил такими. Ведь каждый может оказаться последним. И не заметишь, как в город лукаво прокрадется зима.

- Ну хорошо, – произнес он, чувствуя, как поднимается настроение. – У нас в планах культура или просто гулянье в Тюильри?
- Культура? Ты ее не узнаешь, даже если укусит тебя за нос. К тому же я сказала, что хочу свежего воздуха. Картины подождут. Они уже долго ждали.
- По мне, так и лучше. Больше получаса в любом музее – и я чувствую себя экспонатом.
- Грета взяла жестяную коробку с собой – сунула под мышку. Тюильри тянулся от музея до площади Согласия элегантной строгой лентой по Правому берегу. Сад был частью города со времен Екатерины Медичи, то есть уже четыре века. Флойда всегда удивляло, что эти геометрически правильные участки зелени пережили все перемены, выпавшие на долю Парижа за столь большой срок. Тюильри был любимейшим местом Флойда, особенно в спокойные будние утра. У западного края сада, близ восьмиугольного бассейна, стояли шезлонги. Грета с Флойдом нашли свободные и стали крошить и разбрасывать принесенный из дому черствый хлеб.
- Не знаю, чего именно ты от меня ждешь, – постучала Грета по жестянке. – Но если необычного и непонятного, то здесь такого предостаточно.

- Ты не беспокойся о том, как преподнести. Скажи, что вычитала, а я сделаю выводы.
- Извини, как фамилия той женщины? Сьюзен, а дальше? На открытке только ее имя.
- Сьюзен Уайт. Если, конечно, это настоящие имя и фамилия.
- Ты серьезно считаешь, что она в чем-то замешана?
- Серьезнее, чем вчера. Кюстин сейчас пытается выяснить, во что она превратила приемник у себя в квартире.
- Между прочим, ты мне дал хороший повод отвлечься от мыслей о тете.
- Рад, что хоть чем-то помог. – Флойд отломил кусок закаменевшей корки и швырнул толпе жадных, сварливых селезней. – Ну ладно, давай излагай, что ты вычитала.
- Насчет карт и рисунков я тебе не помогу, но скажу кое-что по поводу вот этого. – Она покопалась в жестянке и выудила письмо, напечатанное на гербовой бумаге.
- А, из Берлина, от сталелитейной компании?
- Да, «Каспар металз».
- О чем переписка?
- У меня только одно письмо, так что приходится кое о чем лишь догадываться. Но похоже, Сьюзен Уайт пишет о контракте, которым занималась «Каспар металз».
- Контракт заключила Сьюзен?
- Нет. Похоже, тут замешан кто-то третий. Но, судя по тексту, Уайт знает о контракте достаточно и не выглядит посторонней.
- К пруду с утками подошла небольшая чинная группа людей – восемь-девять мужчин в костюмах и шляпах. Они окружали старика в инвалидной коляске, которую толкала кряжистая медсестра.
- А подробней о контракте? – попросил Флойд.
- О нем сказано мало, – наверное, подробности были в предыдущей переписке. Но кажется, фирме заказали большой алюминиевый слиток. Даже три слитка. В письме говорится о затратах на приведение отливок в сферическую форму с желаемой точностью.
- Флойд наблюдал, как старик дрожащими руками бросает хлеб в бассейн, приманивая уток.
- В коробке были чертежи с какими-то кругляшами, – сказал Флойд. – Наверное, те самые сферы.
- Ты выглядишь разочарованным, – заметила Грета.
- Я думал, это план чего-нибудь занимательного, вроде бомбы. Но обыкновенные слитки... – Он пожал плечами.
- Тут пишется, что шары нужны для художественной инсталляции. Но это может быть лишь легендой, скрывающей истинное предназначение заказа.
- Ничего не склеивается, – пожаловался Флойд. – Если ты американская шпионка, зачем заказывать отливки, для чего бы они ни предназначались, у немецкой фирмы? Сотня американских сделает то же самое.
- Хорошо, давай предположим на минуту, что Сьюзен и в самом деле шпионка. Чем еще занимаются шпионы, кроме шпионажа? Они следят за другими шпионами.
- Согласен. Но...
- А вдруг Сьюзен послали, чтобы она наблюдала за чужой операцией? Уайт добывает какие-то важные сведения о берлинском контракте. Всего она не знает, но хочет – и должна – выяснить. Потому отправляет письмо в «Каспар металз», представляясь лицом, связанным с организацией-заказчиком.
- Возможно, – неохотно согласился Флойд.
- Грета бросила кусок хлеба уткам.
- Есть еще кое-что.
- Давай.

– В письме говорится о стоимости транспортировки готовых изделий. И вот что интересно: их везут в три разных места. Куда-то в Берлин, Париж и Милан.

– Я не припомню ничего похожего на адрес.

– В письме его и не было. Отправитель, наверное, полагал, что адреса известны корреспонденту.

Флойд задумался, при чем тут Милан.

– Но нам-то адреса неизвестны. У нас есть всего лишь пара линий на карте Европы.

Он вспомнил нарисованную букву «L» и аккуратно вычисленные расстояния между городами.

– Я пока не понимаю, что должны означать пометки на карте, но очевидно, они как-то связаны с работами, проводившимися на фабрике.

– И последнее, – сказала Грета. – Билет на поезд. Ночной экспресс до Берлина. Билет не использован.

– Дата есть?

– Продан пятнадцатого сентября. Отправление с Северного вокзала двадцать первого сентября. Она зарезервировала спальное купе.

– И погибла двадцатого, – заметил Флойд, вспомнив записи в своем блокноте. – Бланшар сказал, что коробку Сьюзен отдала ему то ли пятнадцатого, то ли шестнадцатого. Точней не вспомнил. Как раз в то время она покупает билет, которым так и не воспользуется.

– Интересно, почему она не взяла билет на первый же поезд до Берлина, а вместо этого заказала купе за пять дней?

– Может, у нее были другие дела или она позвонила на фабрику и договорилась о визите в определенный день. Так или иначе, Сьюзен понимала, что проведет в Париже еще несколько дней. При этом она осознавала опасность и приняла меры, чтобы документы не попали в чужие руки.

– Флойд, а тебе не кажется, что если ее убили из-за документов, то из-за них могут убить кого-нибудь еще?

Группа отошла от пруда с утками, под колесами инвалидной коляски хрустел гравий дорожки, ведущей к музею Оранжери. Над деревьями, растущими вдоль Сены, на Левом берегу сияла в солнечных лучах мокрая крыша Вокзала Орсе. Вопреки названию, Вокзал Орсе уже много лет не был вокзалом. Одно время носилась в воздухе смутная идея превратить его в музей, но в конце концов власти решили, что эффективнее всего переоборудовать старое здание в тюрьму для высокопоставленных политических узников. При виде тюрьмы Флойд ощутил, как шевельнулась память. С чем-то это связано... Но с чем?

Он бросил оставшиеся крошки немногочисленным уткам, оставшимся у берега после отъезда старика.

– Знаю, риск есть. Но не брошу расследование лишь потому, что кому-то оно может не нравиться.

Грета внимательно посмотрела на него и спросила:

– И какое отношение к твоему твердолобому упрямству имеет то, что недавно сказала Маргарита?

– Это просто работа: клиент заказал, я выполняю. И не более того. А такая работа, надо заметить, очень неплохо оплачивается.

– Значит, дело в деньгах?

– В деньгах и любопытстве, – признался он.

– За деньги не вылечишь свернутую шею. Собери все, что накопал, и передай властям. Пусть сами стыкуют улики.

– Вот и Кюстин так говорит.

– Может, он и прав. Подумай хорошенько и не лезь на глубину. Ты парень большой и крепкий, но никудышный пловец.

– На глубину не полезу, успею отойти в сторону.

Грета отрицательно покачала головой:

– Я слишком хорошо тебя знаю. Ты спохватишься, когда начнешь тонуть, и никак не раньше. Но к чему с тобой спорить? Я проголодалась. Пойдем на Елисейские Поля, там пекут хорошие блины. По пути можешь купить мне эскимо. А потом отвезешь меня на Монпарнас.

Флойд решил подчиниться и протянул ей руку. Они пошли к Елисейским Полям. Вдалеке ветер подхватил зонтик и понес высоко над землей.

– Как твой джаз-банд?

– Его не стало, когда ушла ты. Нас больше не осыпали приглашениями.

– Я всего лишь часть. И не самая важная.

– Ты чертовски хорошая певица и гитаристка. Без тебя от группы остались рожки да ножки.

– Вы с Кюстином хорошие музыканты.

– Хорошие. То самое слово.

– Ты не просто хороший. Ты лучше.

– Не я, а Кюстин.

– Правда, ты далеко не худший в мире бас-гитарист. Умел давать жару. Конечно, когда очень хотел.

– Ну да. Аккорды знаю, неплохо ритм держу.

– Так говоришь, будто в этом есть что-то стыдное. Сотня групп в Ницце с руками бы оторвали такого гитариста.

– Но я не умею ничего такого, чего бы ты не видела раньше.

– Не все хотят нового.

– В том-то и дело. Мы постоянно выдаем старый свинг на старый манер. Всегда один и тот же. Я уже устал от него. Для Кюстина взять в руки саксофон – суцая пытка.

– Так сделайте что-нибудь другое.

– Кюстин пробует. Ты же помнишь, он постоянно заставлял нас играть быстрое восьмитактовое, хотя мы упорно держались за старые медленные четыре четверти.

– Так, может, Кюстин уже задумал что-то новое?

– Да нет. Этим восьмитактовым он заразился от парня, игравшего здесь несколько лет назад. От канзасского героинового наркомана. Парню лет не больше, чем мне, а выглядит на шестьдесят. Звал себя то ли Ярдхаундом, то ли Ярддогом. Лабал безумные импровизации, делал вид, будто это новая волна и будущее. Но никто такого будущего не хотел.

– Кроме Кюстина.

– Да. А он сказал, что эта музыка всегда звучала у него в голове.

– Ну так играй вместе с ним!

– Слишком быстрая она для меня. Но даже если бы я приспособился, никто другой не стал бы ее слушать. Под такую даже не потанцуешь.

– Не следует сдаваться так легко, – упрекнула Грета.

– Что уж теперь... Нынешней публике не нужен даже старый добрый джаз. Половина клубов, где мы играли в прошлом году, уже закрылась. Может, в Штатах дела обстоят иначе, но здесь...

– Люди все разные. Некоторые очень не хотят, чтобы белые и черные нормально ужились, уже не говоря о том, чтобы играть одну музыку. Ведь благодаря музыке мир и в самом деле может стать немного лучше.

– И что ты хочешь этим сказать? – улыбнулся Флойд.

– Тем из нас, кому не все равно, не стоит сдаваться. Может, нужно поступать как раз наоборот – высовываться время от времени.

– Я не стану высовываться ни за какие коврижки.

– Даже ради любимой музыки?

– Может, я и считал когда-то, что джаз спасет мир. Но теперь я старше и мудрее.

Идя по гравийной дорожке, пара снова миновала старика-колясочника, и в памяти Флойда вдруг щелкнуло, будто ключ в хорошо смазанном замке. Может, причиной тому недавний разговор с Маргаритой, а может, политическая тюрьма за рекой. Флойд узнал старца. Тот наклонился вперед, челюсть отвисла, изо рта текла слюна. Кожа казалась прилипшей к черепу, будто слой папье-маше. Руки тряслись, как у паралитика. Говорили, что под одеялом, укрывавшим нижнюю часть туловища, больше вырезано, чем оставлено. Теперь крови в его жилах текло меньше, чем раствора химикатов. Но старик пережил рак, как пережил и покушение в мае 1940-го, когда бесславно захлебнулось наступление в Арденнах. В лице еще угадывались прежние черты, остались и ефрейторские усики, и поредевшая челка, теперь уже седая, а не черная. Минуло двадцать лет с того дня, когда рассыпались и сгорели его имперские амбиции. В карнавале монстров, рожденных двадцатым веком, он был лишь одним из многих. Его речи когда-то пылали ненавистью – но кто тогда не кричал с трибун? Тогда людьми и странами двигала ненависть. Может, он сам и не верил в свои речи. Во всяком случае, для Франции он оказался не хуже пришедших потом. Кто станет утром в садах Тюильри проклинать его, отсидевшего столько в Орсэ? Теперь он не пугало – убогий старик, достойный жалости, а не отвращения и ненависти.

Пусть кормит уток.

– Флойд?

– Что?

– Ты будто за милю от меня.

– Не за милю. За двадцать лет. А это не одно и то же.

Грета подвела его к стойке продавца мороженого. Флойд нащупал в кармане монеты.

Глава 10

Ожье проснулась под металлический перестук двигателей – будто заколачивали заклепки. Первая мысль: что-то пошло не так. Но Авелинг и Скедгард выглядели не встревоженными, а внимательными и собранными. Что бы ни происходило, они наверняка знали и были готовы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.